

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издаётся под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

5

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Т.В. Черниговская (Санкт-Петербург), К. Гор (Мэриленд), Т.И. Свистунова, Т.Е. Петрова, М.Г. Храковская (Санкт-Петербург). Ментальный лексикон при распаде языковой системы у больных с афазией: экспериментальное исследование глагольной морфологии	3
Н.В. Кузнецова (Санкт-Петербург). Супрасегментная фонология сойкинского диалекта ижорского языка в типологическом аспекте	18
Н.Р. Добрушина (Москва). Семантическая зона оптатива в нахско-дагестанских языках.	48
В.С. Панфилов (Санкт-Петербург). Конъюнкты и предлоги в китайском языке	76
Ю.Я. Бурмистрович (Абакан). Позиционные смягчения заднеязычных согласных в предславянском языке	90

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В.М. Аллатов (Москва). Розалия Осиповна Шор	114
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

П.В. Исад (Москва/Тромсё). А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики	132
Е.А. Черниговская (Москва). В.М. Аллатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская. Теорети- ческая грамматика японского языка	136
В.В. Шаповал (Москва). И.Г. Добродомов, И.А. Пильщиков. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: герменевтические очерки	141

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В.М. Аллатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караполов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина

Зав. отделами: Н.В. Вострикова, О.А. Казеннова, М.М. Маковский, Г.В. Строкова
Зав. редакцией Н.В. Ганиус

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Редакция журнала «Вопросы языкознания»
Тел. (495) 637-25-16

© 2009 г. Т.В.ЧЕРНИГОВСКАЯ, К. ГОР, Т.И. СВИСТУНОВА, Т.Е. ПЕТРОВА,
М.Г. ХРАКОВСКАЯ

МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ПРИ РАСПАДЕ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ У БОЛЬНЫХ С АФАЗИЕЙ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ*

Представляемое экспериментальное исследование впервые показывает особенности процедур обработки регулярной и нерегулярной вербальной морфологии у больных с афазией на материале специально разработанных тестов для русского языка. Проверяются основные обсуждаемые в работах последних лет гипотезы об организации ментального лексикона и механизмах, обеспечивающих морфологические процедуры. Результаты свидетельствуют о том, что формулирование гипотез об универсальных механизмах организации ментального лексикона преждевременно и требуется проведение межязыковых исследований.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема организации ментального лексикона стала одной из самых обсуждаемых проблем в психолингвистике конца XX и начала XXI века. В частности, дискуссии ведутся вокруг организации морфологических процедур, связанных с регулярным и нерегулярным словоизменением.

В литературе принято выделять два основных противостоящих друг другу подхода к данной проблеме: двусистемный [Marcus et al. 1992; 1995; Pinker 1991; Pinker, Prince 1988; 1994; Prasada, Pinker 1993; Ullman 1999] и односистемный подход – в коннекционистской его версии [MacWhinney, Leinbach 1991; Plunkett, Marchman 1991; 1993; 1996; Rumelhart, McClelland 1986] или в сетевой [Bybee 1985; 1988; 1995]. Основное различие между этими моделями состоит в том, как их сторонники рассматривают процессы обработки и усвоения регулярных и нерегулярных форм. Сторонники двусистемного подхода постулируют независимые механизмы порождения этих двух типов паттернов, согласно которым регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком. Односистемный подход основан на идее единого механизма порождения форм и придает особый вес лексическим связям, фонологическому и семантическому сходству [Bybee 1988; 1995; Plunkett, Marchman 1991]. Сторонники односистемного подхода считают, что в мозгу, который является единой нейронной сетью, не существует символьических правил и принципиальной разницы в обработке и хранении регулярных и нерегулярных форм нет, поэтому все формы будут в равной степени подвержены влиянию фонологических и частотных факторов.

В основе споров между сторонниками этих двух главных гипотез лежит фундаментальное для современной когнитивной науки разграничение процессов, организованных по принципу подобия, и процессов, основанных на правилах [Hahn, Chater 1998].

Результаты экспериментальных исследований в этой области, проводившихся изначально на материале глагольной морфологии германских языков (главным образом, английского), противоречивы и приводят данные как в поддержку одной, так и другой

* Исследование поддержано грантами РФФИ 06-06-80152а и РГНФ 07-04-00285а.

модели. Однако в последнее время обсуждение проблемы перешло на кросс-лингвистический уровень, и данные исследований на базе языков с богатой морфологией (скандинавские языки [Ragnarsdottir et al. 1999; Blesses 1998; Jensvoll 2003; Veres 2004], итальянский [Matcovich 1998; Say, Clahsen 2001], немецкий [Clahsen 1999], французский [Meunier, Marslen-Wilson 2000], испанский [Clahsen et al. 2002], польский [Reid, Marslen-Wilson 2001; Dabrowska 2004], русский [Gor, Chernigovskaya 2003; 2005; Черниговская и др. 2008] приводят все больше аргументов в поддержку односистемного подхода или даже иной, третьей модели. В языках с богатой морфологией вообще сложно говорить о категориальном разграничении регулярной и нерегулярной обработки в силу большого разнообразия глагольных классов; кроме того, эксперименты на базе русского языка показали, что ни одна из предложенных теоретических моделей не может быть применена в том виде, в котором они были сформулированы, к языкам со сложной морфологической системой [Chernigovskaya, Gor 2000; Gor, Chernigovskaya 2001; 2005]. К. Гор на основании этих данных была предложена модель «правил и вероятностей» (rules and probabilities model) [Gor 2004].

В этом контексте данные, полученные в рамках той же научной парадигмы при исследовании больных с афатическими расстройствами, говорящих на русском языке, представляют бесспорный интерес, т.к. позволяют ввести в обсуждение новые оригинальные данные и, возможно, внести изменения в понимание природы взаимоотношений между восприятием и порождением слова по частям и целиком, а значит, и в наши представления о структуре ментального лексикона.

2. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Данные афазий используются в исследованиях различных уровней языка, в том числе и морфологии.

Афазия – это специфические нарушения речи, вызванные локальными поражениями определенных зон коры головного мозга: зоны Брока и зоны Вернике. Существуют разные классификации афазий. В упрощенном варианте предполагается выделение двух типов в зависимости от локализации повреждений: 1) афазия Брока, или моторная афазия, и 2) афазия Вернике, или сенсорная афазия. При моторной афазии в первую очередь страдает производство речи, тогда как восприятие остается сохранным. При сенсорной афазии – способность к производству речи остается, а восприятие нарушается.

Поскольку в данном исследовании центральным вопросом являются особенности порождения глагольных форм, то большинство испытуемых были пациентами с моторной афазией. У таких больных наблюдаются аграмматизмы, которые выражаются в неспособности построения сложных высказываний и нарушениях морфологии.

В рамках дискуссии об организации ментального лексикона первыми афатический материал стали привлекать сторонники двусистемного подхода. М. Ульман и его коллеги [Ullman et al. 1997] обнаружили нейрофизиологические механизмы двойной отрицательной связи (double dissociation) в порождении форм прошедшего времени от регулярных и нерегулярных глаголов. В частности, они выявили, что люди с сенсорной афазией (или афазией Вернике, то есть с нарушением восприятия речи) лучше справлялись с порождением форм от регулярных глаголов, а с моторной афазией (или афазией Брока, то есть с нарушением порождения речи) – с формообразованием от нерегулярных глаголов. Они полагают, что это является свидетельством в пользу гипотезы, согласно которой регулярное и нерегулярное словоизменение обеспечивается двумя различными механизмами. Эти выводы подтверждаются и на большей выборке пациентов в более поздней статье М. Ульмана и его коллег [Ullman et al. 2005].

Схожее мнение высказывается У. Марслен-Уилсоном и Л. Тайлер [Marslen-Wilson, Tyler 1998]. Они провели эксперимент, где пациенты с афазией должны были принимать лексическое решение, то есть определить, является ли целевое слово, предъявляемое на слух, реальным словом английского языка, которому предшествовало также произ-

носимое вслух слово-прайм, или подсказка. Связи между стимулом и праймом были различны: семантически связанные имена существительные и имена прилагательные, а также регулярные и нерегулярные формы настоящего и прошедшего времени. Данные тестирования показали, что часть пациентов демонстрирует высокие результаты для нерегулярных глаголов и семантически связанных существительных и прилагательных, часть – для регулярных глаголов. По мнению авторов, это является свидетельством раздельности процессов обработки регулярной и нерегулярной морфологии.

Также дополнительным свидетельством в пользу двусистемного подхода являются результаты М. Вайнрих с соавторами [Weinrich et al. 1999], исследовавших пациентов с моторной афазией, которых тренировали на порождение глагольных форм, а затем анализировали их устную и письменную речь, в которой содержались как глаголы из тренировочного материала, так и новые. Результаты показали, что после тренировки ошибок на спряжение глаголов стало статистически значимо меньше. Однако были обнаружены различия между письменной и устной речью. Пациенты отлично справлялись с порождением форм от регулярных глаголов как в устной, так и в письменной форме без тренировки, тогда как ошибок на нерегулярное словоизменение было на порядок больше в нетренированной письменной форме, чем в устной. Авторы утверждают, что это является свидетельством того, что нерегулярные глаголы хранятся отдельно, поскольку люди с афатическими нарушениями способны применять регулярное правило в глаголах, на порождение которых их не тренировали в обеих модальностях, в случае же нерегулярных глаголов такого не происходит.

Однако явление двойного разделения, то есть раздельного хранения регулярных и нерегулярных форм, может быть объяснено не только существованием двух различных механизмов.

Было предпринято несколько попыток объяснить этот феномен и в рамках конекционистского подхода. Например, в статье К. Планкетта и С. Банделоу [Plunkett, Bandelow 2006] использовалась унимодальная сеть для моделирования явления двойной отрицательной связи. Они установили, что случайное разрушение искусственной нейронной сети может использоваться для симуляции отрицательной связи. Например, такие разрушения могут приводить к утрате нерегулярного словоизменения (но не регулярного) или к утрате глагольного словоизменения целиком, но с сохранением именного словоизменения. Также авторы выявили, что частота стимула влияет на порождение некоторых индивидуальных форм: высокочастотные существительные более сохранны, чем низкочастотные. Им же удалось смоделировать и явление двойной отрицательной связи. Таким образом, основываясь на этих данных, авторы полагают, что сетевой подход вполне конкурентоспособен.

Существуют и другие объяснения того факта, что пациенты с моторной афазией лучше справлялись с порождением форм от нерегулярных глаголов. В целой серии статей [Bird et al. 2003; Braber et al. 2005; Lambon Ralph et al. 2005] выдвигается гипотеза о том, что данное явление может быть связано с фонологическим, а не морфологическим дефицитом: исчезновение регулярного словоизменения может быть классифицировано как фонологическое упрощение.

Однако в статье Я. Фароки-Шах и С. Томпсон [Faroqi-Shah, Thompson 2004] утверждается, что помимо фонологического дефицита существует еще одно объяснение ошибкам на словоизменение при афазии. По их мнению, поскольку пациенты способны к порождению большого количества разных форм, у них нет трудностей с доступом к фонологическому уровню, а проблемы у них начинаются на диакритическом уровне, когда слову должны приписываться конкретные граммемы, например, граммема прошедшего времени. Также они выявили зависимость между частотностью формы слова и количеством ошибок в словоизменении: значительная часть ошибок состоит в заменах низкочастотных форм слова на высокочастотные.

Другой подход к дефициту в нерегулярном глагольном словоизменении используется в работе К. Паттерсон и ее коллег [Patterson et al. 2001]. Авторы тестировали одиннадцать пациентов с семантическими нарушениями и выявили, что они способны порож-

дать и распознавать регулярные и квазиформы прошедшего времени, но испытывают некоторые сложности с нерегулярными глаголами, связанные с частотностью стимула. На основании этого делается предположение, что существует связь между нарушениями нерегулярного словоизменения и нарушенной семантической компетенцией.

На материале норвежского языка исследовались пациенты с афатическими нарушениями и болезнью Альцгеймера [Simonsen, Lind 2002, Simonsen et al. 2004]. Эти исследования показывают, что если у пациентов с афазией в первую очередь нарушен морфологический компонент, то у людей с болезнью Альцгеймера – семантический, что отражается и на характере ошибок в формообразовании.

Однако исследование каталано-испанских билингвов с афазией Брука [De Diego-Balaguer et al. 2004] показало, что они хуже справлялись с формообразованием от нерегулярных глаголов, чем от регулярных в обоих языках. Данный факт противоречит результатам статьи [Ullman et al. 1997], которые трактовались в пользу двусистемного подхода.

3. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Основной задачей, которая стояла перед нами в настоящем исследовании, было выявление процессов генерализации в речевой деятельности больных с афазией и определение стандартного решения, то есть выбор наиболее «беспрогрышной» модели в случаях, когда глагол неизвестен испытуемым. Полученные данные сопоставляются с контрольной группой из 22 здоровых взрослых носителей языка.

3.1. Испытуемые

В эксперименте принимало участие шесть пациентов (3 мужчины и 3 женщины) с диагнозом афазия. Эксперимент проводился на базе Института мозга человека РАН. Использовалась классическая типология афазий, предложенная А.Р. Лурией [Лурия 2002]. Демографические данные представлены в таблице 1. Данные нейропсихологического обследования пациентов (см. таблицу 2) показывают, что у большинства из них зафиксирована средняя степень тяжести нарушений.

Таблица 1

Демографические данные пациентов с диагнозом афазия

Пациент	Возраст	Пол	Ведущая рука	Образование (в годах)	Длительность болезни (в месяцах)	Область поражения	Этиология
Пн	44	м	правша	10	36	зона левой СМА ¹	инфаркт
Кн	47	м	правша	10	156	лобно-теменная в зоне левой СМА	черепно-мозговая травма
Фд	59	ж	правша	15	38	левая теменная доля	инфаркт
Пр	38	ж	правша	15	33	лобно-теменная в зоне левой СМА	инфаркт
Сф	47	м	правша	15	12	теменно-височная в зоне левой СМА	инфаркт
Кр	67	ж	правша	13	25	теменно-височная в зоне левой СМА	инфаркт

¹ СМА – среднемозговая артерия.

Таблица 2

Данные нейропсихологического анализа пациентов

Пациент	Степень нарушений [Храковская 1997] ²						Степень нарушений	Тип афазии по Лурину ³
	экспрессивной речи	понимание обращенной речи	понимание грамматических конструкций	письмо	чтение	визуально-пространственное восприятие		
Пн	2	0	2	2	1	0	средняя	ЭМА + АМА
Кн	2	0	2	1	1	0	средняя	ЭМА + АМА
Ф	2	1	2	1	0	0	средняя	АМА + ЭМА
Пр	2	1	1	1	1	0	средняя	Смешанная СА + ЭМА
Сф	1	0	2	2	0	0	легкая	Смешанная ЭМА + АМА + СА
Кр	2	1	1	2	1	0	средняя	СА + АМА

3.2. Материал исследования

В материал эксперимента было включено шестьдесят глаголов четырех глагольных классов по одноосновной системе, предложенной и разработанной Р.О. Якобсоном [Якобсон 1985] и его последователями: -*a* класса, -*aj* класса, -*i* класса и -*ova* класса. В эксперименте использовались глаголы двух диапазонов частотности – высокочастотные и низкочастотные – и квазиглаголы каждого из вышеперечисленных классов. Квазиглаголы были образованы от частотных путем замены одного или нескольких звуков в начальном сегменте слова, поэтому такие изменения не приводили к переходу глагола в другой словоизменительный класс. Включение в экспериментальный материал глаголов разной частотности позволило посмотреть, влияет ли частотность на количество правильных ответов в том или ином классе, а включение квазиглаголов – сымитировать ситуацию обработки нового слова.

Глаголы были вставлены в минидиалоги, побуждающие к производству определенных форм. В разных сериях эксперимента (далее – тестах) предъявлялись формы множественного числа прошедшего времени или инфинитивы. Испытуемых просили образовывать формы 3 лица мн. числа и 1 лица ед. числа настоящего времени.

Эксперимент с реальными глаголами позволяет установить, какие классы психолингвистически более предпочтительны, тогда как эксперимент с квазиглаголами выявляет процедуры, применяемые в отсутствие лексических подсказок. Поскольку форма

² Чем больше баллов (максимум 12), тем больше выраженностю патологии.

³ ЭМА – эфферентная моторная афазия, при которой нарушение кинетических параметров речи, патологической инертности, приводит к нарушению связной речи, требующей плавного переключения с одних элементов на другие. Клинически соответствует афазии Брука.

АМА – афферентная моторная афазия, при которой нарушение кинестетического контроля приводит к нарушению дифференциации артикулем, что проявляется в заменах близких, а в более тяжелых случаях и далеких по артикуляции звуков.

СА – сенсорная или акустико-гностическая афазия, при которой нарушается фонематический слух, что выражается в нарушении способности акустической дифференциации фонем и слов, как фонемных комплексов; в тяжелых случаях нарушается понимание обращенной речи. Клинически соответствует афазии Вернике.

прошедшего времени большинства глаголов не позволяет однозначно определить их класс, ожидалось, что испытуемые будут соотносить «неопределенную» форму с некоторым стандартным классом.

Эксперимент проводился устно, записывался одновременно и на магнитофонную ленту, и на бумагу. Полученные таким образом данные расшифровывались, а потом вносились в таблицы, как индивидуальные, так и общие.

3.3. Методы обработки результатов эксперимента

Ответы испытуемых были проанализированы (каждая форма квалифицировалась как произведенная в соответствии с моделью парадигмы того или иного класса, с учетом ошибок в применении правил для парадигмы), и было выделено несколько моделей, или стратегий образования форм. Была подсчитана доля форм, образованных по данным моделям, среди ответов каждого испытуемого, и показано, что разные испытуемые предпочитают разные стратегии образования форм.

Результаты эксперимента подверглись статистической обработке по методу дисперсионного анализа (ANOVA), где выявлялось влияние таких факторов, как класс глагола и его частотность на количество правильных ответов у больных с афазией.

3.4. Результаты эксперимента

3.4.1. Предварительные замечания

Прежде всего, отметим, что выполнение подобных заданий вызывает большие трудности у больных с афазией (по сравнению, например, с детьми, студентами, изучающими русский язык как иностранный и взрослыми здоровыми испытуемыми) [Gor, Chernigovskaya 2003; 2005; Свистунова 2008; Черниговская и др. 2008]. Эксперимент чередовался паузами, проводился в несколько приемов, иногда в разные дни. При выполнении заданий больным с афазией трудно было избавиться от интроспекции, от проецирования игровой ситуации квазидиалога на свой внутренний мир и переживания (например, реакция на стимул *рисовать – я не рисую вообще, сегодня я черчу, а не рисую*). Перед каждой серией эксперимента использовалась так называемая «разминка» – четыре минидиалога, ответы в которых не учитывались при статистической обработке данных. Больным с афазией, в отличие от других категорий испытуемых, участвовавших в подобных экспериментах, разминочных упражнений было явно недостаточно для того, чтобы понять «правила игры».

Больные с афатическими нарушениями ошибаются в спряжении не только квази-, но и реально существующих глаголов (например, *он рисует, он *дремает*⁴), что было вполне прогнозируемо: на исправление подобного рода ошибок и направлены многочисленные упражнения, используемые речевым терапевтом на занятиях с больными с аграмматизмами.

В ответах-реакциях на квазиглаголы больные с афазией часто пользуются формами реально существующих глаголов (например, **лосить – реакция я ношу лосины*), образуют глаголы не только по фонетическому сходству, но и ориентируясь на внутреннюю форму слова (например, **дюбить – я сверлю. Видимо, от дюбеля*).

Пациенты с трудом переключаются с выполнения одного задания на другое (предыдущий глагол влияет на спряжение последующего); в их ответах встречается масса вербальных и литеральных парофазий (например, **лействовать – *рействовать*); используется такой прием, как упрощение звуковой программы (например, **мохотать – они махают*).

⁴ Звездочкой (*) отмечены либо неправильные формы реальных глаголов, либо квазиглаголов.

3.4.2. Результаты эксперимента: данные дисперсионного анализа

Как уже было сказано, для статистической обработки данных использовался ANOVA с повторными измерениями по единицам. В качестве единицы анализа был выбран глагол. Учитывалось влияние следующих факторов на количество правильных распознаваний основы, т.е. без учета ошибок в чередованиях и спряжении: класс глагола, его частотность, тип теста и группа испытуемых.

Поскольку ANOVA с повторными измерениями показал, что существует статистически значимое влияние фактора группы ($F_2 = 401,227$, $df = 1$, $p < 0,001$), то дальше проводился отдельный анализ для контрольной и экспериментальной группы с целью выявления значимых влияний остальных факторов.

Для здоровых взрослых испытуемых не было выявлено значимого влияния фактора типа теста, тогда как другие факторы оказывали статистически значимое влияние на количество правильных распознаваний основы: класс глагола ($F_2 = 6,771$, $df = 3$, $p = 0,001$), частотность глагола ($F_2 = 29,556$, $df = 2$, $p < 0,001$) и взаимодействие этих двух факторов ($F_2 = 5,280$, $df = 6$, $p < 0,001$). Из графика 1 видно, что появление значимого влияния пересечения этих двух факторов вызвано тем, что в -*a* классе в низкочастотных реальных глаголах встречались ошибки в выборе модели.

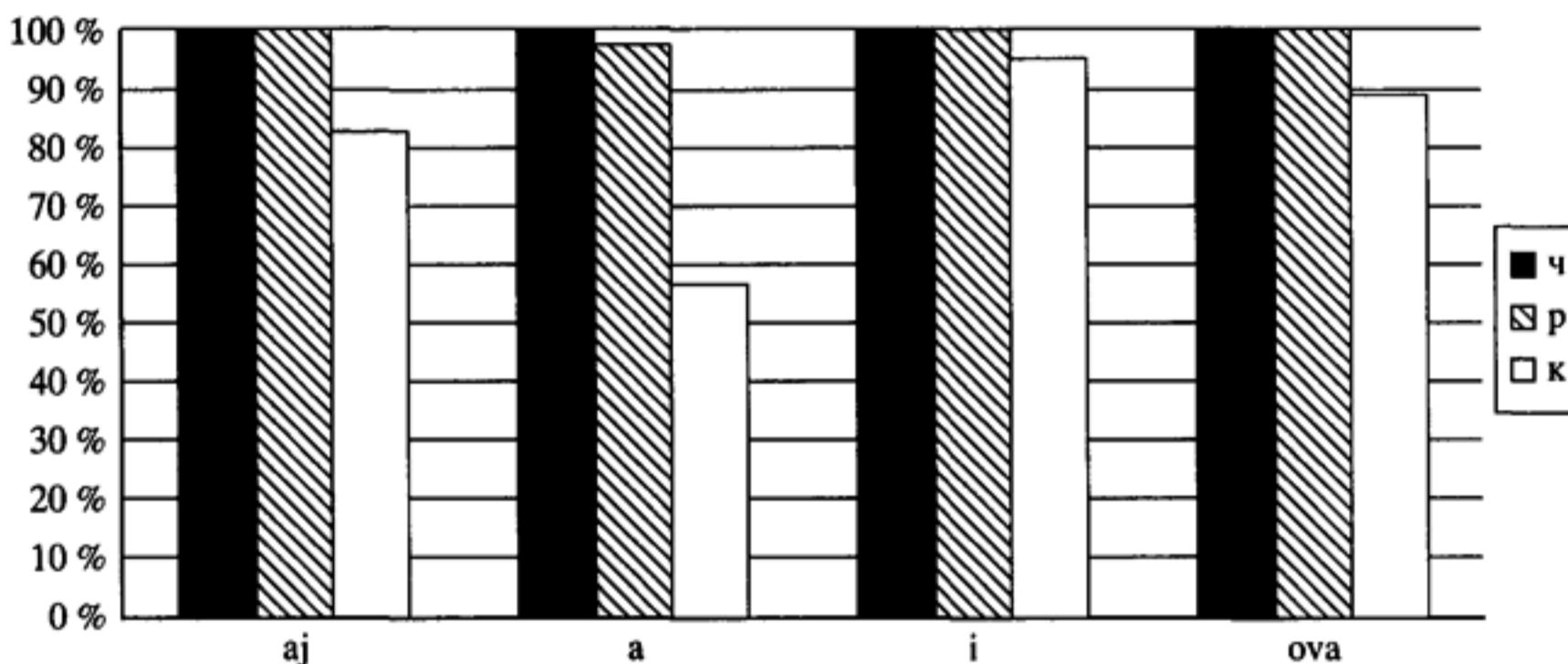

График 1. Количество правильных ответов в каждом классе в зависимости от частотности стимула для контрольной группы
«ч» – частотные глаголы, «р» – редкие, «к» – квазиглаголы.

Апостериорные тесты по методу Шеффе показали, что статистически значимо меньше правильных распознаваний было в -*a* классе ($p \leq 0,044$), тогда как остальные между собой не различались и в квазиглаголах ($p < 0,001$), тогда как в реальных высокочастотных и низкочастотных глаголах было одинаковое число правильных распознаваний.

Статистическая обработка данных по пациентам с афазией показала, что есть статистически значимое влияние фактора теста ($F_2 = 23,917$, $df = 1$, $p < 0,001$), а также факторов класса глагола ($F_2 = 8,328$, $df = 3$, $p < 0,001$) и его частотности ($F_2 = 33,149$, $df = 2$, $p < 0,001$), однако, в отличие от контрольной группы, не было значимого влияния пересечения этих двух факторов. Апостериорные тесты по методу Шеффе показали, что у больных с афазией, в отличие от взрослых здоровых испытуемых, статистически достоверно хуже остальных распознавались основы -*a* и -*ova* классов ($p \leq 0,026$), но сходным образом, квазиглаголы распознавались значимо хуже реальных ($p < 0,001$).

3.4.3. Результаты эксперимента: описательная статистика

Необходимо отметить, что полученные в эксперименте данные представляют собой неоднозначную и пеструю картину, что хорошо известно в клинической лингвистике. Поэтому целесообразно продемонстрировать результаты эксперимента отдельно по каждому пациенту для каждого анализируемого параметра в сравнении с данными здоровых взрослых носителей языка. Такой подход в последнее время все чаще используется в исследованиях подобного рода.

Количество правильных распознаваний основ глагола

Под правильным распознаванием основы глагола понималась правильно выбранная модель для образования форм, при этом не учитывались ошибки в ударении, чередованиях и спряжении. В случае квазиглаголов за правильно выбранный класс принимался тот, который являлся правильным для реального глагола, явившегося основой моделирования квазиглагола. Такой подход является условным. Данные по этому параметру представлены в таблице 3 (здесь и далее в каждой таблице в столбце «норма» приводятся для сравнения средние значения по контрольной группе из 22 здоровых носителей языка).

Таблица 3

Процент правильных распознаваний основ глаголов

	норма	Пн	Кн	Фд	Пр	Сф	Кр
инф.	92,69	35,04	82,50	86,67	63,33	82,50	42,50
прош. вр.	94,05	30,51	81,36	60,00	48,33	75,83	26,67

Данный параметр демонстрирует, что, с одной стороны, разница между здоровыми носителями языка и пациентами с афазией огромна, с другой – что внутри группы с нарушениями нет единообразия. Также заметно, что разрыв между двумя вариантами тестов у некоторых больных испытуемых гораздо больше, чем у здоровых.

Отсутствие стопроцентного результата у нормы вызвано различными причинами: во-первых, не все классы распознаются одинаково хорошо, а во-вторых, квазиглаголы в целом распознаются хуже, чем реальные глаголы русского языка.

Распознавание глаголов разных классов

Классы глаголов, которые вошли в экспериментальный материал, были подобраны таким образом, чтобы они максимально различались по таким показателям, как частотность класса (самым частотным классом является *-aj* класс), продуктивность, т.е. возможность попадания новых слов в этот словоизменительный класс (*-aj*, *-i* и *-ova* классы являются продуктивными), наличие чередований (в *-a* и *-i* классах наблюдается чередование конечного согласного основы, а в *-ova* классе – суффиксов *-ova* и *-ij-*) и принадлежность к разным спряжениям (*-a* класс относится ко второму спряжению, тогда как остальные – к первому). Эти характеристики классов по-разному влияют на количество правильных распознаваний основы. В таблице 4 представлены данные по количеству правильных распознаваний основ разных классов.

Из таблицы 4 видно, что в норме наибольшие затруднения вызвал непродуктивный *-a* класс, тогда как в патологии у разных пациентов хуже распознавались разные классы, например, у пациента Пн хуже остальных распознавались продуктивные *-aj* и *-i* классы.

Таблица 4

Распознавание основ разных классов

		норма	Пн	Кн	Фд	Пр	Сф	Кр
инф.	-aj	93,79	33,33	93,33	86,67	80,00	83,33	100,00
	-a	83,79	41,38	66,67	86,67	46,67	76,67	0,00
	-i	97,88	25,00	86,67	93,33	83,33	93,33	63,33
	-ova	95,30	40,00	83,33	80,00	43,33	76,67	6,67
прош. вр.	-aj	94,85	16,67	86,67	46,67	50,00	80,00	76,67
	-a	85,61	36,67	76,67	63,33	40,00	76,67	0,00
	-i	98,48	33,33	82,14	66,67	70,00	86,67	26,67
	-ova	97,27	35,71	80,00	63,33	33,33	60,00	3,33

Распознавание глаголов разной частотности

Фактор частотности является одним из ключевых в спорах между сторонниками одно- и двусистемного подходов: влияет ли он на количество правильных ответов всегда или только в случае нерегулярного словоизменения. Из таблиц 5, 6, 7 и 8 видно, что в норме реальные глаголы продуктивных классов распознавались верно всегда, тогда как у непродуктивного -a класса формы некоторых редких глаголов были образованы по модели другого класса: в подавляющем большинстве случаев их формы были образованы по продуктивной модели -aj класса (о причинах перехода некоторых глаголов -a класса в -aj класс см. [Нессет 2008]). У пациентов с афазией далеко не все реальные глаголы распознавались правильно. Однако в целом тенденция, что квазиглаголы распознаются хуже реальных, отмечается у всех испытуемых.

Таблица 5

Количество правильных распознаваний глаголов разной частотности в -aj классе

		норма	Пн	Кн	Фд	Пр	Сф	Кр
инф.	ч	100,00	60,00	100,00	100,00	100,00	80,00	100,00
	p	100,00	20,00	100,00	100,00	70,00	100,00	100,00
	к	81,36	20,00	80,00	60,00	70,00	70,00	100,00
прош. вр.	ч	100,00	40,00	90,00	40,00	80,00	70,00	80,00
	p	100,00	10,00	100,00	80,00	20,00	80,00	70,00
	к	84,55	0,00	70,00	20,00	50,00	90,00	80,00

Таблица 6

Количество правильных распознаваний глаголов разной частотности в -a классе

		норма	Пн	Кн	Фд	Пр	Сф	Кр
инф.	ч	100,00	77,78	100,00	100,00	60,00	100,00	0,00
	p	97,27	50,00	90,00	90,00	60,00	90,00	0,00
	к	54,09	0,00	10,00	70,00	20,00	40,00	0,00
прош. вр.	ч	99,09	50,00	80,00	80,00	40,00	100,00	0,00
	p	97,73	50,00	100,00	90,00	50,00	80,00	0,00
	к	60,00	10,00	50,00	20,00	30,00	50,00	0,00

Таблица 7

**Количество правильных распознаваний глаголов разной частотности
в -i классе**

		норма	Пн	Кн	Фд	Пр	Сф	Кр
инф.	ч	100,00	60,00	100,00	100,00	90,00	100,00	80,00
	р	100,00	12,50	100,00	100,00	80,00	100,00	50,00
	к	93,64	0,00	60,00	80,00	80,00	80,00	60,00
прош. вр.	ч	100,00	40,00	100,00	90,00	80,00	90,00	40,00
	р	100,00	60,00	90,00	80,00	70,00	100,00	20,00
	к	95,45	0,00	50,00	30,00	60,00	70,00	20,00

Таблица 8

**Количество правильных распознаваний глаголов разной частотности
в -ova классе**

		норма	Пн	Кн	Фд	Пр	Сф	Кр
инф.	ч	100,00	30,00	100,00	100,00	50,00	90,00	20,00
	р	100,00	90,00	90,00	100,00	70,00	100,00	0,00
	к	85,91	0,00	60,00	40,00	10,00	40,00	0,00
прош. вр.	ч	100,00	40,00	80,00	100,00	30,00	60,00	10,00
	р	100,00	66,67	100,00	80,00	40,00	100,00	0,00
	к	91,82	0,00	60,00	10,00	30,00	20,00	0,00

Модели, использовавшиеся при порождении неправильных форм

У здоровых взрослых испытуемых самой широко использовавшейся моделью является модель -aj класса. Около 25% глаголов -a класса в обоих вариантах теста образовывались по этой модели (например, *щипать* → *щипаю, *гéзать (от *резать*) → *гéзаю), но эта модель появляется и в ответах на стимулы -i класса (например, *главить (от *травить*) → *главáют) и -ova класса (например, *моровать → *моровáют). Также общей почти для всех классов стала, выделенная в отдельную, -(ij) модель (*китáли (от *читали*) → *китóют, *випáли (от *щипали*) → *випóют, *дрепíли (от *крепили*) → *дрепóют). Основанием для выделения ее в отдельную модель послужили следующие факты: во-первых, несмотря на то, что эта модель, возможно, появляется под влиянием -ova класса, у некоторых испытуемых она встречается и в ответах на стимулы этого класса (например, *зимовать* → *зимовýю), а во-вторых, в русском языке есть два глагола, которые не имеют основы инфинитива/прошедшего времени с окончанием на -ова-, но изменяются по схожей парадигме (*живописать* → *живописую*, *хиротонисать* → *хиротонисую*). К общим моделям можно отнести и появление в ответах на стимулы -aj и -ova классов -a модели (например, *гешáли (от *мешáли*) → *гéшут, *мыловáли (от *целовали*) → *мыловлю́т).

К уникальным моделям относятся -ij модель в реакциях на стимулы -i класса [*глатить (от *платить*) → *глатýю], -avaj модель в реакциях на стимулы -ova класса [*дробовать (от *пробовать*) → *дробáю] и модель прошедшего времени⁵, которая появляется только в варианте теста со стимулами в форме прошедшего времени [*китáли (от *читали*) → *китáют].

⁵ В модель прошедшего времени попадали реакции либо полностью совпадающие с формой прошедшего времени, либо с сохранившимся суффиксом прошедшего времени -л-.

У пациентов с афазией репертуар значительно шире. В первую очередь он отличается от репертуара взрослого носителя языка без речевых нарушений тем, что пациенты активно пользовались моделями инфинитива и прошедшего времени вне зависимости от того, в какой форме предъявлялся стимул (большинство реакций образовано именно по этой модели). Появляются и новые модели:

- сочетание модели инфинитива и модели прошедшего времени, например: *дробить от пробовать → *дроба́тить или *тросить от просить → *троси́тили;
- -oj модель в ответах на стимулы -ova класса (пробовали → *пробо́ют), (однако такая модель, например, встречалась у детей дошкольного возраста без речевых нарушений [Черниговская и др. 2008]), и на стимулы -i класса (*мотовать от гото́вить → *мото́ю);
- использование модели прошедшего времени не только в реакциях на стимулы прошедшего времени, но и на стимулы в форме инфинитива (например, ревнова́ть → ревнова́л);
- -ij модель при порождении форм от стимулов -ova класса (*мыловáли от целовáли → *мылавы́от).

Отдельного внимания в случае с пациентами с афазией требуют ответы, которые невозможно проинтерпретировать с точки зрения моделей образования глагольных форм. Их можно разделить на следующие группы:

- 1) ответы, появившиеся из-за того, что испытуемый не смог произнести целиком всю форму, то есть, по всей видимости, не справился с артикуляцией (56%);
- 2) ответы, которые могут быть отнесены к другим частям речи или формам глагола (20%);
- 3) ответы, представляющие собой формы другого глагола (глаголы могут быть связаны по смыслу и ассоциативно) (24%).

Ошибки в спряжении и чередовании

Как уже говорилось выше, при анализе правильных распознаваний основ не учитывались ошибки в спряжении и чередованиях. У взрослых носителей языка без языковых нарушений ошибки на спряжение встречались в ответах, образованных по -a и -i моделям (кисáли от писáли → кисáт, *знáвить от стáвить → знáвлют).

Ошибки на чередования делятся на три основных типа:

- 1) отсутствие какой-либо замены согласных (ладить → *лáдют),
- 2) появление чередований там, где их быть не должно (*гéзать → *гéжуют),
- 3) появление чередований, которых нет в русском языке: в основном это генерализация эпентетического «л» (*окожáть → *окажсят).

Первый тип ошибок – самый распространенный.

У пациентов с афазией принципиальных отличий от нормы в области чередований не выявлено. Однако ошибки в спряжении могут появляться не только в -a и -i классах, но и в -avaј (*дробовать от пробывать → *дробя́т).

3.4.4. Общие выводы

Как и можно было ожидать, пациенты с афазией справлялись с тестами значительно хуже, чем контрольная группа здоровых взрослых носителей языка. Тот факт, что тест со стимулами в прошедшем времени вызвал у больных большие затруднения, возможно, свидетельствует в пользу особого статуса формы инфинитива в ментальном лексиконе, т. к. при порождении форм от нее требуется меньше морфологических процедур.

В целом репертуар моделей (в том числе нетипичных) у больных с афазией больше, чем у взрослых носителей языка без речевых нарушений; также наблюдается тенденция, согласно которой чем больше правильных ответов, тем меньше моделей применялось в «неправильных» ответах. Почти все эти модели встречались у детей дошкольного возраста без речевых отклонений, с одним исключением: появление модели, где

одновременно присутствуют и суффикс инфинитива, и суффикс прошедшего времени [Свистунова 2008; Черниговская и др. 2008].

Выявить корреляции между диагнозом и результатами теста довольно сложно, что в первую очередь, как уже отмечалось, связано с характерной для клинического материала высокой степенью индивидуальности данных. Можно также предположить, что здесь мы имеем дело со сложным сочетанием различных факторов. Однако все же можно выделить некоторые тенденции:

- 1) хуже всего с тестом (низкий процент правильных распознаваний основ, активное использование дефолтной *-aj* модели в большинстве случаев, большой репертуар «неправильных» моделей)правлялся единственный пациент (Кр) с сочетанием сенсорной и афферентной моторной афазией;
- 2) существует зависимость между степенью выраженности болезни и тем, как пациент справляется с заданием: у испытуемого Сф с легкой степенью выраженности нарушений тест вызвал чуть меньшие затруднения, чем у остальных, что в частности нашло отражение и в количестве правильных распознаваний основ;
- 3) существует корреляция между длительностью заболевания и результатами эксперимента: пациентка Фд, которая справлялась с тестом так же хорошо, как и пациент Сф, но имеет среднюю степень выраженности нарушений, дольше всех болеет. Возможно, здесь играет роль длительность работы с логопедом и выработка некоторых компенсаторных механизмов.

Четкой зависимости между наличием сенсорной афазии и тем, что такие пациенты по данным [Ullman et al. 1997] лучше справлялись с регулярными глаголами, для русского языка нами не выявлено.

Подтвердилось и наблюдение Р. де Диего-Балагуер и коллег [De Diego-Balaguer et al. 2004], сделанное на материале испано-каталонских билингвов: пациенты с афатическими нарушениями плохо справлялись с нерегулярным словоизменением.

Сравнение данных, полученных при исследовании речевой продукции больных с афазией, взрослых носителей русского языка и детей с нормальным речевым развитием, демонстрирует, что, несмотря на наличие общих черт в ответах как афатиков, так и детей, дети справлялись с заданием в эксперименте на порядок лучше, чем больные. Мы можем говорить о том, что гипотеза о взаимосвязи векторов усвоения и утраты языка, высказанная еще Р. Якобсоном, не подтверждается на материале эксперимента по процедурам с русской глагольной морфологией.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вслед за Я. Фароки-Шах и Ц. Томпсон [Faroqi-Shah, Thompson 2004], можно предположить, что нарушения грамматического компонента у больных с афазией приводят к невозможности оперировать служебными морфемами. Это в свою очередь проявляется и в ошибках выбора окончаний (замена флексий 3 лица мн. числа на флексии 3 лица ед. числа), и в смешении показателей инфинитива и прошедшего времени, и в низком числе правильных распознаваний основ *-ova* класса.

Идея нарушения операций со служебными морфемами не противоречит данным английского языка, полученным М. Ульманом и соавторами [Ullman et al. 1997], в которых предполагалось, что пациенты с аграмматизмами не справляются с регулярным словоизменением, поскольку у них целиком нарушено дефолтное правило, но сохраняется система ассоциативной памяти, что приводит к большему числу правильных ответов в нерегулярных формах. Однако возможна и другая интерпретация: регулярное словоизменение нарушается из-за невозможности оперировать с флексией прошедшего времени *-ed*, что отражается и на результатах – большинство ответов на регулярные формы оставались немаркированными [Ullman et al. 1997: 271], нерегулярные супплетивные формы оставались сохранными. Однако вопрос о том, на каком уровне происходит данное нарушение – на уровне конкретного правила или способности применять правила – остается нерешенным.

В отличие от этого, в русском языке операции с флексиями задействованы всегда, иными словами, даже лица с речевыми нарушениями обязательно используют какие-либо окончания, не оставляя глагол морфологически неоформленным. При этом такие взаимосвязанные факторы, как продуктивность и частотность класса (см. [Bybee 1994]), оказывают наибольшее влияние на процедуры с квазисловами.

Возвращаясь к дискуссии между сторонниками односистемного и двусистемного подходов, можно предположить, что использование правил отрицать невозможно, однако вопрос об их статусе (являются ли они символическими, т.е. записанными в виде некоторой условной формулы, или вырабатываются по аналогии с формами, хранящимися в ментальном лексиконе) остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лурия 2002 – *A.P. Лурия. Письмо и речь: Нейролингвистические исследования* М., 2002.
- Нессет 2008 – *T. Hesset. Объяснение того, что не имело места: блокировка суффиксального сдвига в русских глаголах* // ВЯ. 2008. № 6.
- Свистунова 2008 – *Т.И. Свистунова. Организация ментального лексикона: формирование в онтогенезе и распад при нарушениях языковой системы глагольной словоизменительной морфологии (экспериментальное исследование)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.
- Храковская 1997 – *М.Г. Храковская. Стандартизованный протокол нейропсихологического обследования больных с афазией* // Диагностика и коррекция речевых нарушений. СПб., 1997.
- Черниговская и др. 2008 – *Т.В. Черниговская, К. Гор, Т.И. Свистунова. Формирование глагольной парадигмы в русском языке: правила, вероятности, аналогии как основа организации ментального лексикона (экспериментальное исследование)* // Т.В. Черниговская, В.Д. Соловьев (отв. ред.). Когнитивные исследования: Сб. научн. трудов. Вып. 2. М., 2008.
- Якобсон 1985 – *P.O. Якобсон. Русское спряжение* // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Bird et al. 2003 – *H. Bird, M.A. Lambon Ralph, M.S. Seidenberg, J.L. McClelland, K. Patterson. Deficits in phonology and past-tense morphology: What's the connection?* // Journal of memory and language. 48. 2003.
- Blesses 1998 – *D. Blesses. The role of input, productivity and transparancy in Danish children's acquisition of past tense morphology* // Odense working papers in language and communication. 17. 1998.
- Braber et al. 2005 – *N. Braber, K. Patterson, K. Ellis, M.A. Lambon Ralph. The relationship between phonological and morphological deficits in Broca's aphasia: Further evidence from errors in verb inflection* // Brain and language. 92. 2005.
- Bybee 1985 – *J.L. Bybee. Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam, 1985.
- Bybee 1988 – *J.L. Bybee. Morphology as lexical organization* // M. Hammond, M. Noonan (eds.). Theoretical morphology. San Diego, 1988.
- Bybee 1994 – *J.L. Bybee. Productivity, regularity and fusion: how languages use affects the lexicon* // R. Singh, R. Desrochers (eds.). Trubetzkoy's orphan. Proceedings of the Montreal roundtable «Morphology: contemporary responses». Amsterdam; Philadelphia, 1994.
- Bybee 1995 – *J.L. Bybee. Regular morphology and the lexicon* // Language and cognitive processes. 10. 1995.
- Chernigovskaya, Gor 2000 – *T. Chernigovskaya, K. Gor. The complexity of paradigm and input frequencies in native and second language verbal processing: Evidence from Russian* // Language and language behavior. 3 (II). 2000.

- Clahsen 1999 – *H. Clahsen*. Lexical entries and rules of language: A multidisciplinary study of German inflection // Behavioral and brain sciences. 22. 1999.
- Clahsen et al. 2002 – *H. Clahsen, F. Aveledo, I. Roc*. The development of regular and irregular verb inflection in Spanish child language // Journal of child language. 29. 2002.
- Dabrowska 2004 – *E. Dabrowska*. Rules or schemas? Evidence from Polish // Language and cognitive processes. 19(2). 2004.
- De Diego-Balaguer et al. 2004 – *R. De Diego-Balaguer, A. Costa, N. Sebastián-Gallés, M. Juncadella, A. Caramazza*. Regular and irregular morphology and its relationship with agrammatism: Evidence from two Spanish-Catalan bilinguals // Brain and language. 91. 2004.
- Faroqi-Shah, Thompson 2004 – *Y. Faroqi-Shah, C.K. Thompson*. Semantic, lexical, and phonological influences on the production of verb inflection in agrammatic aphasia // Brain and language. 89. 2004.
- Gor 2004 – *K. Gor*. The rules and probabilities model of native and second language morphological processing // Л.А. Вербицкая (ред.). Теоретические проблемы языкоznания: Сб. статей к 140-летию кафедры общего языкоznания. СПб., 2004.
- Gor, Chernigovskaya 2001 – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Rules in the processing of Russian verbal morphology // G. Zybatow, U. Junghanns, G. Mehlhorn, L. Szucsich (eds.). Current issues in formal Slavic linguistics. Frankfurt-am-Main, 2001.
- Gor, Chernigovskaya 2003 – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Mental lexicon structure in L1 and L2 acquisition: Russian evidence // Glossos. 4. 2003. (<http://www.seelrc.org>).
- Gor, Chernigovskaya 2005 – *K. Gor, T. Chernigovskaya*. Formal instruction and the acquisition of verbal morphology // Investigation in instructed second language acquisition. Berlin; New York, 2005.
- Hahn, Chater 1998 – *U. Hahn, N. Chater*. Similarity and rules: distinct? exhaustive? empirically distinguishable? // Cognition. 65. 1998.
- Jensvoll 2003 – *M.H. Jensvoll*. The acquisition of past tense in English/Norwegian bilingual children: single versus dual mechanisms // Nordlyd. 31(3). 2003.
- Lambon Ralph et al. 2005 – *M.A. Lambon Ralph, N. Braber, J.L. McClelland, K. Patterson*. What underlies the neuropsychological pattern of irregular > regular past-tense verb production? // Brain and language. 93. 2005.
- MacWhinney, Leinbach 1991 – *B. MacWhinney, J. Leinbach*. Implementations are not conceptualizations: Revisiting the verb learning model // Cognition. 40. 1991.
- Marcus et al. 1992 – *G.F. Marcus, S. Pinker, M. Ullman, M. Hollander, T.J. Rosen, F. Xu*. Overregularization in language acquisition // Monographs of the society for research in child development. 57 (4). 1992.
- Marcus et al. 1995 – *G.F. Markus, U. Brinkmann, H. Clahsen, R. Weise, S. Pinker*. German inflection: The exception that proves the rule // Cognitive psychology. 29. 1995.
- Marslen-Wilson, Tyler 1998 – *W. Marslen-Wilson, L.K. Tyler*. Rules, representations, and the English Past tense // Trends in cognitive sciences. 2. 1998.
- Matcovich 1998 – *O. Matcovich*. Regular inflection in the mental lexicon: Evidence from Italian // Proceedings from the conference «The verb in cognitive grammar». Gran, 1998.
- Meunier, Marslen-Wilson 2000 – *F. Meunier, W.D. Marslen-Wilson*. Regularity and irregularity in French inflectional morphology // L.R. Gleitman, A.K. Joshi (eds.). Proceedings of the Twenty-Second annual conference of the cognitive science society. Mahwah (NJ), 2000.
- Patterson et al. 2001 – *K. Patterson, M.A. Lambon Ralph, J.R. Hodges, J.L. McClelland*. Deficits in irregular past-tense verb morphology associated with degraded semantic knowledge // Neuropsychologia. 39. 2001.
- Pinker 1991 – *S. Pinker*. Rules of language // Science. 253. 1991.
- Pinker, Prince 1988 – *S. Pinker, A. Prince*. On language and connectionism: Analysis of a parallel distributed processing model of language acquisition // Cognition. 28. 1988.

- Pinker, Prince 1994 – *S. Pinker, A. Prince*. Regular and irregular morphology and the psychological status of rules of grammar // S.D. Lima, R.L. Corrigan, G.K. Iverson (eds.). *The reality of linguistic rules*. Amsterdam, 1994.
- Plunkett, Bandelow 2006 – *K. Plunkett, S. Bandelow*. Stochastic approaches to understanding dissociations in inflectional morphology // *Brain and language*. 98. 2006.
- Plunkett, Marchman 1991 – *K. Plunkett, V. Marchman*. U-shaped learning and frequency effects in a multi-layered perception: Implications for child language acquisition // *Cognition*. 38. 1991.
- Plunkett, Marchman 1993 – *K. Plunkett, V. Marchman*. From rote learning to system building: Acquiring verb morphology in children and connectionist nets // *Cognition*. 48. 1993.
- Plunkett, Marchman 1996 – *K. Plunkett, V. Marchman*. Learning from a connectionist model of the English past tense // *Cognition*. 61. 1996.
- Prasada, Pinker 1993 – *S. Prasada, S. Pinker*. Generalization of regular and irregular morphological patterns // *Language and cognitive processes*. 8. 1993.
- Ragnarsdottir et al. 1999 – *H. Ragnarsdóttir, H.G. Simonsen, K. Plunkett*. The acquisition of past tense morphology in Icelandic and Norwegian children: an experimental study // *Journal of child language*. 26. 1999.
- Reid, Marslen-Wilson 2001 – *A.A. Reid, W.D. Marslen-Wilson*. Regularity and irregularity in an inflectionally complex language: Evidence from Polish // J.D. Moore, K. Stenning (eds.). *Proceedings of the 23rd Annual conference of the Cognitive science society*. Mahwah (NJ), 2001.
- Rumelhart, McClelland 1986 – *D.E. Rumelhart, J.L. McClelland*. On learning the past tenses of English verbs // *Parallel distributed processing: Explorations in the microstructures of cognition*. V. 2. Cambridge (Mass.), 1986.
- Say, Clahsen 2001 – *T. Say, H. Clahsen*. Words, rules and stems in the Italian mental lexicon // S. Nooteboom, F. Weerman, F. Wijnen (eds.). *Storage and computation in the language faculty*. Kluwer, 2001.
- Simonsen, Lind 2002 – *H.G. Simonsen, M. Lind*. Past tense expression in a Norwegian man with Broca's aphasia // F. Windsor, M.L. Kelly, N. Hewlett (eds.). *Investigations in clinical phonetics and linguistics*. Mahwah, (N.J.); London, 2002.
- Simonsen et al. 2004 – *H.G. Simonsen, I. Moen, A.R. Øksengård, K. Engedal*. Processing of verbal morphology in Norwegian speakers with Alzheimer's disease (AD) // *Proceedings of the 2004 IALP Congress*. 2004.
- Ullman 1999 – *M.T. Ullman*. Acceptability ratings of regular and irregular past-tense forms: Evidence for a dual-system model of language from word frequency and phonological neighborhood effects // *Language and cognitive processes*. 14. 1999.
- Ullman et al. 1997 – *M.T. Ullman, S. Corkin, M. Coppola, G. Hickok, J.H. Growdon, W.J. Koroshetz, S. Pinker*. A neural dissociation within language: evidence that the mental dictionary is part of declarative memory, and that grammatical rules are processed by the procedural system // *Journal of cognitive neuroscience*. 9(2). 1997.
- Ullman et al. 2005 – *M.T. Ullman, R. Pancheva, T. Love, E. Yee, D. Swinney, G. Hickok*. Neural correlates of lexicon and grammar: Evidence from the production, reading, and judgment of inflection in aphasia // *Brain and language*. 93. 2005.
- Veres 2004 – *U. Veres*. Input and production in the acquisition of Swedish past tense. Diss. Department of Linguistics. Göteborg University. 2004.
- Weinrich et al. 1999 – *M. Weinrich, K.I. Boser, D. McCall*. Representation of linguistic rules in the brain: Evidence from training an aphasic patient to produce past tense verb morphology // *Brain and language*. 70. 1999.

© 2009 г. Н.В. КУЗНЕЦОВА

СУПРАСЕГМЕНТНАЯ ФОНОЛОГИЯ СОЙКИНСКОГО ДИАЛЕКТА ИЖОРСКОГО ЯЗЫКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

В статье обсуждается моделирование системы супрасегментных просодических единиц для сойкинского диалекта ижорского языка. Традиционные фонологические просодические единицы «ударение» и «тон» оказываются не вполне достаточными для описания просодики базовых языковых уровней (до уровня фонетического слова включительно) сойкинского диалекта в его синхронном состоянии. Поэтому предлагается использовать промежуточную между ударением и тоном единицу – «акцент». В первой части работы дается определение ключевых для работы терминов «акцент» и «стопа», а также приводится краткий типологический обзор просодических систем (главным образом, языков Евразии), для которых описание через «акценты» представляется наиболее адекватным.

1.1. Ижорский язык, согласно традиционной классификации, входит в северную группу прибалтийско-финских языков. А. Лаанест, исследовавший в 60-е годы XX века ижорскую диалектологию, выделял 4 диалекта ижорского языка: сойкинский, хэваский, оредежский и нижнелужский [Лаанест 1966: 5]. К настоящему моменту из четырех диалектов сохранилось два: сойкинский и нижнелужский. Число носителей каждого из них составляет приблизительно 80–150 чел. (количество зависит от выбираемых параметров оценки знания языка).

1.2. Материалы для настоящей работы были получены в ходе трех лингвистических экспедиций 2006–2008 гг. на Сойкинский полуостров под руководством Ф.И. Рожанского. В качестве сопоставительного материала привлекаются работы [Porkka 1885; Sovijärv 1944; Ariste 1960], словарь ижорских диалектов [Nirvi 1971], а также сделанные в 60-е годы эстонскими и финскими исследователями записи ижорского языка, любезно предоставленные архивом Центра исследования языков народов Финляндии (KOTUS) в Хельсинки.

2.1. Прежде чем приступить к анализу языковых данных, необходимо остановиться на ряде ключевых для данной работы фонологических понятий, прежде всего таких, как акцент и стопа.

2.2. В языкоznании давно укоренилось противопоставление двух центральных типов супрасегментных единиц, фонологически связанных с языковыми уровнями вплоть до уровня словоформы: ударения и тона. В основе этого противопоставления лежит понятие о просодической иерархии слогов в составе более крупных сегментных структур (прежде всего, морфем и словоформ). С помощью термина «ударение» обычно описывают такую систему, в которой наблюдается выраженная одновершинная просодическая иерархия слогов в рамках акцентной группы, которую возможно непротиворечиво описать через бинарное противопоставление вершинного слога всем остальным¹. Фонологические правила перехода между сегментным и супрасегментным

*Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ, проекты 08-04-00172а, 08-04-00152а.

¹ Для ударения характерны два центральных признака: обязательность (в каждой словоформе в норме всегда должно быть ударение) и кульминативность (в каждой словоформе в норме должно быть только одно ударение) (см. [Нутан 2006: 231; 2007: 659]).

уровнями связывают супрасегментные единицы только с вершинами акцентных групп, которые считаются просодически независимыми слогами. А остальные слоги в акцентной группе остаются немаркированными и считаются просодически зависимыми. Термин «тон» прототипически используют в тех случаях, когда слоги имеют более или менее равный просодический статус и могут считаться просодически независимыми друг от друга. Поэтому в описании оказывается удобнее связывать супрасегментные единицы с каждым слогом в отдельности. Для тональных языков при этом всегда постулируется тональная парадигма, содержащая более одной фонологически значимой супрасегментной единицы².

Для системы с фонологически значимым ударением, наоборот, прототипично наличие только одной супрасегментной единицы – маркера просодической вершины. Ее наличие на вершине противопоставлено ее отсутствию на всех прочих слогах, входящих в акцентную группу. Однако для ряда языков мира есть смысл говорить о парадигме, содержащей более одной фонологически значимой супрасегментной единицы, маркирующей просодическую вершину акцентной группы. Таким образом, просодическая вершина здесь может быть маркирована как минимум двумя разными способами. При этом в системе имеются также просодически немаркированные (зависимые) слоги, в чем и заключается ее главное отличие от тональной системы.

Супрасегментные единицы, входящие в просодическую фонологическую парадигму такой системы, предлагается во всех случаях называть «акцентами». Таким образом, типологическая классификация базовых супрасегментных единиц, фонологически связанных с языковыми уровнями вплоть до уровня фонетического слова, принимает следующий вид³:

ударение – бинарная оппозиция маркированной вершины (ударного слога) немаркированным (бездарным) слогам;

акцент – бинарная оппозиция просодически маркированных (акцентуированных) и немаркированных (неакцентуированных) слогов + оппозиция способов фо-

² Хотя следует отметить, что до сих пор идут споры о том, насколько непротиворечивыми являются интерпретации ряда тональных систем как привативных, т. е. где высокий или низкий тон противопоставлен не низкому или высокому, соответственно, а нулю. Различные фонологии все же склоняются к мнению (разделяемому и автором данной статьи), что если система считается тональной, то просодическая оппозиция является в ней по определению эквивалентной, т.е. просодически немаркированных слогов в такой системе не существует (см. [Нутан 2007: 667]).

³ В ряде случаев принять решение о том, какую фонологическую трактовку следует выбрать для той или иной системы, оказывается непросто. Здесь приходится опираться на целый ряд параметров разных уровней, некоторые из которых являются парадигмами с конечным числом вариантов, а некоторые представляют из себя континуальные шкалы. Наиболее важными параметрами являются: 1) фонетические корреляты фонологических единиц; 2) количество фонологических единиц в парадигме; 3) характер носителя, сегментного и функционального базисов фонологических единиц и соотношения между ними; 4) характер маркирования фонологических единиц на носителе, сегментном и функциональном базисе. В числе некоторых особо важные частные подпункты этих основных пунктов можно перечислить в том числе а) кульминативность фонологической единицы для сегментного и/или функционального базиса; б) обязательность маркирования фонологической единицы на сегментном и/или функциональном базисе; в) так называемая «плотность» маркировки фонологическими единицами морфологических и синтаксических единиц (*tonal density*); г) степень участия фонологических единиц в метризации речи (*metricality*); д) релевантность понятия степени «сила/слабость» для самих фонологических единиц и маркированных ими слогов/мор; е) положение фонологических единиц относительно границ сегментного и/или функционального базиса; ж) степень морфологизации фонологических единиц (прикрепленности к функциональному базису); з) участие фонологических единиц в морфонологических чередованиях; и) факт наличия в системе и характер морфем-операций, означающим которых являются фонологические единицы; к) так называемое «распространение» фонологических единиц по сегментному/функциональному базису (характерно прежде всего для тона, так называемое *tone-spreading*); л) особенности реализации фонологических единиц на односложных/одноморфных словоформах и т. д. (см. ниже, а также [Нутан 2006; 2007]).

нологического маркирования акцентуированных слогов (парадигма разных типов акцента);

тон – каждый слог просодически маркирован (тонирован) одной из фонологически противопоставленных единиц, входящих в тональную парадигму.

2.3. Явления, подпадающие под сформулированное выше определение термина «акцент», имеют разнообразные наименования в применении к разным языкам в различных лингвистических традициях. Наиболее распространенный термин – политоническое / музыкальное ударение (*pitch accent*⁴). С помощью этого термина традиционно описываются языки, в которых противопоставление супрасегментных единиц в просодически независимых слогах основано на различном характере движения основного тона. Классическими примерами европейских языков такого рода являются латынь, древнегреческий, праславянский, сербохорватский, литовский, шведский, норвежский; считается, что праиндоевропейский язык также обладал подобной системой. Р.О. Якобсон постулировал в 1931 г. балтийский языковой союз именно на основании политонического ударения⁵.

Но не во всех языках балтийского ареала характер движения тона является единственным признаком, противопоставляющим супрасегментные единицы. В латышском и ливском языках эти единицы может различать наличие vs. отсутствие гортанной смычки (прерывания тона)/ларингализации. В ливском и в эстонском языках в просодическом маркировании слога участвует также количественное соотношение сегментов внутри стопы⁶. Поэтому супрасегментные единицы в фонологических описаниях данных языков не принято называть «политоническим ударением». Для латышского наиболее устоявшимся является термин «слоговые интонации»⁷, в применении к ливскому используется термин «акценты»⁸. Относительно эстонского в современных

⁴ Данный термин не является однозначным, потому что он употребляется также в применении к интонационным явлениям (просодическим явлениям выше уровня словоформы) (см., например [Hulst, Smith 1988]). Об отсутствии последовательного определения этого термина говорится и в работах [Nyman 2006: 225–257; 2007]. Сам Хайман считает, что прототипических языков, обладающих музыкальным ударением, не существует, а оппозиция имеется только между двумя фундаментальными просодическими категориями: ударением и тоном. С его точки зрения, все случаи, которые описывались в литературе как ‘*pitch accent*’, оказывается возможным интерпретировать как (сintагматически ограниченный) тон. Одна из более дробных классификаций явлений такого типа (a. tonal accent; b. tone sensitive accent; c. accent driven tonal reduction; d. pitch accent) представлена в [Hulst 1999: 77–95].

⁵ «В Европе в состав политонического ареала входят языки, окаймляющие Балтийское море: наряду с перечисленными выше языками его восточного побережья (литовским, латышским, эстонским. – Н.К.) сюда относится основной массив скандинавских языков, северокашубский диалект и некоторые приморские немецкие говоры» [Якобсон 1985: 103].

⁶ Латышские «слоговые интонации» описаны впервые Я. Эндзелином [Endzelin 1899], из фонетических исследований этой проблемы см., например, работы А. Абеле 1920–30-х гг., начиная с [Ābele 1929], а также [Ekblom 1933; Markusa 1993]. Описание литовских «просодий» (*priegaidė, prozodija*) см., например в [Pakerys 1995; Girdenis 2003]. О просодических «степенях долготы» в эстонском и ливском впервые упоминает Ф.Й. Видеман в грамматиках ливского (1861) и эстонского (1875) языков, глottальная смычка в ливском была обнаружена В. Томсеном (1890). Результаты фонетических исследований эстонского см., например в [Lehiste 1960; Liiv 1961; Estonian prosody 1997; Eek, Meister 2003; 2004; Eek 2008], ливского в [Kettunen 1925; LU 2007] и особенно в [Lehiste etc. 2008] (измерения не только количества, но и характера движения тона на стопе). По-видимому, акценты ливско-эстонского типа имеются также в саамских языках (см., например, фонетические и фонологические описания [Itkonen etc. 1971; Sammallahti 1998; McRobbie-Utasi 1999; Saami 2007]), однако нам неизвестны эксплицитные трактовки саамской фонологии с такой точки зрения.

⁷ В последнее время делаются попытки типологически сближать их с политоническим ударением, см. [Даугавет 2003].

⁸ Т.-Р. Вийтсо, впервые применивший к ливскому языку описание через акценты, выделял 5 акцентов, представляющих из себя 5 типов комбинаций значений двух параметров: 1) наличие / отсутствие глottальной смычки; 2) место просодического продления в стопе [Viitso

работах говорится о «степенях долготы» или же о «легком» и «тяжелом ударении/акценте»⁹.

По отношению к шведскому и норвежскому языкам обычно тоже не используют термин «политоническое ударение», а говорят о «тональном акценте» (tonal accent) или «словесном акценте» (word accent) (см., например [Brisse 1977; Riad 1996]).

В более новых работах, посвященных языкам, относительно которых традиционно употреблялся термин «политоническое/музыкальное ударение», также часто используются и другие наименования данного явления. Так, например, применительно к реконструируемому праславянскому языку, традиционные «акут» и «циркумфлекс» А.А. Зализняк называет «автоматическим» и «автономным» ударением [Зализняк 1985]¹⁰. В.А. Дыбо, много лет исследовавший проблемы балто-славянской акцентологии, в своих новейших исследованиях использует термин «слоговые интонации», упоминая при этом и термины «интонации», «слоговые акценты», «слоговые тоны» [Дыбо 2000: 17].

Типологически родственные данным системы, в которых супрасегментные единицы также могут быть названы «акцентами» в сформулированном выше смысле, обнаруживаются в некоторых языках Восточной Сибири – прежде всего, кетском и югском [Вернер 1966, 1974; Vajda 2000], тувинском и тофаларском (см., например [Вернер 1979; Бичелдей 1980]), удзгейском, а также, возможно, в ряде дагестанских языков [Старостин 2007 (1976); Кодзасов 2002]. При этом, например, в тувинском и тофаларском Г.К. Вернер интерпретирует как слоговой акцент фарингализацию¹¹. В удзгейском слоговые акценты также фонетически реализуются через ларингализацию и фарингализацию¹². Акценты такого рода представляется неестественным называть «политоническим

1974; 1975]. Система из 5 акцентов, правда несколько иного плана, предложена и в [Кулешов 2005].

⁹ Первым о двух типах «ударения» в эстонском ('plain stress' и 'postposed stress') писал R.T. Harms [Harms 1960], термин «акцент» к так называемой «третьей долготе» впервые применил T.-P. Вийтсо [Viitso 1962], возможность описания эстонской супрасегментной фонологии через два акцента впервые предложил В. Таули [Tauli 1973]. Эстонской акцентологии посвящено огромное количество работ с самыми разными фонологическими интерпретациями, более подробные обзоры литературы на эстонском языке представлены, например, в [Liiv 1961; Eek, Meister 2003; Pajusalu 2008; Viitso 2008: 180], на английском языке см., например [Estonian prosody 1997; Estonian language 2003]. В российской лингвистической традиции, помимо интерпретаций Поливанова (количественное и интонационное противопоставление 4-х «степеней долготы» [Поливанов 1928: 197–202]) и Трубецкого (сегментная оппозиция кратких и долгих фонем + супрасегментная оппозиция интонационных контуров на словоформе [Трубецкой 2000 (1939): 210]), известна интерпретация эстонской и финской супрасегментной фонологии, наряду с акцентологией других уральских языков, Е.А. Хелимского [Хелимский 1977]. Однако представленное там тонирование «акутом» и «грависом» эстонских и финских словоформ, вплоть до выделения минимальных пар в односложных словах, кажется не вполне понятным и оправданным в свете накопленного в науке большого количества инструментальных фонетических измерений количества и интонации в эстонских и финских словоформах различной структуры. Так, например, И. Лехисте, более 40 лет занимавшаяся экспериментальными исследованиями эстонского языка, установила, что прототипическим для двухсложной эстонской стопы любого типа является падающий контур, причем для тяжелого акцента (так называемой «третьей долготы») в случае наличия в первом слоге стопы долгого гласного характерно резкое падение тона в первом слоге, а для легкого акцента (так называемой «второй долготы») в аналогичной структуре падение является более плавным и более или менее равномерно происходит на протяжении обоих слогов стопы (см. обобщение ее исследований в [Estonian prosody 1997]). В настоящее время экспериментальными исследованиями восприятия носителями эстонского языка различных типов тональных контуров стопы занимается докторант Тартуского университета П. Липпус.

¹⁰ Во многом такое наименование кажется справедливым, см. ниже о соотношении акцента и ударения.

¹¹ Впервые открыта для тувинского языка в 1937 г. О.К. Саган-Оолом [Бичелдей 1980: 44–45].

¹² Описание удзгейской фарингализации и ларингализации, открытых Е.Р. Шнейдером, как слоговых акцентов для хорского диалекта удзгейского языка впервые предложено в работах

ударением» и даже «слоговой интонацией», поскольку они не основаны на высоте или характере движения тона¹³.

Термин «акцент», в отличие от термина «политоническое/музыкальное ударение», лишен фонетической специфики и поэтому представляется более удачным для описания языков с совершенно различными фонетическими особенностями, для которых можно предложить единое по сути фонологическое представление¹⁴.

Основными фонетическими особенностями реализации акцентов, по-видимому, могут быть:

1. **характер движения или высота основного тона** (например, латынь, древнегреческий, литовский, латышский; шведский, норвежский, сербохорватский, кетский, японский, некоторые китайские и корейские диалекты, возможно, ряд дагестанских языков¹⁵);

2. **квантитативные оппозиции** (например, эстонский, ливский, ижорский, водский¹⁶, саамские языки);

3. дополнительные «фонации» на гласном, прежде всего:

а) **ларингализация** («скрипучая фонация») (в том числе **гортанная смычка** как ее крайнее выражение, см. [Кривнова, Андреева 2007]) (например, датский, ливский, удэгейский, кетский, некоторые саамские языки);

б) **фарингализация** (в том числе **аспирация**) (например, удэгейский, тувинский, тофаларский, некоторые саамские, возможно, эвенкий и некоторые дагестанские языки);

в) **назализация** (?) (возможно, назализация как супрасегментное явление имеется в некоторых меланезийских, вьетнамских и др. языках, см. [Иванов Вяч. 1975: 18–19], а также в амазонских языках, см. [Нутман 2007: 679]);

г) **палатализация** (?) (наличие супрасегментной палатализации, отличающейся от сегментной палатализации и распространяющейся на все ядро стопы (гласные 1-го и 2-го слогов и интервокальный согласный / кластер), постулируется для скольского саамского языка (см., например, статью М. Корхонена в [Itkonen et al. 1971: 73–74]))¹⁷.

М.Д. Симонова и Г.В. Радченко (см. их статьи в [Исследования 1988]); такую интерпретацию поддерживают и наши собственные полевые исследования, проведенные совместно с Е.В. Перехвальской в октябре 2007 г. В бикинском диалекте удэгейского языка сохранился только ларингализованный акцент, а в еще более инновационном иманском диалекте бывшая ларингализация становится падающим тоном. О ларингализации и фарингализации как «тонемах» см. также фундаментальную типологическую статью [Иванов Вяч. 1975].

¹³ Хотя для них и характерно развиваться впоследствии в тональные системы, что хорошо показано в работе [Иванов Вяч. 1975]. В удэгейском языке результат развития ларингализации в падающий тон представлен в иманском диалекте.

¹⁴ Употребление термина «акцент» относительно явлений подобного типа обосновывается и в работе [Кассевич 1983: 168–172]. В коллективной монографии, посвященной просодическим системам европейских языков [Hulst 1999], предлагается все же использовать термин «тон» в том числе и для систем типа дагестанских языков или эстонского [Hulst 1999: 92–93].

¹⁵ Ряд исследователей (например, Д. Кressель, устное сообщение) отвергают наличие в дагестанских языках обнаруженных С.А. Старостиным слоговых акцентов, поэтому данный вопрос еще подлежит уточнению. Что касается китайских и корейских диалектов, то через слоговые акценты, по-видимому, могут описываться, в частности, шанхайский диалект китайского языка (см., например [Chen 2000]) и корейский диалект провинции Кёнсан (см., например [Jun 2005]).

¹⁶ О наличии в водском акцентов, основанных на количественных противопоставлениях, свидетельствуют наши наблюдения над просодикой западноводского диалекта в экспедиции под рук. Ф.И. Рожанского в декабре 2005 г., а также описание ныне исчезнувшего восточноводского диалекта в грамматике [Ariste 1968 (1948)] и прослушивание аудиозаписей восточноводского, сделанных Л. Кеттуненом в 1910–20-х гг. и хранящихся в архиве Финского литературного общества в г. Хельсинки, а также аудиозаписей из архива Центра исследования языков Финляндии (KOTUS) г. Хельсинки.

¹⁷ Однако исследователи указывают и на возможность сегментной трактовки подобной палатализации (М. Рисслер, устное сообщение), поэтому супрасегментная интерпретация еще подлежит уточнению.

Тон был поставлен на первое место, как наиболее часто встречающийся фонетический коррелят. Одновременно фонологические системы, в которых высота или движение тона могут интерпретироваться как акцент, являются наиболее спорными для анализа, поскольку ближе всего смыкаются с собственно тональными системами. Не случайно Л. Хайман в своих типологических исследованиях [Нутан 2006; 2007], посвященных ‘pitch accent’, приходит к выводу, что все подобные системы можно проанализировать как имеющие фонологический тон. Однако систему типа эстонской, где основным коррелятом акцента является количество, а вовсе не тон, и где, помимо акцентов, на фонетическом уровне имеется также самостоятельное ударение, членяющее словоформу на стопы, описать акценты как тон или как ударение уже не удается. Поэтому, возможно, «прототипические» системы с акцентами следует искать именно среди языков, в которых акцент реализуется через немелодические фонетические корреляты. Отметим, что в обеих упомянутых статьях упоминаются системы, для которых предлагалось супрасегментное толкование нетональных фонетических коррелятов, при этом Л. Хайман оставляет без ответа вопрос об их фонологической трактовке [Нутан 2006: 238–240; 2007: 667].

2.4. Следующие типы правил релевантны для описания супрасегментных единиц, фонологически связанных с уровнем слога/словоформы:

1. Правила перехода от фонологического уровня к фонетическому и наоборот (фонетические особенности реализации супрасегментных единиц).

2. (В рамках фонологического уровня.) Правила перехода от супрасегментного уровня к сегментному (уровню фонем) и наоборот. Полезными здесь, в частности, представляются понятия «носитель» и «сегментный базис» супрасегментной единицы (на основе работы [Касевич и др. 1990: 20, 64] с несколько модифицированными формулировками):

сегментный базис супрасегментной единицы – сегментная структура, на которую распространяется действие супрасегментной единицы (слог, стопа, фонетическое слово). Сегментный базис определяет границы действия супрасегментной единицы;

носитель супрасегментной единицы – сегмент или последовательность сегментов, которая обязательно должна присутствовать, чтобы супрасегментная единица могла реализоваться (слог или стопа¹⁸). Носитель супрасегментной единицы обычно описывается как просодическая вершина сегментного базиса. Супрасегментная единица фонологически маркируется именно на носителе.

Правила этого типа описывают, какие структурные ограничения супрасегментные единицы накладывают на сегментные и каким образом осуществляется фонологическое маркирование супрасегментных единиц на сегментном базисе.

3. Правила перехода от фонологического уровня к морфологическому и наоборот. Для этого типа правил релевантно третье из введенных в работе [Касевич и др. 1990] понятий:

функциональный базис супрасегментной единицы – функциональная, словарная единица уже не фонологической природы (морфема, словоформа, сочетание словоформ (если какие-то из них являются клитиками)), которой приписывается одна или несколько супрасегментных единиц).

Правила данного типа описывают, каким образом осуществляется маркирование морфологических единиц супрасегментными единицами.

4. Правила сочетаемости супрасегментных единиц в рамках сегментных и функциональных структур, превышающих по длине сегментный и функциональный базисы одной супрасегментной единицы (синтаксика супрасегментных единиц).

2.5. Вопрос о типах соотношения в разных языках носителя, сегментного базиса и функционального базиса супрасегментных единиц является составной частью вопро-

¹⁸ Точнее, ядро слога (прототипически – гласный; также может быть дифтонг, сонант, сочетание гласного и согласного) или ядро стопы (прототипически двусложное, последовательность от гласного первого слога до гласного второго слога).

са о типологии просодической организации языков мира. Типологически выделяются две полярные стратегии такой организации. Для их наименования удачными представляются термины С.В. Кодзасова и О.В. Кривновой, с помощью которых описывается типология фонотактики: «Из сравнения фонотактической ситуации в разных языках мира следует вывод, что имеется два разных способа организации звукового потока, которые можно условно назвать “квантовый” и “волновой”. Кvantовая речь основана на соположении единиц со строго ограниченной структурой, их границы четко заданы. Волновая речь основана на чередовании вокалических вершин и консонантных промежутков, границы нисходящего и восходящего склонов размыты»¹⁹ [Кодзасов, Кривнова 2001: 458–459]. Оказывается, что с указанными способами фонотактической организации коррелирует много других типологических параметров: акцентная ритмика (и тенденция к изохронии речевых интервалов) / слоговая ритмика (термины К.Л. Пайка), счет морей / счет слогов (термины Н.С. Трубецкого), развитый вокализм / развитый консонантизм, фонологическая «синтагматичность» / «парадигматичность» языка (термины М.В. Панова), отсутствие редукции в речи и «напряженная» произносительная база / наличие редукции в речи и «ослабленная» произносительная база, фиксированное ударение / свободное ударение, прогрессивные звуковые законы / регрессивные звуковые законы, аглютинативный или изолирующий грамматический строй / флексивный строй и др. (см. [Кузнецова 2005]). Поэтому типология способов просодической организации языков представляет собой не бинарную оппозицию, а шкалу с большим количеством переходных типов, представляющих собой различные комбинации подобных параметров. На одном конце шкалы находятся языки, для которых крайне актуальны просодические границы внутри речевого потока и характерно стремление упорядочить его путем разбиения на изохронные отрезки. На другом конце шкалы находятся языки, для которых наиболее актуальны не границы, а просодические вершины речевого потока. Поэтому для просодики «квантовых» языков, в частности, крайне важна структура и границы носителя супрасегментных единиц, а для просодики «волновых» языков главным образом важно только ядро носителя. Поэтому границы носителя, как и границы сегментного базиса, оказываются размытыми. «Кvantовые» языки – это языки с высоким функциональным статусом просодики и фонологии вообще. Поэтому в них структура и границы функционального базиса (морфемы и словоформы) во многом определяются структурой и границами носителя и сегментного базиса супрасегментных единиц. В «волновых» языках, наоборот, носитель и сегментный базис имеют низкий функциональный статус, и их границы часто определяются границами функционального базиса – словоформ, акцентогенных морфем.

2.6. Типологические данные свидетельствуют о наличии двух основных видов носителя супрасегментных единиц в «квантовых» языках: **слог** и **стопа**²⁰ (единица, большая чем слог, но часто меньшая чем словоформа, прототипически двусложник). Фундаментальное различие между просодическими системами с опорой на слог и на стопу связано с имеющимися в них типами просодических границ. В языках с опорой на слог (называемых «моносиллабическими», «морфосиллабическими», «слогоморфемными», «слоговыми») существует один основной тип таких границ – межслоговые границы. Границы слога в идеале являются границами одновременно носителя, сегментного и функционального базисов супрасегментных единиц. Слоги представляют собой просодически независимые друг от друга единицы, каждая из которых фонологически

¹⁹ Выделение наше. – Н.К. Среди «волновых» языков авторы называют славянские, грузинский, абхазо-адыгские, некоторые языки Северной Америки, среди «квантовых» – полинезийские, южно-американские, тури-гуарани, тюркские, финно-угорские, чукотско-камчатские (кроме ительменского), арабский, корейский.

²⁰ Термин «стопа» (точнее, «метрическая стопа» (*metrical foot*)) в качестве тактовой просодической единицы языка был предложен Е.О. Селькирком в 1981 г. [Selkirk 1981]. Основываясь на материалах английского языка, Селькирк считала, что стопу в единое целое объединяет динамическое ударение, выделяющее один из слогов, таким образом, что один из слогов стопы обязательно доминирует над остальными.

маркирована некоторой супрасегментной единицей. Таким образом, «квантовые» языки с опорой на слог являются по необходимости тональными.

В языках с опорой на стопу представлено два основных вида просодических границ: границы между слогами и сегментами внутри стопы и границы между стопами. Изначально в термин «стопа» вкладывалось понятие просодической иерархии, неравноправности слогов друг относительно друга. Однако впоследствии этот термин стал применяться и в тех случаях, когда речь идет вообще об особо тесной просодической взаимосвязи слогов в рамках стопы, а не только об иерархическом подчинении их друг другу. Так, например, в большинстве скандинавских германских, прибалтийско-финских, саамских языков двусложная стопа характеризуется особым типом мелодического контура, распространяющегося на всю стопу, а также определенным количественным соотношением сегментов внутри стопы²¹. В последнее время термин «стопа» начал применяться и для описания тональных языков, где не наблюдается просодического неравноправия слогов в смысле Е.О. Селькирк²². Сегменты в рамках стопы могут зависеть друг от друга по различным параметрам: по способу и месту образования, наличию дополнительной фонации, количественным и тональным характеристикам, интенсивности. Таким образом, термин «стопа» можно определить следующим образом:

стопа – это просодическая единица выше уровня слога и ниже уровня фонетического слова, внутри которой наблюдается более сильная фонетическая и фонологическая взаимосвязь слогов и сегментов, чем на межстопных границах.

Прототипическая стопа является двусложной, т.е. можно сформулировать следующую универсалию: если для языка X имеет смысл выделять стопу как особую просодическую единицу, то в таком языке всегда будут иметься стопы, состоящие из двух слогов. Основным типом носителя просодической единицы в стопических языках также является двусложная стопа²³. В целом, судя по типологическим данным, для языков наиболее характерны одно-, двух- и трехсложные стопы (см. также [Hulst 1999: 36–49]).

В «квантовых» стопических языках границы стопы имеют большую определенность и функциональную нагрузку, чем границы слога. Именно со стопическими границами прежде всего соотносятся границы носителя, сегментного и функционального базисов супрасегментных единиц. Таким образом, наибольшую значимость и структурную определенность слог имеет в «квантовых» слоговых языках. В прототипических языках «волнового» типа функционально нагруженным оказывается только ядро слога – носитель супрасегментных единиц, а просодически наиболее важным типом границ являются границы между фонетическими словами. В «квантовых» языках с опорой на стопу слог оказывается функционально подчинен стопе – просодической единице более высокого уровня. Наиболее существенные типы различий между слоговыми и стопическими языками представлены в табл. 1.

Прототипические «квантовые» стопические языки занимают промежуточное положение между «квантовыми» слоговыми и «волновыми» языками. С одной стороны, для них характерно «квантование» речевого потока, с другой стороны, они обнаруживают тенденцию к иерархизации слогов и сегментов внутри стопы, и таким образом выделению просодических вершин, развитию противопоставления просодически независимых и зависимых слогов. Поэтому супрасегментные единицы для таких языков

²¹ См., например, о просодике стопы шведского и норвежского языков [Вгусс 1977; 1983], эстонского [Lehiste 1960; 1970], статью Лехисте в [Estonian prosody 1997], также сноска 9.

²² См., например, о применении этого термина к тональным языкам южной группы манде (нигер-конго) [Выдрин 2001; 2008; Kuznetsova 2007]. Некоторые из языков этой группы представляют собой переходный от слогового к стопическому тип.

²³ Приняв положение, что в языке X имеет смысл выделять стопы, мы можем столкнуться со слогом, который не обнаруживает указанной просодической взаимосвязи с другими слогами. В этом случае мы говорим об односложной стопе, которая может быть также носителем супрасегментной единицы.

Таблица 1

Основные различия между «слоговыми» и «стопическими» языками

слоговые языки	стопические языки
<p>1. наиболее сильный тип границ – межслоговые границы;</p> <p>2. прототипический носитель супрасегментных единиц – слог;</p> <p>3. структурная организация сегментов прежде всего в рамках слога (соотнесенность сегментного базиса со слогом);</p> <p>4. соотнесенность функционального базиса (морфемы и словоформы) со слогом;</p> <p>5. организация фонетических особенностей реализации сегментов и супрасегментных единиц прежде всего в рамках слога (в том числе изохрония слогов);</p> <p>6. слоги просодически независимы; тип супрасегментных единиц – тон.</p>	<p>1. наиболее сильный тип границ – межстопные границы;</p> <p>2. прототипический носитель супрасегментных единиц – двусложная стопа;</p> <p>3. структурная организация сегментов прежде всего в рамках стопы (соотнесенность сегментного базиса со стопой);</p> <p>4. соотнесенность функционального базиса (морфемы и/или словоформы) со стопой;</p> <p>5. организация фонетических особенностей реализации сегментов и супрасегментных единиц прежде всего в рамках стопы (в том числе изохрония стопы);</p> <p>6. существует просодическая взаимозависимость слогов; тип супрасегментных единиц – ударение и акцент.</p>

оказывается удобнее описывать через понятия ударения и акцента, опирающихся на понятие просодической взаимозависимости слогов – как и для «волновых» языков. Ударение при этом оказывается типологически более свойственным «волновым» языкам, а акцент – «квантовым» стопическим. Приведем характерные примеры на эти 4 типа просодических систем (табл. 2).

Таблица 2

	ударение	акцент
«волновой» язык	русский	литовский
«квантовый» стопический язык	английский	эстонский

В «волновых» языках и ударение, и акцент более правильно называть «слоговыми» или «словесными» (по их носителю или сегментному базису), а в «квантовых» стопических – соответственно, «стопическими» или «словесными».

2.7. Интересным представляется вопрос о возможности сочетания в одной просодической системе ударения и акцента – так же, как ударения и тона. По-видимому, такое сочетание возможно, но в этом случае ударение и акцент / тон должны иметь различный сегментный и/или функциональный базис (а также, как правило, не совпадающие особенности фонетической реализации). Место ударения при этом обычно предсказуемо, т.е. ударение является автоматическим, не имеет смыслоразличительной силы и выполняет исключительно ритмическую функцию. Неавтоматические, морфологически связанные ударения, как это будет показано ниже на примере ижорского, как правило, падают на тот же слог, в котором наблюдается и слоговой акцент и таким образом могут считаться одним из фонетических средств его выражения. Комбинация на синхронном уровне ударения с другим типом супрасегментных единиц характерна для языков, находящихся с диахронической точки зрения в переходной фазе от одного просодического типа к другому (часто от более «квантового» к более «волновому»). Такие системы

Таблица 3

Некоторые типы соотношения ударения и акцента / тона в рамках одного языка

	тон / акцент (дистинктивная функция)	ударение (ритмическая функция)
латышский (акцент; индоевропейский); см. [Kancāns 1937; Даугавет 2003; 2008].	<u>носитель</u> : слог <u>сегм. базис</u> : акцентогенная морфема + неакцентогенные морфемы <u>функци. базис</u> : морфема	<u>носитель</u> : слог <u>сегм. базис</u> : стопа <u>функци. базис</u> : словоформа
эстонский (акцент; уральский); см. [Хинт 1971; Hint 1973; Вийтсо 1979; Eek, Help 1986; Viitso 2008].	<u>носитель</u> : стопа <u>сегм. базис</u> : акцентогенная морфема + неакцентогенные морфемы <u>функци. базис</u> : морфема	<u>носитель</u> : стопа <u>сегм. базис</u> : стопа <u>функци. базис</u> : словоформа
гуро (тон; нигер-конго); см. [Выдрин 2002; 2008; Kuznetsova 2007].	<u>носитель</u> : слог <u>сегм. базис</u> : слог <u>функци. базис</u> : слог в морфеме	<u>носитель</u> : стопа <u>сегм. базис</u> : стопа <u>функци. базис</u> : словоформа

являются очень неустойчивыми. Как правило, в процессе своего развития язык стремится установить взаимнооднозначное соответствие между ударением и акцентом / тоном и таким образом элиминировать одну из супрасегментных единиц²⁴.

Возможны, например, следующие соотношения ударения с акцентом / тоном (табл. 3, см. также [Hulst 1999: 77–95; Кодзасов 2002]).

3.1. Сойкинский диалект ижорского языка является «квантовым» стопическим идиомом с чертами «волнового» языка, обладающим системой акцентов. В этом смысле он схож с такими языками, как, например, эстонский, ливский, шведский, норвежский, датский, сербохорватский, кетский, некоторые дагестанские²⁵. Сойкинский диалект в плане просодической организации в особенности близок литературному эстонскому языку. Он имеет те же значения параметров фонологически значимых акцентов и ритмического ударения, что и эстонский (см. табл. 3). Основное различие между этими

²⁴ Так, например, для латышского и эстонского языков отмечается диахроническая тенденция к исчезновению морфологически связанных второстепенных ударений (особенно если их наличие сильно нарушает правила расстановки автоматических ударений). Впоследствии в этих же слогах обычно исчезают и акценты. Наоборот, если морфологически связанное второстепенное ударение по каким-то причинам сохраняется, то слог, несущий это ударение, оказывается обычно маркирован и определенным слоговым акцентом (см. особенно [Kancāns 1937; Хинт 1971; Вийтсо 1979; Eek, Help 1986]). Подробное изложение на русском языке дискуссий о латышском ударении см. в [Даугавет 2003], об эстонском ударении – в [Кузнецова 2005]. Для реконструируемого праславянского В.А. Дыбо замечает, что «путем прямого сравнения славянских языков устанавливаются интонации лишь тех слогов, которые несли на себе в праславянском ударение. Вопрос об интонациях безударных слогов для позднего праславянского состояния... остается не вполне ясным, т. к. судить о них позволяют лишь различия в судьбе праславянских долгот и некоторые различия в процессах передвижки ударения» [Дыбо 2000: 20]. А.А. Зализняк прямо отождествляет праславянские акценты («интонации») исключительно с ударными позициями [Зализняк 1985].

²⁵ Прямые и косвенные свидетельства того, что носителем акцента в указанных языках является именно стопа, см. [Lehiste 1960; Estonian prosody 1997; Eek, Meister 2003; 2004] (эстонский); [LU 2007: 39–41; Кулешов 2008] (ливский); [Bruce 1983: 235; 1987: 43; Kristoffersen 2003; Riad 1996] (скандинавские языки); [Lehiste, Ivić 1986; Hulst, Smith 1988: 1–10] (сербохорватский); [Vajda 2000] (кетский); [Кодзасов 2002] (дагестанские).

языками состоит в фонетических особенностях реализации акцентов, а также в правилах акцентного маркирования ряда суффиксальных морфем. Ниже будет изложена предлагаемая нами интерпретация супрасегментной фонологии сойкинского диалекта и ее соотношение с фонетическими инструментальными данными²⁶. Мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

- 1) фонологическая парадигма акцентов и их соотношение с ударением²⁷;
- 2) фонетическая реализация акцентов и ударения (на примере некоторых типов структур);
- 3) функционирование акцентов в морфонологической системе (на примере некоторых типов именного словоизменения);
- 4) соотношение синхронного описания с динамическими тенденциями развития языка.

3.2.1. Для сойкинского диалекта ижорского языка предлагается система из двух акцентов: **легкого //** и **тяжелого //**. При этом гласные во всех позициях, кроме начального слога корневых морфем, всегда считаются фонологически краткими. Функциональным базисом акцента является морфема. Акценты в ижорском морфологизованы, т.е. про алломорф каждой морфемы известно, несет он акцент или нет, и если несет, то какой именно тип акцента. Акцент маркируется с помощью знаков // и // перед первым гласным стопы, например: *k'ülmä*²⁸ <холодный.NOM.SG> vs. *k'ülmä* <холодный.PRT.SG/ILL.SG>.

Все аллофоны корневых морфем в норме получают акцентную маркировку (легким или тяжелым акцентом) на первом гласном (см., однако, 3.3.12). Тип акцента на алломорфе корневой морфемы у изменяемых слов в их начальной форме задан лексически. В грамматических формах, считающихся на синхронном уровне производными, акцент на корневом алломорфе определяется словоизменительным типом лексемы и grammatischen Formen, в которой представлен данный алломорф²⁹. Акцент корневых морфем неизменяемых слов задан лексически.

В норме акцент, приписанный корневой или суффиксальной морфеме, маркируется на первом слоге самой этой морфемы. Однако имеются также акцентогенные (термин А.А. Зализняка) неслоговые (не содержащие гласного) суффиксальные морфемы. Они занимают позицию в конце словоформы и в ряде структур «наводят» тяжелый акцент, который маркируется на предшествующем ему ядре двусложной или односложной стопы (в зависимости от количества слогов и морфемного состава основы): *k'ülmä-I* <холодный-ADS.SG>, *'otep'a-I* <яблоко-ADS>. Кроме того, имеются морфемы-операции (термин И.А. Мельчука), которые представляют собой чередование типов акцента в основе. Чередование может охватывать ядро двусложной или односложной стопы, к которой применяется данная операция: *k'ülmä* <NOM.SG> → *k'ülmä* <PRT/ILL.SG>, но *'opettaja* <учитель. NOM.SG> → *'opettaj'a* <PRT/ILL.SG>.

Сегментный базис акцента определяется функциональным базисом акцента и представляет собой последовательность, состоящую из акцентогенной морфемы и

²⁶ Оговоримся, что данное описание было построено и протестировано на ограниченном материале, в котором были учтены только самые основные морфонологические типы словоизменения имен и глаголов с 1–4-сложной основой, поэтому может не отражать некоторых нюансов. Имена при этом исследовались более детально, чем глаголы.

²⁷ Вопрос об ограничениях на синтагматику акцентов в рамках морфемы и словоформы в данной статье подробно рассматриваться не будет.

²⁸ Ижорские слова по умолчанию даются в фонологической транскрипции, долгие гласные фонемы и сильные согласные фонемы обозначаются диграфами.

²⁹ В этом смысле ижорский язык, по-видимому, относится к промежуточному между двумя крайними типами морфонологизованных акцентных систем, различаемыми в монографии [Дыбо 2000]: «1) если морфонологизация приводит к лексическому распределению акцентных типов.., возникает так называемый “парадигматический акцент”; 2) если морфонологизация приводит к распределению акцентных типов по морфологическим формам и категориям, мы говорим о “категориальном акценте”» [Дыбо 2000: 7].

следующих за ней неакцентогенных морфем (если таковые имеются). Например, в '*ore-tta-ja-Ø* <учиться-CAUS-AG-NOM.SG>' 'учитель' сегментным базисом акцента является вся словоформа. В '*ore-tta-j'a-Ø* <учиться-CAUS-AG-PRT/ILL.SG>' сегментным базисом первого акцента является последовательность морфем '*ore-tta-*', а второго акцента – морфема *-j'a-*. Сегментным базисом акцента может являться часть морфемы. Например, в '*otep'a-l* <яблоко-ADS.SG>' сегментный базис второго акцента состоит из последнего слога корневой морфемы и неслоговой суффиксальной морфемы.

Носителем акцента в норме является двух- или трехсложная стопа. Если акцент маркируется на последнем слоге словоформы, состоящей из более чем двух слогов, то носителем акцента является односложная стопа (см. 3.3.12, 3.3.13). Односложные слова и корневые морфемы также представляют собой односложный носитель акцента в том случае, если они не являются клитиками (см. 3.3.14).

3.2.2. Помимо акцентов в сойкинском диалекте имеется также **ритмическое ударение**. Ударение не имеет смыслоразличительной силы и служит исключительно для ритмизации речи и членения ее на стопы. Оно всегда падает на первый слог стопы. Слоги, маркированные легким или тяжелым акцентом, как правило, несут и ударение (см. также 3.3.4). Кроме того, ударение используется для дополнительного членения на стопы сегментного базиса акцента, превышающего по длине 3 слога (см. 3.3.12). Ударение может членить сегментный базис такого рода на 1–3-сложные стопы (односложная стопа при этом возможна только в абсолютном исходе словоформы). Чем длиннее сегментный базис, тем больше имеется вариантов его ритмического членения. Так, 4-сложный базис в норме членится на две 2-сложных стопы, но может распадаться и на 3-сложную и 1-сложную стопы. Предпочтение того или иного варианта членения отчасти обусловлено сегментным составом сегментного базиса³⁰. Сегментный базис из 5 слогов может члениться ритмическим ударением на 3-сложную и 2-сложную стопы или наоборот. Сегментная структура здесь также, по-видимому, накладывает некоторые ограничения на варианты членения³¹. Примеры 5-сложного базиса в ижорском вообще крайне редки, например: '*onnettoma-le* <несчастный-ALL.SG>, *r'askahe-tta-le* <тяжелый-CMP-ALL.SG>. Примеров 6-сложного базиса в нашем материале зафиксировано не было.

Соотношение акцентов с ударением будет дополнительно рассмотрено в разделе о фонетической реализации супрасегментных единиц (см. 3.3.4, 3.3.13), к которому мы и переходим.

3.3.1. Для систем со стопическими и слоговыми акцентами в целом характерна нетривиальность перехода от фонологического уровня к фонетическому, даже если в фонологической парадигме содержится всего лишь две супрасегментных единицы. В противопоставлении акцентов может одновременно участвовать целый комплекс фонетических параметров: тональный контур стопы, квантитативные оппозиции сегментов внутри стопы, дополнительные фонации, интенсивность, напряженность эпиглоттиса³².

³⁰ Так, например, если на границе 2-го и 3-го слога имеется согласный кластер или долгая согласная фонема (и таким образом 2-й слог является закрытым), то словоформа будет в норме иметь второй вариант членения. Например, предпочтительно [št'arig.ałè], но [‘obèttāj.a] (см. также 3.3.4, 3.3.13).

³¹ Вопрос о вариантах членения 5-сложного базиса подробно не изучался. Теоретически можно было бы предположить вариант членения такого базиса на 3 стопы (две 2-сложных и 1-сложную), однако среди имеющихся у нас немногочисленных примеров членения такого типа зафиксировано не было.

³² Так, например, в эстонском языке квантитативные оппозиции сопровождаются наличием / отсутствием напряжения эпиглоттиса при фонации определенных сегментов, а в том случае, если в первом слоге стопы содержится долгий гласный, еще и тональными оппозициями (см. [Liiv 1961; Eek 1971a; 1971b], также сноска 8). В ливском языке, имеющем наиболее сложную среди прибалтийско-финских языков систему из 5 стопических акцентов, представлено сочетание количественных оппозиций и параметра наличия / отсутствия гортанной смычки (см. сноска 5). В тех языках, где основным фонетическим признаком реализации акцентов является характер движения тона, тональные оппозиции, наоборот, часто сопровождаются количественными. Например, гласный, несущий один тип акцента, имеет большую фонетическую дли-

Таким образом, правила перехода между фонологическим и фонетическим уровнями часто оказываются довольно сложными³³.

Сойкинский диалект ижорского языка в этом смысле не является исключением. Особенно нетривиальным является вопрос о количественных контрастах на фонетическом уровне в стопах разной структуры, маркированных разными типами акцента. Более подробно будут рассмотрены фонетические особенности реализации акцента и ударения в словоформах, представляющих собой двусложную стопу, но будет также кратко сказано и о других типах структур.

3.3.2. С точки зрения фонетических особенностей реализации супрасегментных единиц в ижорском отчетливо противопоставлены два основных типа двухсложной стопы.

3.3.3. Первый тип – это стопа с первым **кратким** слогом (открытым, содержащим краткий гласный). Просодическое ядро такой стопы (последовательность сегментов от гласного 1-го слога до гласного 2-го слога включительно) имеет структуру **VCV**. Например: *k'ala* ‘рыба’, *v'eri* ‘кровь’, *r'äkä* ‘сопли’, *k'uka-t* ‘цветок-NOM.PL’.

В двусложной стопе с первым кратким слогом типы акцентов не противопоставлены. Во втором слоге такой стопы устойчиво наблюдается просодическое продление гласного³⁴ (см. также [Sovijärvi 1944: 10, 17]): [k'ałà], [k'ugàt]³⁵ и т.д.

тельность, чем гласный, несущий другой тип акцента. Так обстоит дело в датском [Riber Petersen 1973; Fischer-Jørgensen 1989], литовском [Pakerys 1995: 296–303; Girdenis 2003: 268–280], кетском [Вернер 1966; Vajda 2000], дагестанских [Кодзасов 2002]. Для тувинского языка отмечается сопровождающий фарингализацию гласного нисходяще-восходящий тон, противопоставленный ровному тону на долгих нефарингализованных гласных [Бичелдей 1980: 42–43]. Такая нетривиальность характерна и для некоторых систем с ударением (в особенности стопическим), а также для ряда собственно тональных языков (обычно только таких, в которых представлена сложная многочленная тональная парадигма) (см., например [Иванов Вяч. 1975; Hulst 1999: 92–93; Кодзасов 2002]). Любопытно отметить, что подобным нетривиальным сочетанием чисто тональных признаков с параметром наличия / отсутствия ларингализации характеризуется, в частности, пятичленная система тонов шанхайского диалекта [Иванов Вяч. 1975: 23], просодическая система которого, как уже говорилось, по-видимому, может быть представлена через акценты, а не через тоны.

³³ Л. Хайман поддерживает цитируемое им мнение К. Гуссенховена о том, что «‘accent’... is an analytical notion and cannot be measured. [It is] thus different from stress which is typically an observable phenomenon, and different also from tone, whose existence is equally measurable» ([Gussenhoven 2004: 42], цит. по [Нутан 2007: 680]). Однако представляется, что тон и ударение как фонологические единицы уровня словоформы обладают такой же степенью абстрактности, как и акцент, и не должны смешиваться с фонетическим уровнем. Об их абстрактности красноречиво свидетельствует тот факт, что и ударение, и даже тон нередко демонстрируют аналогичную нетривиальность перехода от фонетического уровня к фонологическому. Так, например, фонетическими коррелятами русского ударения являются и длительность, и интенсивность, и спектральные характеристики ударного гласного. Поскольку фонологическая оппозиция является бинарной и в идеале в словоформе имеется только один ударный слог, наоборот, скорее следует ожидать, что последний будет противопоставлен безударным слогам по целому набору фонетических параметров, чем только по одному признаку. В этом смысле акцент по своей «измеримости» и «наблюдаемости» мало чем отличается от ударения. Тоны тоже далеко не всегда реализуются только через единственный признак высоты или мелодики основного тона, довольно часто этот признак сочетается, например, с ларингализацией (как в китайских тонах «жу-шэнь», см. [Иванов Вяч. 1975]).

³⁴ Просодическое продление второго гласного в стопе такого типа зафиксировано для многих прибалтийско-финских языков; в частности, оно ярко выражено в эстонском, водском, ливском, ингерманландском финском; слабее – в литературном финском.

³⁵ В фонетической транскрипции здесь и далее значок акута ['] перед гласным обозначает первую степень ударности, значок [.] – вторую степень ударности. Просодическое продление фонемы обозначается значком грависа над буквой: [ä]. Долгие фонемы передаются как [ä], [t̄] и т.д. Перевернутая дужка над гласным обозначает количественную редукцию краткого гласного: [ä], дужка под гласным передает его неслоговой характер: [i]. Палatalный аллофон фонемы /l/ передается как [l], велярный – как [ɫ].

Проведенное нами небольшое инструментальное исследование³⁶ показывает, что среднее пропорциональное соотношение между длительностями гласных второго и первого слога в двусложных стопах составляет **1,45**. При этом стандартное отклонение от этого соотношения составляет 0,5, т. е. наблюдается стабильное варьирование от полного отсутствия продления до соотношения 2 : 1, равного соотношению фонологически долгих и кратких звуков. Наличие согласного после гласного второго слога не влияет на длительность этого гласного (это отмечалось и в [Sovijärvi 1944: 17]). Длительности звуков в абсолютных величинах представлены в табл. 4.

Таблица 4

Длительность звуков в двусложной стопе с первым кратким слогом

параметр	значение	$\pm\sigma$
A (V_1), мс	115	43
C (C), мс	83	23
D (V_2), мс	161	66
D/A	1,45	0,49
A/D	0,75	0,22
кол-во измерений	49	

В трехсложной стопе с первым кратким слогом во втором слоге отмечается такое же просодическое продление, а третий слог, наоборот, характеризуется количественной и иногда качественной редукцией гласного (см. 3.3.6, 3.3.11). Например: *r'äpäkä-t* [*r'äbägät* ~ *r'äbägət*] <полотенце-NOM.PL>, *r'äpäkkä* [*r'äbäkä* ~ *r'äbäkə*] <полотенце.NOM.SG>.

При нейтральном изолированном произнесении мелодический контур двух- и трехсложной стопы является падающим, однако в спонтанной речи он, по-видимому, сильно зависит от фразовой интонации.

3.3.4. Выше уже говорилось, что имеет смысл считать все корневые морфемы маркованными каким-либо типом акцента – легким или тяжелым. Кроме того, было сказано, что на слог, маркованный акцентом, всегда падает ударение. Каковы основания вообще приписывать словоформам типа *k'ala* или *r'äpäkkä* какой-либо акцент, если виды акцентов в стопе с первым кратким слогом не различаются и фонетическая реализация акцента является одновременной фонетической реализацией стопического ударения? Почему нельзя считать, что такие словоформы являются анакентными и в потоке речи получают автоматическое ритмическое ударение на первом слоге стопы?

Основанием является тот факт, что ударение на первом слоге корневых морфем является **морфологически связанным**. Оно жестко закреплено за этим слогом и не может смешаться. Особенно отчетливо это видно на примере композитов, содержащих несколько корневых морфем, в сопоставлении со словоформами аналогичной сегментной структуры, не содержащих никаких других акцентогенных морфем, кроме корневой.

³⁶ Анализ произведен с помощью программы Speech Analyzer. В моей выборке 26 словоформ были извлечены из фраз и спонтанных диалогов с информантами: *kala* (5), *räkä* (4), *veri* (1), *kuka-t* (2), *küla-s* (2), *susi* (3), *hüvää* (2), *tä-tä* (4), *tämtä* (2), *poja-n* (1). Другие 23 примера представляли собой изолированные (в основном троекратные) произнесения ижорских слов: *pata* (1), *ari* (2), *häri* (1), *sota* (1), *koti* (3), *isä* (1), *ikä* (2), *kala* (3), *käsi* (3), *ovi* (3), *vene* (3). В выборке в относительно равных пропорциях были представлены данные от информантов, произносительные стратегии которых можно охарактеризовать как «редукция» (быстрая, редуцированная речь), «распевность» (сравнительно медленная, «распевная» речь с ярко выраженным просодическими контрастами) и «нейтральная». Измерялись только гласные, входящие в просодическое ядро стопы.

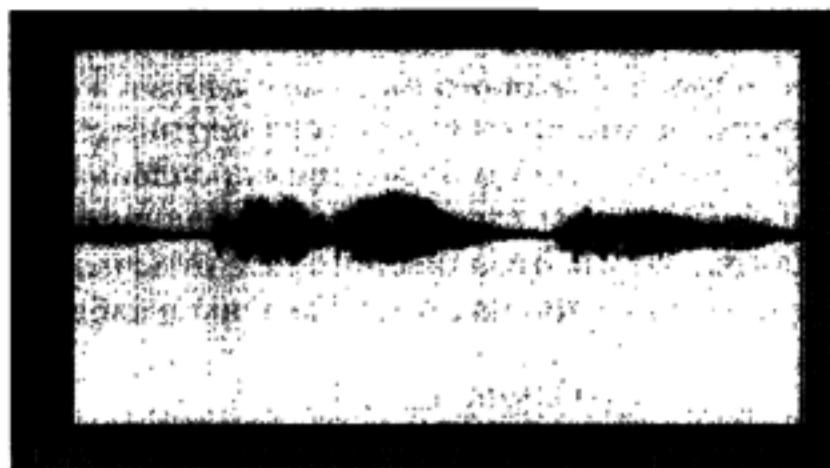

Рис. 1

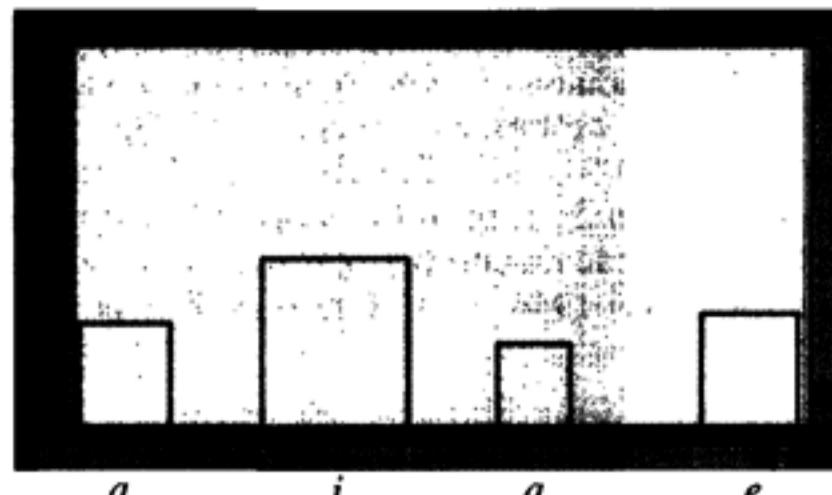

Рис. 2

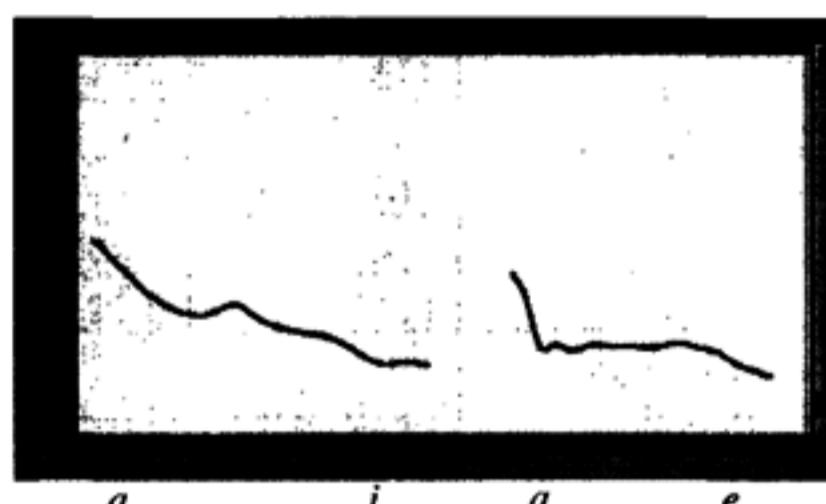

Рис. 3

Так, например, в четырехсложной словоформе *s'tarika-le* <старик-ALL.SG> все слоги являются краткими. Как уже говорилось, для такой структуры типично ритмическое членение на 2 двусложных стопы, т.е. ритмическое ударение падает на 1-й и 3-й слоги. Фонетически каждая стопа реализуется аналогично двусложным словоформам, рассмотренным выше: [št'arig.ałè]. Т.е. нечетные слоги являются в норме короче следующих за ними четных³⁷. Нейтральный мелодический контур каждой стопы является падающим, вторая стопа начинается с повышения основного тона (но не до уровня первого слога предыдущей стопы, т.е. общий мелодический контур словоформы также падающий). Приведем в пример произношение этой словоформы, записанное от носительницы сойкинского диалекта 1931 г.р. На рис. 2 представлена длительность гласных (вертикальная шкала, деление 20 мс), на рис. 3 – движение основного тона голоса (вертикальная шкала 150–300 Гц).

Однако возможно и ритмическое членение этой словоформы на 3-сложную и 1-сложную стопы, с несколько иным распределением количества и мелодики: [št'arig.əł.è] (о фонетической реализации гласного в 1-сложной стопе на конце слова см. 3.3.12, 3.3.13). Таким образом, ритмическое ударение, создающее в словоформе вторую стопу, подвижно и может менять свою позицию. Это свидетельствует о том, что суффиксальная морфема адессива не является акцентогенной, а второе ударение – морфологически несвязанное³⁸.

Но композит аналогичной структуры *k'anā-t'ipa* (курица-яйцо) ‘яйцо’ имеет только один вариант членения на стопы: [k'anām'unā]. Ударение закреплено за первым

³⁷ Хотя в абсолютных величинах просодическое продление реализуется здесь значительно слабее, чем в двусложном одностопном слове. Продление в 4-м слоге просодически выражается при этом хуже, чем продление во 2-м слоге, что отмечено и в [Sovijärvi 1944: 17–18].

³⁸ Термины «морфологически связанное» и «морфологически несвязанное» ударение используются в работах [Хинт 1971; Hint 1973] относительно эстонского языка. Они сопоставимы с терминами «автономное» и «автоматическое» ударение, предложенные относительно праславянской системы в работе [Зализняк 1985].

слогом не только первой, но и второй корневой морфемы, т.е. в обоих случаях является морфологически связанным. Таким образом, можно сказать, что акцент в стопе с первым кратким слогом – это фактически морфологически связанное ритмическое ударение³⁹. Условно мы считаем его легким.

Просодическое ядро стопы с первым кратким слогом может быть названо «уравновешенным»⁴⁰, поскольку в нем нет отчетливо выраженной просодической вершины. Первый слог несет более высокий тон и, по-видимому, имеет большую интенсивность, но второй слог имеет большую длительность. В ядре такого типа невозможна фонетическая редукция гласных⁴¹.

3.3.5. Второй важнейший тип стопы – это стопа с первым долгим слогом (содержащим долгий гласный и/или закрытым). Просодическое ядро такой стопы может иметь структуру VVCV, VCCV, VVCCV⁴². Например: *l'innä* ‘город’, *v'asta* ‘банный веник’, *s'ilma* ‘глаз’, *k'oira* ‘собака’, *v'iina* ‘водка’, *k'aarto* ‘радуга’.

В просодическом ядре стопы данного типа первый слог является отчетливой просодической вершиной. Он несет ритмическое ударение (т. е. имеет более высокий тон и большую интенсивность, чем следующие слоги стопы), а также имеет большую (или равную) длительность, по сравнению со вторым слогом. Таким образом, просодическое ядро стопы с первым долгим слогом может быть названо «неуравновешенным»⁴³. В сойкинском диалекте имеется два варианта фонетической реализации просодического ядра в стопе с первым долгим слогом.

3.3.6. При немаркированном варианте реализации второй слог стопы подвергается количественной редукции. Мелодический контур стопы, просодическое ядро которой реализуется подобным образом, при нейтральном варианте произнесения является падающим.

Нелабиализованные гласные *a*, *ä*, *e*, *i* при этом часто претерпевают качественную редукцию до [ə], в особенности *a* и *ä*. Например, словоформы *l'innä* ‘город’ *'ilmä* ‘погода’ и *k'ülmä* ‘холодный’ в речи нередко реализуются как [l'iñə], [iñtə], [k'ülm'ə]. Как видно из последнего примера, палатализованные аллофоны согласных фонем перед этимологически передними гласными при этом сохраняются. При тщательном медленном произнесении в речи большей части информантов редуцированные гласные все же восстанавливаются до полных⁴⁴. Однако некоторые информанты не всегда проясняют редукцию – прежде всего те, речь которых в целом характеризуется редукционной произносительной стратегией. Кроме того, в некоторых структурах информанты иногда восстанавливают редукцию этимологически «неправильно». Например, в форме

³⁹ По-видимому, акцент (= морфологически связанному ударению) в стопе с первым кратким слогом имеется только в первом слоге корневой морфемы, однако этот вопрос требует дополнительного изучения. Отметим также, что подобный акцент в неначальных стопах (т.е. в композитах) имеет обычно первую степень ударности, аналогичную представленной в первой стопе, в то время как автоматическое ритмическое ударение во второй стопе в словоформах типа *s'tarikale* такой степени ударности, как правило, не достигает.

⁴⁰ Деление на «уравновешенные» и «неуравновешенные» стопы для эстонского языка (проведенное несколько иным образом, чем в данной статье) см. в [Eek, Meister 1997].

⁴¹ Поэтому, в частности, во всех прибалтийско-финских языках двусложные слова такого типа не претерпели особых изменений в диахронии и сохранили практически одинаковый фонетический облик.

⁴² Под **VV** имеются в виду как долгие гласные, так и дифтонги, под **CC** – как сильные согласные, так и кластеры согласных.

⁴³ В стопе с первым долгим слогом в прибалтийско-финских и саамских языках происходят различные просодические процессы, основанные на ослаблении и усилении (т. е. редукции и продлении) тех или иных входящих в нее компонентов. Результаты некоторых процессов фонологизуются, и таким образом развиваются морфонологические чередования в основе – как на сегментном, так и на супрасегментном уровне. Стопа с первым долгим слогом является основным источником возникновения акцентов в этих языках.

⁴⁴ Иная ситуация представлена в нижнелужском диалекте ижорского языка, для большинства говоров которого есть основания постулировать фонему /ə/.

NOM.SG слова '*aita* [ˈaidə] ‘забор’ большинство информантов уверенно восстанавливают *a* во 2-м слоге. Но в формах GEN.SG '*ajja-n* [ˈaj̃ən] и NOM.PL '*ajja-t* [ˈaj̃ət], где 2-й слог является закрытым, [ə] часто проясняется не в *a*, а в *e* (этому способствует позиция гласного после сильного согласного *j*). Так же, к примеру, в форме PRT.SG *v'etä* [v'et̃ə] лексемы ‘вода’ на конце иногда восстанавливается не исконный *ä*, а *a* – отчасти, по-видимому, по причине того, что согласный *t* перед передними гласными не подвергается палатализации.

Качественная редукция, по-видимому, является следствием общей фонетической редукции, особенно интенсивно протекавшей в ижорском в последние десятилетия на фоне языкового сдвига. Эти процессы в целом привели к уменьшению средней длительности ижорских звуков, по сравнению с ситуацией полвека назад (ср. с фонетическими данными, приводимыми в [Sovijärvi 1944])⁴⁵. Архивные записи сойкинского ижорского 60-х годов также демонстрируют практически полное отсутствие качественной редукции, а также в целом более «распевную» и выразительную просодику.

Редукция в стопе с первым долгим слогом объясняется проявлением действия того же самого фонетического закона, что вызывает появление просодического продления в стопе с первым кратким слогом (см. 3.3.4) – тенденции к изохронии стопы, действующей в сойкинском диалекте. Она состоит в стремлении к уравниванию общей длительности стоп вне зависимости от их сегментного состава⁴⁶. В данном случае ее действие заключается в том, что в стопе с первым кратким слогом, содержащей меньшее количество сегментов, происходит как бы их «растягивание» (вызывающее просодическое продление гласного 2-го слога), а в стопе с долгим слогом – наоборот, «сокращение» (вызывающее редукцию гласного 2-го слога; см. также 3.3.9). Таким образом, морфологически связанное ударение в стопе с первым долгим слогом, демонстрирующей во втором слоге редукцию, также может считаться легким акцентом. Морфологически связанным оно является прежде всего в первом слоге корневых морфем: *l'innä*, *'ilma*, *k'ülmä*. Также легкий акцент имеет смысл приписывать двусложным алломорфам ряда словообразовательных суффиксов, например: *-kk'aise-*/*-kk'äise-* (*m'atokk'ajse-n* ‘червяк-GEN.SG’), *-l'aise-*/*-l'äise-* (*v'enäl'äise-n* ‘русский-GEN.SG’), *-'ukse-*/*-'ükse-* (*h'arkkam'ukse-n* ‘шаг-GEN.SG’).

Таким образом, легкий акцент, фонетическая реализация которого, вне зависимости от структуры сегментного базиса, подчиняется общефонетическому закону изохронии стопы, можно в целом считать просодически немаркированным.

3.3.7. При маркированном варианте реализации стопы с первым долгим слогом во втором слоге просодического ядра фиксируется просодическое **продление** гласного. Продлению гласного 2-го слога обычно сопутствует также просодическое продление одного из сегментов 1-го слога, в зависимости от структуры последнего: 1) интервокального сильного согласного, через который проходит граница между 1-м и 2-м слогами; 2) долгого гласного первого слога; 3) 2-го гласного дифтонга 1-го слога; 4) первого согласного кластера на границе 1-го и 2-го слогов (о таком продлении см. также [Sovijärvi 1944: 15]). Двухсложные стопы, в которой просодическое ядро харак-

⁴⁵ Сопоставление с фонетическими данными близкого по просодике эстонского языка (см., например [Liiv 1961]) также показывает, что длительность звуков сойкинского диалекта в его современном состоянии в целом оказывается на 15–20% короче, чем длительность соответствующих эстонских звуков.

⁴⁶ Данное явление описано применительно ко многим «квантовым» стопическим и слоговым языкам (в последних действует тенденция к изохронии слогов), см., например [Касевич и др. 1990: 98–102]. Описание действия этой тенденции в близкородственном эстонском см. в [Lehiste 1977; Eek, Meister 1997], в ливском – в [LU 2007: 39–41, Lehiste etc. 2008]. Применительно к ижорскому о ней упоминает А. Совиярви [Sovijärvi 1944: 11–12]. Вероятно, именно эта тенденция на более раннем этапе развития прибалтийско-финских языков вызвала «ослабление» и выпадение определенных согласных фонем в двусложных стопах, где второй слог является закрытым, в результате чего развилось так называемое «чертежование ступеней».

теризуется подобным типом продления, во всех случаях считаются фонологически маркированными тяжелым акцентом.

Чаще всего два варианта реализации стопы с первым долгим слогом противопоставляют алломорфы основ одной и той же лексемы в разных грамматических формах. Например, [l'iñä] <город.NOM.SG>, но [l'iñà] <город.PRT.SG>; [l'iñä-t] <город-NOM.PL>, [l'iñä-n] <город-GEN.SG>, но [l'iñ-š] <город-INS>, [l'iñä-ł] <город-ADS>. Ср. также формы NOM.SG vs. PRT.SG/ILL.SG следующих лексем: [k'ořgä] vs. [k'ořgä] ‘собака’; [š'üñä] vs. [š'üñä] ‘соль’; [v'aštä] vs. [v'aštä] ‘банный веник’; [k'ülm'ä] vs. [külm'ä] ‘холодный’.

3.3.8. Было проведено небольшое инструментальное исследование длительности звуков в ижорских словоформах, представляющих собой двусложную стопу с ядром различной сегментной структуры. Отбирались такие имена, в парадигмах которых не имеется более никаких морфонологических чередований, кроме чередований акцентов (всего 402 произнесения). Грамматические формы, по особенностям их структуры и просодики, были разделены на 4 группы: 1) NOM.SG, типа [k'ořgä] ‘собака’ («**NOM**»); 2) GEN.SG/PL, типа [k'ořgä-n], [k'ořgä-ł]; NOM.PL, типа [k'ořgä-t] («**GEN**»); 3) PRT.SG/PL типа [k'ořgä], [k'ořg-i-a]; ILL.SG/PL, типа [k'ořgä], [k'ořg-i] («**PRT**»); 4) прочие падежные формы SG/PL (кроме ALL, ESS), типа [k'ořgä-ł], [k'ořg-i-ł] («**OBL**»). Отбирались произнесения, записанные от информантов с различной произносительной стратегией. Все примеры извлечены из фраз и спонтанных диалогов. В исследовании было представлено 6 типов структуры ядра (V – гласный, R – сонант; приводятся формы группы NOM с легким акцентом):

Таблица 5

Длительность звуков в стопе с первым долгим слогом

	A(V ₁)	±σ	B(C ₁)	±σ	AB(VV _p)	±σ	BC(nn)	±σ	C(C ₂)	±σ	D(V ₂)	±σ	Qgen	±σ
NOM	118	29	108	32	163	60	187	22	90	28	85	32	387	93
кол-во	(65)		(59)		(16)		(6)		(75)		(81)		(81)	
GEN	106	28	78	26	132	30	155	25	66	23	66	16	310	66
кол-во	(84)		(67)		(17)		(12)		(84)		(101)		(101)	
PRT	101	27	117	36	213	61	235	30	94	26	132	64	447	90
кол-во	(133)		(121)		(28)		(12)		(149)		(126)		(126)	
OBL	103	32	93	30	177	40	201	24	83	22	108	31	385	67
кол-во	(45)		(40)		(14)		(5)		(54)		(59)		(59)	

Примечание. Все числовые значения, кроме указанных в круглых скобках, приводятся в мс; значения в скобках означают количество произнесений словоформ каждого типа; А – краткий гласный 1-го слога, AB – долгий гласный 1-го слога, В – 1-й согласный интервокального кластера / 2-й гласный дифтонга [i]⁴⁷, BC – интервокальный сильный согласный (в наших данных представлен только *ии*), С – 2-й согласный кластера / интервокальный слабый согласный, D – гласный 2-го слога, Qgen – суммарная длительность ядра (A + B + C + D) (см. табл. 6). Данные по долгим гласным (AB) и сильным согласным (BC) приводятся курсивом как ис вполне сопоставимы с прочими данными в плане своей репрезентативности и объема выборки (особенно это касается данных по сильным согласным) и, возможно, требующие дополнительной проверки. Для ряда структур (особенно дифтонгов, сочетаний гласных с *h*, кластеров сонорных) невозможно четко провести границу между сегментами на спектrogramme, поэтому приводимые данные имеют точность ±10 мс.

⁴⁷ В фонологии ижорского языка существует проблема трактовки второго элемента дифтонгов на *i* (в словах типа *k'ořa*). Его можно интерпретировать как гласный *i* или же как согласный *j*. Не углубляясь в эту проблему, отметим, что в просодическом плане его свойства не отличаются принципиально от свойств первого согласного кластера в этой позиции, поэтому мы сочли возможным объединить результаты этих измерений.

Таблица 6

Распределение сегментов в рассматриваемых структурах по основным позициям в ядре стопы

	A	B	C	D
1.	V ₁	i	R	V ₂
2.	V ₁	R ₁	R ₂	V ₂
3.	V ₁	h	R	V ₂
4.	V ₁	s	t	V ₂
5.	VV		R	V ₂
6.	V ₁	nn		V ₂

1. **ViRV:** *k'oira* ‘собака’, *k'uiva* ‘сухой’, *p'äivä* ‘день’;
2. **VRVV:** *k'ülmä* ‘холодный’, *s'ilma* ‘глаз’, *t'ürtmä* ‘тюрьма’, *'ilma* ‘погода’;
3. **VhRV:** *l'ehmä* ‘корова’, *v'ehnä* ‘пшеница’;
4. **VstV:** *v'asta* ‘веник’;
5. **VVRV:** *s'uula* ‘соль’, *s'iivi* ‘крыло’, *v'iina* ‘водка’, *n'uura* ‘веревка’, *S'oomi* ‘Финляндия’, *k'uuri/k'oori* ‘кора’.
6. **VnnV:** *l'inna* ‘город’, *k'onpa* ‘лягушка’.

В табл. 5 представлены средние результаты измерений звуков, входящих в просодическое ядро стопы, во всех типах структур. Они разделены на указанные выше 4 группы. Под каждой группой указывается количество словоформ, в которых измерялся тот или иной звук.

Сойкинский диалект (как и многие «квантовые» стопические языки) относится к так называемым «моросчитывающим» языкам, по классификации Н.С. Трубецкого. Это значит, что для него характерно сохранение определенных пропорциональных отношений между количеством сегментов, входящих в стопу. Была сделана попытка вычислить приблизительную длительность моры⁴⁸ в мс, поскольку это позволило бы более наглядно и схематично представить эти пропорциональные отношения между звуками в стопе.

В данном вычислении мы исходили из гипотезы о том, в какой позиции звуки имеют длительность, в среднем равную 1 море. Было предположено, что такую длительность должны иметь краткие фонемы, не подвергающиеся никакому виду просодического продления. Это, как минимум: 1) слабые интервокальные согласные в «уравновешенной» и «неуравновешенной» стопе (позиция С, см. табл. 4, 5); 2) вторые согласные интервокальных кластеров в «неуравновешенной» стопе (позиция С); 3) гласные 2-го слога в словоформах групп NOM и GEN в «неуравновешенной» стопе (позиция D). Оказалось, что средняя длительность гласного в указанных позициях равна 75 мс ($\pm\sigma$ 27 мс, 221 измерение), согласного⁴⁹ – 85 мс ($\pm\sigma$ 27 мс, 387 измерений). Средняя длительность звука во всех указанных позициях оказалась равна 81 мс, при этом следует учитывать, что измерений согласных в нашей базе данных в 1,5 раза больше, чем измерений гласных.

⁴⁸ Следует сказать, что данное понимание моры отличается от его классического понимания как исключительно теоретического конструкта, используемого для описания разницы в просодических свойствах носителей супрасегментных единиц разной структуры (разницы их «влияния» на место постановки ударения или акцента на сегментном базисе и на выбор типа акцента или тона для той или иной позиции). «Моры» в изложении ниже представляют собой средние пропорциональные отношения между сегментами в ядре стопы – специального термина для наименования подобных отношений нам не известно.

⁴⁹ Оговоримся, что в нашей базе данных представлены главным образом результаты измерения сонантов, однако имеющиеся данные по слабым смычным и фрикативным не нарушают общей картины.

Длительность звуков в стопах с 1-м долгим и кратким слогом в морах

Ядро с 1-м долгим слогом		μ (реальные)								μ (усредненные)						
		A	B	AB	BC	C	D	Qgen		A	B	AB	BC	C	D	Qgen
NOM	1,47	1,35	2,04	2,33	1,12	1,06	4,84		NOM	1,5	1,5	2	2,5	1	1	5
GEN	1,32	0,97	1,65	1,94	0,83	0,83	3,88		GEN	1,5	1	1,5	2	1	1	4
PRT	1,26	1,47	2,66	2,94	1,17	1,65	5,59		PRT	1,5	1,5	2,5	3	1	1,5	5,5
OBL	1,28	1,17	2,21	2,51	1,04	1,36	4,82		OBL	1,5	1	2	2,5	1	1,5	5
ядро VCV	1,43				1,04	2,01			VCV	1,5				1	2	

Можно считать, что длительность моры в ижорском приблизительно равна 80 мс. Представим теперь длительность звуков, приведенную в табл. 4 и 5, через «реальные» и усредненные моры (табл. 7).

3.3.9. Описанная выше тенденция к изохронии стопы отчетливо проявляется при сопоставлении данных по группам NOM vs. GEN и PRT vs. OBL, соответственно. Так, в словоформах первой пары представлен один и тот же алломорф корня, маркированный легким акцентом: *l'innä-, k'oira-* и т. д. Однако в группе NOM длительность ядра стопы в среднем составляет 5 μ , а в группе GEN – 4 μ . Это связано с тем, что в группе GEN стопа дополнительно содержит финаль в виде слабого согласного, закрывающего 2-й слог⁵⁰, ср. *k'oira* vs. *k'oirat, k'oiran, k'oirin*. Таким образом, в обоих случаях длительность всей стопы оказывается примерно одинаковой. Большая длительность ядра стопы в группе NOM достигается за счет большего или меньшего продления всех его элементов (на 0,1–0,5 μ), главным образом элемента, находящегося в позиции В, просодически наиболее важной в «неуравновешенной» стопе: первого согласного интервокального кластера (*k'ülmä*), второго элемента дифтонга (*k'oira*), а также долгих гласных и сильных интервокальных согласных, которые занимают эту позицию «частично» (*s'uila, l'innä* см. табл. 6)⁵¹. Такое фонетическое продление элемента в позиции В перед открытым слогом на примере кластера *ts* было отмечено и в [Sovijärvi 1944: 15–16].

Общее количество ядра стопы в словоформах групп PRT и OBL, где основа маркирована тяжелым акцентом, тоже различается почти на мору (~ 0,8 μ). Это также связано с тем, что в формах группы OBL второй слог является закрытым, и объясняется тенденцией к изохронии стопы.

Однако сами по себе фонетические особенности реализации тяжелого акцента, в отличие от реализации легкого, скорее противоречат тенденции к изохронии стопы, чем соответствуют ей. Продление одного из элементов стопы (гласного 2-го слога) сопровождается не сокращением какого-либо другого ее элемента, а, наоборот, продлением элемента в позиции В⁵². В предшествующих работах

⁵⁰ Проведенные нами измерения этого согласного (не представленные в таблицах 5, 7) показывают, что его длительность в среднем составляет 1 μ (для смычных и шумных несколько больше).

⁵¹ Подобная запись является в некотором роде метафорой: безусловно, невозможно разделить сильный согласный или долгий гласный на 2 части и сказать, что продлевается вторая или первая его половина – продлевается вся фонема целиком. С помощью такой записи мы всего лишь хотим продемонстрировать симметрию, наблюдавшуюся в просодике стоп разной структуры, показать внутреннее единство просодических законов, лежащих в основе фонетической реализации стопы в ижорском.

⁵² В результате длительность ядра стопы в формах группы PRT, по нашим данным, больше длительности ядра стопы в аналогичных по структуре формах группы NOM на 0,8 μ , а длительность ядра форм типа OBL превышает длительность ядра форм группы GEN на 1 μ .

по ижорскому языку постулировалось наличие долгих гласных фонем в неначальных слогах стопы (см., например [Porkka 1885; Ariste 1960; Лаанест 1966; Nirvi 1971]). Однако такая трактовка никак не учитывает просодическое продление сегментов в позиции В, сопутствующее этому «долгому гласному» второго слога. Такое продление не может объясняться действующими в языке фонетическими законами (тенденцией к изохронии стопы), поэтому должно получать фонологическое истолкование. Система стопических акцентов описывает это продление и его связь с продленным гласным второго слога.

Отметим, что развитие тяжелого акцента в формах группы OBL⁵³ является диахронически очень поздним явлением и в синхронии реализуется не так стабильно, как акцент в группе PRT. В речи одной носительницы сойкинского диалекта 1926 г. р. во втором слоге словоформ группы OBL, наоборот, была отмечена устойчивая редукция, как и в словоформах группы GEN, маркированных легким акцентом (при том, что в целом для нее характерна «распевная» произносительная стратегия). Например, она произносила формы *lehtä-l* (корова-ALL.SG) и *illa-st* (вечер-EL.SG) ‘вечером’ как [l'eh'm'āl], ['ilā-št], т. е. как словоформы, маркированные легким акцентом.

3.3.10. Квантитативные оппозиции сегментов в рамках стопы являются важнейшим фонетическим признаком, противопоставляющим акценты в ижорском, но, возможно, не единственным. В отличие от падающего тонального контура на стопе, характерного для нейтральной реализации легкого акцента, в стопах, маркированных тяжелым акцентом, отмечено некоторое повышение тона к концу продленного гласного 2-го слога. Однако оно зафиксировано на очень ограниченном материале, подробных исследований не проводилось, поэтому для более уверенных утверждений необходимо привлечение дополнительных данных. Отмечено также повышение интенсивности при реализации сегмента, занимающего позицию В, под тяжелым акцентом, по сравнению с реализацией легкого акцента, однако специальных исследований здесь также не проводилось. Приведем все же один характерный пример противопоставления самой носительницей сойкинского диалекта (EV, 1927 г. р.) двух лексем, различающихся только акцентом. В данном случае перед нами один из редких примеров, когда легкий и тяжелый акценты различают не грамматические формы одного слова, а разные лексемы (*v'asta* [*v'aštā*] ‘банный веник’ vs. *v'asta* [*v'aštā*] ‘навстречу’): «*V'asta t'ukkia* – это что такое? *H'än t'uli m'iule v'asta t'ukkia?* (соб.). – *V'asta* (1), а не *v'asta* (2). *V'asta*. *V'asta* есть... чем парятся (EV). – Ну, веник (соб.). – Веник. А это идет *v'asta*, вот. *H'ä t'ullo m'iule v'asta*, навстречу (EV)». На рис. 4 представлена фонетическая реализация словоформ (1) и (2): движение тона, изменение интенсивности, длительность звуков. В частности, видно, что *s* (фонетически [š]), занимающий позицию В, произносится гораздо интенсивнее в словоформе под тяжелым акцентом, чем в словоформе под легким акцентом (впрочем, это может быть связано с интонацией фокуса контраста).

3.3.11. Для фонетической реализации трехсложных стоп с первым долгим слогом (как и для трехсложных стоп с первым кратким слогом, см. 3.3.3) характерно наличие количественной и иногда качественной редукции в 3-м слоге. Например: *p'iirakka* [*p'īrākā*] ‘пирог’ (легкий акцент), ‘*omtēna* [*'omtēnā*] ‘пирог’ (тяжелый акцент). Т.е. можно сказать, что различие фонетической реализации:

1) стоп под легким акцентом с первым кратким слогом (типа *r'äpäkkä* [*r'äbäkā*]) vs. с первым долгим слогом (типа *p'iirakka* [*p'īrākā*]));

2) стоп с первым долгим слогом под легким акцентом (типа *p'iirakka* [*p'īrākā*]) vs. стоп с первым долгим слогом под тяжелым акцентом (типа ‘*omtēna* [*'omtēnā*]’) заклю-

⁵³ Наличие продления сегментов в позиции В, сопровождающее продление гласного 2-го слога в формах группы OBL, единственным из предшествующих исследователей отмечал Антти Совиярви на примере интервокальных кластеров *ts*, *rz*, *lm*, *rm*, *rv*. Он пришел к выводу (пользуясь несколько иной терминологией), что в таких словоформах интервокальный кластер, «несмотря на качественно слабую ступень, представлен все же в количественно сильной ступени» [Sovijärvi 1944: 16].

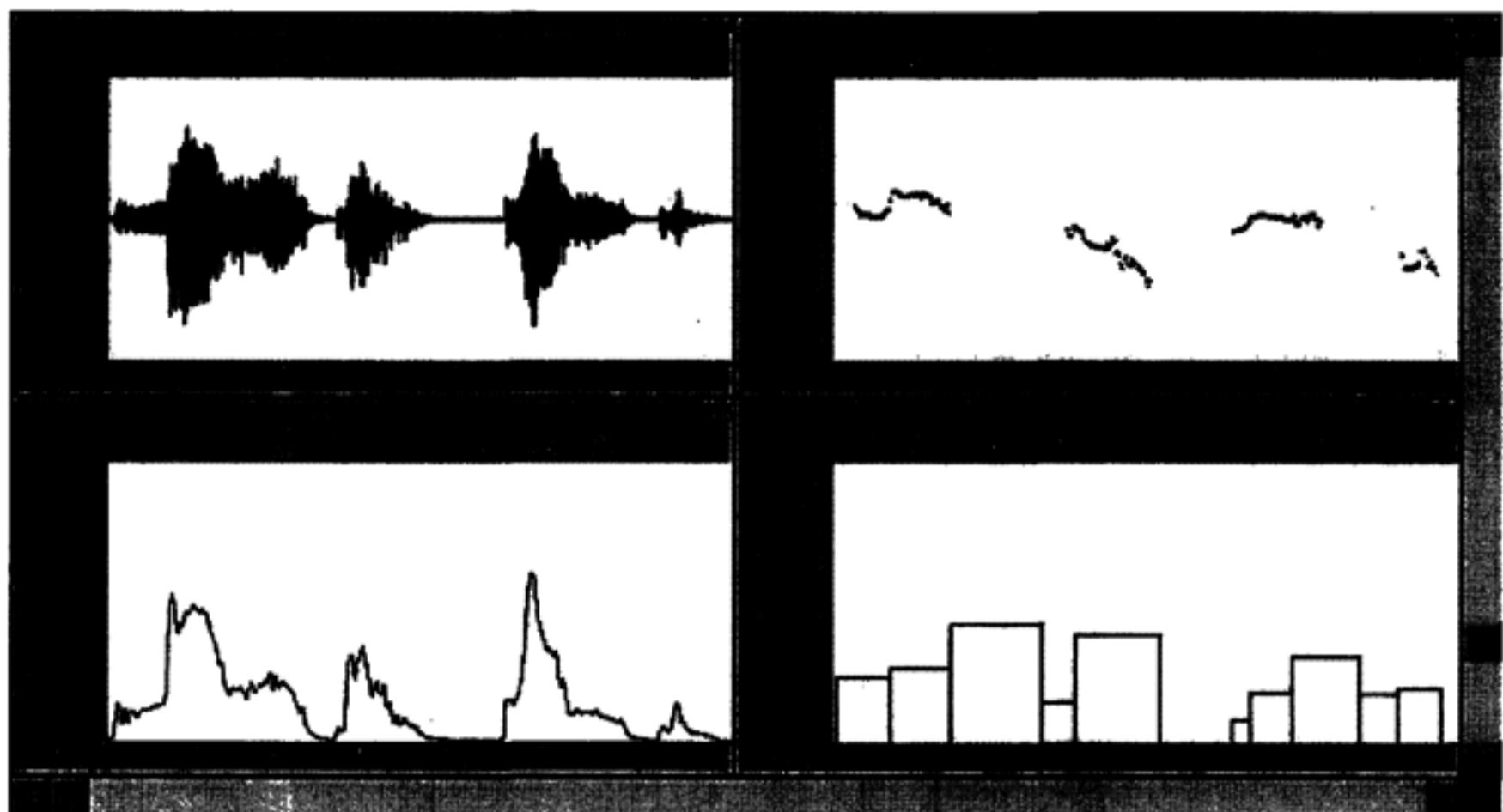

Рис. 4. Фонетическая реализация акцентов

чается исключительно в реализации ядра. При этом особенности фонетической реализации ядра у двусложных и трехсложных стоп под легким и тяжелым акцентом в целом совпадают⁵⁴. Третий слог трехсложной стопы, в ядро не входящий, всегда реализуется как редуцированный. Таким образом, при переходе от фонологического уровня к фонетическому третий слог стопы следует в норме синтезировать как редуцированный. И наоборот, при переходе от фонетического уровня к фонологическому, если мы видим последовательность из двусложного ядра любого типа и третьего слога, в котором отмечается количественная или качественная редукция гласного, то мы должны считать такую последовательность трехсложной стопой.

3.3.12. Однако в ижорском зафиксированы и такие трехсложные словоформы (с ядром начальной стопы разной сегментной структуры, но, по-видимому, только под легким акцентом), в которых в третьем слоге отмечена не редукция, а, наоборот, продление, часто сопровождающееся повышением тона к концу реализации продленного гласного. В этом случае третий слог считается просодически независимым от предшествующей стопы, т.е. составляющим отдельную односложную стопу. Приведем в пример произношение словоформы [’omènà] <яблоко.PRT.SG> носительницей сойкинского диалекта 1930 г. р. (рис. 6: шкала 0–300 Гц, рис. 7: деление вертикальной шкалы 10 мс):

Подобное продление гласного в последнем слоге трехсложных словоформ всегда морфологически обусловлено (см. 3.2.1) и не соответствует правилам расстановки автоматического ударения (которые начинают действовать в словоформах длиной более 3-х слогов). В данном случае постулируется маркирование односложной стопы в конце словоформы **акцентом**.

При решении вопроса о том, каким следует считать такой акцент, необходимо обратить внимание на имеющуюся в языке уникальную минимальную пару, словоформы которой противопоставлены типом просодического маркирования на односложной стопе в последнем слоге: грамматическая форма имени [’i̯kün.à-łt] <окно-ABL.SG> и наречие [’i̯kün’a-łt] <снаружи, с улицы>. В первом случае последний гласный является продлен-

⁵⁴ Точнее, совпадают количественные пропорции длительности сегментов. В абсолютных цифрах длительность сегментов в трехсложных стопах несколько меньше, чем в двусложных, в силу действия тенденции к изохронии стопы.

Рис. 5

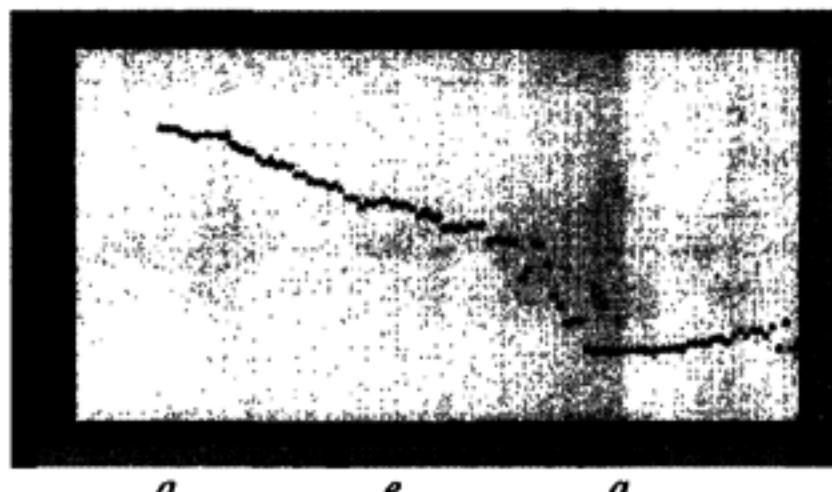

Рис. 6

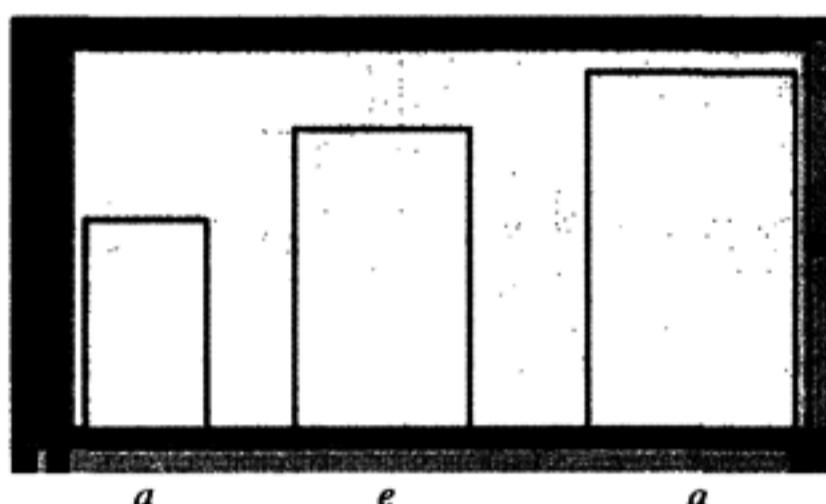

Рис. 7

ным и имеет довольно слабую степень ударности. Во втором случае последний гласный является кратким, но имеет степень ударности, аналогичную первому слогу, и таким образом словоформа реализует просодическую модель композита (диахронически последний слог представляет здесь остаток бывшего второго корня). Такая же картина наблюдается при сопоставлении других исконных лативных форм этого наречия с соответствующими грамматическими формами существительного ‘окно’: [’ikün.à-ł] *{окно-ADS.SG}* vs. [’ikün’a-ł ~ ’ikün’a-ł] *{на улице, снаружи}*; [’ikün.a-łe ~ ’ikün.n.a-łe] *{окно-ALL}* vs. [’ikün.a-łe] *{на улицу, наружу}*. Противопоставление просодической реализации словоформ последней пары изоморфно оппозиции 4-х сложных некомпозита и композита, рассмотренной в п. 3.3.4. По ряду соображений оказывается удобнее присыпывать формам наречия легкий акцент на последнем слоге: *’ikkun’alt*, *’ikkun’al*, *’ikkun’alle*, а формам ABL.SG и ADS.SG существительного – тяжелый: *’ikkun’alt*, *’ikkun’al* (форма ALL.SG остается в этом случае без акцента на второй стопе: *’ikkun’alle*). Такого рода «аномальный» в плане своего местоположения легкий акцент представлен и в ряде других случаев, например: *t’änär’ä(n)* ‘сегодня’, *’ühten’ä* ‘то и дело’ *’itse-st’ä* *{сам-EL}* ‘о себе’ (наряду с *’itse-st*) (на последнем слоге словоформы); *p(a)r’aika* ‘сейчас’ (на втором слоге словоформы).

3.3.13. Четырехсложные словоформы, как мы уже говорили, не могут составлять одну стопу и имеют два варианта ритмического членения: 2 + 2 слога или 3 + 1 слог (см. 3.2.2). Вопрос о том, маркирована ли вторая стопа в этом случае автоматическим ударением или акцентом, уже обсуждался выше применительно к варианту членения 2 + 2 слога в 4-сложных словоформах с первым кратким слогом (см. 3.3.4). На тех же функциональных и отчасти фонетических основаниях ударение (морфологически несвязанное) противопоставляется акценту (морфологически связанному) и при варианте членения 3 + 1 слог. Т. е. в словоформах, превышающих по длине 3 слога, возможно наличие в последнем слоге односложной стопы или ритмического ударения, или легкого акцента. Например, для 6-сложной словоформы *n’aise-l’ikkaha-le* *{жена-ADJ-ALL.SG}* ‘женатому’ зафиксировано 2 варианта ритмического членения:

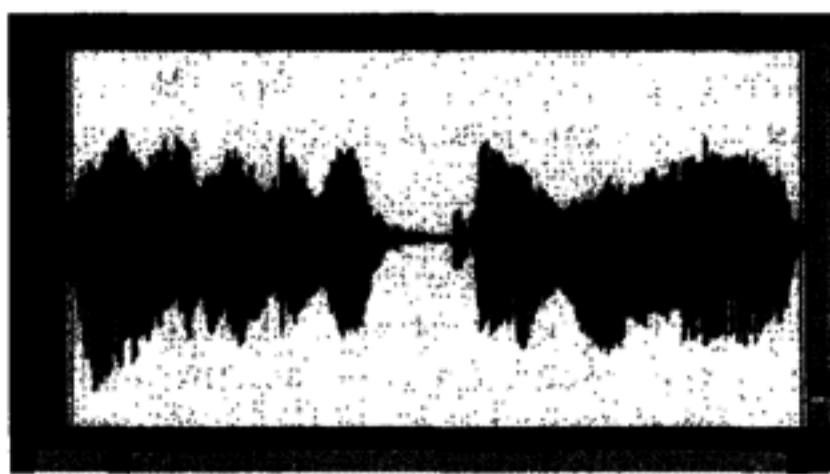

Рис. 8

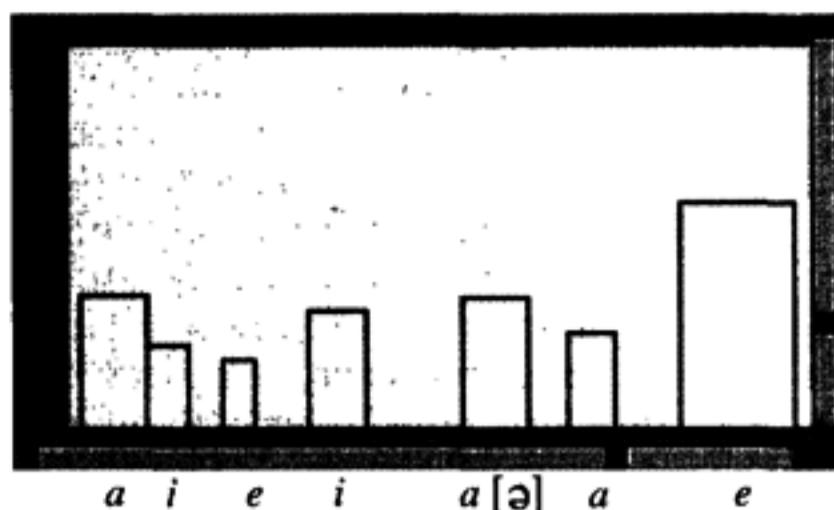

Рис. 9

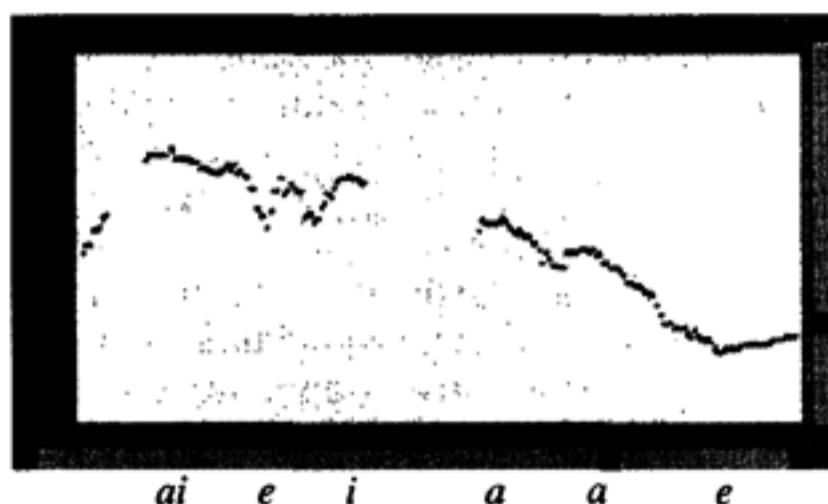

Рис. 10

[n'aižel.ikkähäl'è] и [n'aižel.ikkäh'ałe]⁵⁵ (при этом невозможен вариант *[n'aiželik.ahałe]). Возможность сдвигки ударения с последнего слога на предпоследний (выражающаяся прежде всего в изменении количественных характеристик сегментов и тонального контура словоформы) свидетельствует о том, что односложная стопа в этом случае маркирована не акцентом, а автоматическим ударением. Сдвигка ударения с 3-го слога невозможна. Таким образом, в данной словоформе только 1-й и 3-й слоги маркированы акцентами, при этом первый акцент имеет 2-сложный сегментный базис, а второй – 4-сложный. Приведем спектрограмму произношения этой словоформы в первом варианте ритмического членения в произношении носительницы сойкинского диалекта 1927 г. р. На рис. 9 представлена длительность гласных (вертикальная шкала, деление 20 мс), на рис. 10 – движение основного тона голоса (шкала 150–300 Гц).

Из сопоставления рис. 6, 7 с рис. 9, 10 видно, что фонетическая реализация ударения и акцента на односложной стопе в конце словоформы может окказионально полностью совпадать – в данном случае она выражается в продлении гласного последнего слога и некотором повышении тона к концу реализации этого гласного. Все же, особенно для 4–5-сложных, а не 6-сложных словоформ⁵⁶, фонетическая разница, как правило, имеет-

⁵⁵ В спонтанном интервью с информанткой 1927 г. р. было записано 12 произнесений этой формы и аналогичной ей по структуре формы мн. ч. *n'aise-l'ikkah-i-le* (жена-ADJ-PL-ALL) ‘женатым’.

⁵⁶ В 4–5-сложных словоформах, членящихся на 2 стопы и не реализующих просодическую модель композитов, вторая стопа имеет меньшую степень ударности, чем первая. Шестисложная словоформа членится на 3 стопы, при этом для ижорского, как и для близкородственного эстонского, характерно чередование степеней ударности: на нечетных стопах представлена более сильная первая степень, на четных – более слабая вторая (см. [Lehiste 1960]). Поэтому в 6-сложной словоформе на последней стопе будет представлена первая степень ударности, при которой фонетическая реализация ритмического ударения является в целом идентичной реализации морфологизованного акцента (как это видно и на рис. 8–10).

ся. Так, например, в словоформе типа *'opettaja* (учитель.NOM.SG) конечный гласный не подвергается редукции, но обычно и не является продленным: [obèttäj.a]. В словоформе *'opettaj'a* (учитель.PRT/ILL), где последний слог маркирован тяжелым акцентом, гласный, как правило, продлевается: [obèttäj.à].

3.3.14. Односложные слова тоже составляют односложную стопу в том случае, если не являются клитиками. Односложные коренные морфемы представляют собой односложную стопу в составе словоформы, причем не только в ее конце, но и в начале. Односложным словам и корням приписывается легкий акцент, например: *m'aa-t'uuli* (земля-ветер) ‘восточный ветер’ (букв. ‘ветер с берега’), *S'aksa-m'aa* (немецкий-земля) ‘Германия’. Подробно вопрос об односложных словах не изучался и инструментальные измерения в них не производились, однако следует отметить, что в односложных словоформах и корнях, представляющих из себя открытый слог, наблюдается колебание долготы гласного, которое во многом связано со степенью их ударности в том или ином индивидуальном произнесении. Так, наибольшее колебание долготы гласного в односложных словах зафиксировано для личных и указательных местоимений, которые выступают то как клитики, лишенные собственного ударения (и тогда гласный в них краткий), то как полноударные слова (тогда гласный продлевается), например [hä] ~ [hä] ~ [h'ä] ‘он’, [se] ~ [s.è] ~ [s'è] ‘этот’ и др.⁵⁷ В односложных формах имен (*m'aa* ‘земля’, *p'ii* ‘дерево’ и др.) и глаголов (*ei ð* ‘быть.NEG.3SG’) гласный обычно долгий, но такие слова не являются клитиками. Однако в составе композитов односложные корневые морфемы могут окказионально понижать степень своей ударности или полностью терять ударение, что сопровождается и сокращением долготы гласного. Например, *m'aa-m'unä* (земля-яйцо) ‘картофель’ может произноситься как [m'äm'unä] ~ [m.äm'unä] ~ [mäm'unä]. В односложных именах и глаголах такого типа гласный, по-видимому, следует считать фонологически долгим, потому что его долгота сохраняется и при присоединении различных показателей и изменении структуры слова, например *mä-ta* (земля-PRT), ð-*mä* ‘быть-PRS.1PL’. Для местоимений, по-видимому, возможно постулировать две формы с долгим и с кратким гласным: *hä* ~ *h'ää*, *se* ~ *s'ee* и др., поскольку их словоизменение не помогает ответить на вопрос о выборе фонологической интерпретации гласного.

3.4. Система акцентов дает возможность достаточно экономно и элегантно описывать словоизменительную морфонологию сойкинского диалекта. Она позволяет поставить разнородные чередования на сегментном уровне в зависимость от однородных чередований на супрасегментном уровне. Таким образом, она удовлетворяет критерию **удобства морфонологического описания**. Представим фрагменты парадигм ряда существительных (табл. 8):

Таблица 8

Примеры морфонологических чередований в именных основах

	‘рыба’	‘горшок’	‘собака’	‘забор’	‘амбар’	‘яблоко’	‘учитель’	‘муха’ ⁵⁸
NOM	<i>k'ala</i>	<i>p'ata</i>	<i>k'oira</i>	<i>'aita</i>	<i>'aitta</i>	<i>'omtēna</i>	<i>'opettaja</i>	<i>k'ärppäin</i>
GEN	<i>k'ala-n</i>	<i>p'aa-n</i>	<i>k'oira-n</i>	<i>'ajja-n</i>	<i>'aitta-n</i>	<i>'omtēna-n</i>	<i>'opettaja-n</i>	<i>k'ärppäise-n</i>
PRT	<i>k'alla</i>	<i>p'atta</i>	<i>k'oira</i>	<i>'aitta</i>	<i>'aitta</i>	<i>'omen'a</i>	<i>'opettaj'a</i>	<i>k'ärväjs-t</i>
ADS	<i>k'ala-l</i>	<i>p'aa-l</i>	<i>k'oira-l</i>	<i>a'jja-l</i>	<i>'aitta-l</i>	<i>'omen'a-l</i>	<i>'opettaj'a-l</i>	<i>k'ärpäis'e-l</i>

Примечание. Жирным шрифтом выделены стопы, маркированные тяжелым акцентом; все формы в сд. ч.

⁵⁷ Аналогичное просодическое колебание долготы характерно и для эстонского языка, причем не только в гласных, но и в согласных односложных слов, например в [on] ~ [oñ] <быть.PRS.3SG>.

⁵⁸ Приведем также фонетические реализации форм данного слога, поскольку они демонстрируют противопоставление акцентов в стопах, содержащих во втором слое дифтонг: [k'ägrpp.äi_n] – [k'ägrpp(i)žen] – [k'ärv.äi_st] – [k'ärbä(i)žcl].

Из таблицы видно, что в формах PRT.SG представленных двухсложных слов немаркированный легкий акцент меняется на тяжелый. При этом в зависимости от структуры слова, акцентное чередование может сопровождаться тем или иным чередованием слабых и сильных фонем на сегментном уровне (см. PRT.SG от *k'ala*, *p'ata*, *'aita*). Такое чередование фонем происходит во всех случаях, когда сегментная структура словоформы это позволяет. В тех случаях, когда чередование фонем невозможно (*k'oira*, *'aitta*), на фонетическом уровне, тем не менее, имеется «усиление» (продленис) фонемы, занимающей позицию В (см. также сноска 3). В формах GEN.SG, наоборот, в тех случаях, когда структура словоформы это позволяет, наблюдается «ослабление» основы (традиционно называемое в финно-угроведении «слабой ступенью» чередования), т. е. мена сильных фонем на слабые (в *'aitta*) и выпадение слабых фонем (в *p'ata*, *'aita*). Отметим, что в двусложных словоформах в косвенных падежах, несмотря на наличие тяжелого акцента, на сегментном уровне основа не «усиливается» (как в PRT.SG), а остается прежней (см. ADS от *k'ala*) или «ослабляется» (см. ADS.SG от *p'ata*, *'aita*, *'aitta*). Это объясняется тем, что «ослабление» (чередование ступеней) на сегментном уровне в основе слов подобного типа произошло раньше, чем развитие в них тяжелого акцента, связанное с редукцией падежного суффикса (см. 3.5.1). В трех- и четырехсложных именах акцентное чередование в формах косвенных падежей охватывает не всю основу, а только последний слог.

3.5.1. Синхронное описание рассмотренных просодических явлений через систему слоговых акцентов во многом подкрепляется динамикой развития сойкинского диалекта. Их возникновение связано с происходившими и происходящими до сих пор в ижорском и других прибалтийско-финских языках процессами перераспределения количества в стопах и фонетических словах, ослабления или усиления одних сегментов в связи с ослаблением или усилением других сегментов. В частности, рассмотренное выше усиление элемента в позиции В в формах PRT.SG и ILL.SG, приводящее в некоторых структурах (типа *k'ala*, *p'ata*, *'aita*, *'aitta*) к появлению на этом месте сильных согласных, связано с исконной долготой гласного во 2-м слоге стопы (ср. *kala-a (рыба-PRT.SG) > *k'alla*; *kala-han (рыба-ILL.SG) > *kalaha > *kalaa > *k'alla*). Возникновение просодического продления последнего гласного в формах группы OBL связано с редукцией соответствующих падежных суффиксов, а продление гласного, в свою очередь, способствовало развитию усиления элемента в позиции В в двусложных словоформах такого типа (ср. *koira-IIa (собака-ALL.SG) > *koira-II > *[*koi̯rà-ł*] > *[*koi̯rà-ł*] *k'oira-l*). Развитие тяжелого акцента (и соответственно интервокального сильного согласного в ядре стопы) в трехсложных словоформах, имевших структуру (С)VCVCV, по-видимому, каким-то образом связано с наличием просодического продления гласного 2-го слога: *omena [omèna] > *[o̯mèna] > 'отмена [o̯mènä]. Отметим, что в формах типа *k'alla* продленные гласные 2-го слога стопы возникли из исконно долгих, а в формах типа *k'oira-l* и 'отмена – из исконно кратких. Синхронное описание через слоговые акценты подчеркивает наличие связи между просодическими характеристиками элементов стопы, обнаруживающееся в динамике развития языка.

3.5.2. Кроме того, описание через систему слоговых акцентов отражает переходность состояния языка. Как мы уже говорили, по крайней мере, последние несколько десятков лет в сойкинском диалекте действует сильная редукционная тенденция. Помимо всего прочего, она вызывает развитие качественной редукции гласных, которая проявляется некоторыми информантами и не проявляется другими, проявляется то этимологически «правильно», то «неправильно». Если предположить, что развитие сойкинского диалекта продолжалось бы еще несколько десятков лет в русле тех же тенденций, возможно, все продленные гласные в неначальных слогах словоформ стали бы краткими, из кратких *a* и *ä* сформировалась бы фонема |ə|, при этом развилась бы фонологическая корреляция согласных по твердости / мягкости (см. 3.3.6). Тогда не исключалось бы появление возможности убедительно описать фонологически значимые контрасты на сегментном уровне, и описание через акценты, возможно, стало бы избыточным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бичелдей 1980 – *К.А. Бичелдей*. Фарингализованные гласные в тувинском языке // Звуковой строй сибирских языков. Новосибирск, 1980.
- Вернер 1966 – *Г.К. Вернер*. Звуковая система сымского диалекта кетского языка: Автoreф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1966.
- Вернер 1974 – *Г.К. Вернер*. Кетская акцентология: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1974.
- Вернер 1979 – *Г.К. Вернер*. Происхождение фарингализации в тувинском и тофаларском языках // Советская тюркология. 1972. № 5.
- Вийтсо 1979 – *Т.-Р. Вийтсо*. Проблемы ударения в эстонском языке // СФУ. XV. 3. 1979.
- Выдрин 2001 – *В.Ф. Выдрин*. Языки манде и теория языков слогового строя // VI Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (25–28 сентября 2001 г.): Материалы и тезисы докл. СПб., 2001.
- Выдрин 2002 – *В.Ф. Выдрин*. Гуро: язык в процессе расщепления тонов // Языкоzнание в теории и эксперименте. М., 2002.
- Выдрин 2008 – *В.Ф. Выдрин*. Метрическая стопа в языках манде // Фонетика и нефонетика. М., 2008.
- Даугавет 2003 – *А.Д. Даугавет*. «Слоговые интонации» в диалектах латышского языка: проблемы фонологической интерпретации: Дипломная работа (СПбГУ). СПб., 2003.
- Даугавет 2008 – *А.Д. Даугавет*. Слоговая долгота в латышском и литовском языках в сопоставлении с эстонским и ливским: Дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2008.
- Дыбо 2000 – *В.А. Дыбо*. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Зализняк 1985 – *А.А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Иванов Вяч. 1975 – *Вяч. Вс. Иванов*. К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонемами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.
- Исследования 1988 – Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск, 1988.
- Касевич 1983 – *В.Б. Касевич*. Фонологические проблемы общего и восточного языкоzнания. М., 1983.
- Касевич и др. 1990 – *В.Б. Касевич, Е.М. Шабельникова, В.В. Рыбин*. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., 1990.
- Кодзасов 2002 – *С.В. Кодзасов*. Типология просодии слова и данные дагестанских языков // Языкоzнание в теории и эксперименте. М., 2002.
- Кодзасов, Кривнова 2001 – *С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова*. Общая фонетика. М., 2001.
- Кривнова, Андреева 2007 – *О.Ф. Кривнова, А. М. Андреева*. Ларингализация и ее функции в речи // Проблемы фонетики. В. М., 2007.
- Кузнецова 2005 – *Н.В. Кузнецова*. Сравнительно-типологический анализ фонологических систем эстонского и русского языка: Дипломная работа (СПбГУ). СПб., 2005.
- Кулешов 2008 – *В.С. Кулешов*. Акцентологическая система ливского языка // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика. Pars IV. Йошкар-Ола, 2008.
- Лаанест 1966 – *А. Лаанест*. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллинн, 1966.
- Поливанов 1928 – *Е.Д. Поливанов*. Введение в языкоzнание для востоковедных вузов. Л., 1928.
- Старостин 2007 (1976) – *С.А. Старостин*. Предварительная типологическая классификация тональных систем дагестанских языков // С.А. Старостин. Труды по языкоzнанию. М., 2007.
- Трубецкой 2000 (1939) – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 2000 (1939).

- Хелимский 1977 – *E.A. Хелимский*. Тональные оппозиции в уральских языках // NyK. 79. 1977.
- Хинт 1971 – *M. Хинт*. Основные фонологические и морфонологические проблемы акцентуационной системы эстонского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллинн, 1971.
- Якобсон 1985 – *P.O. Якобсон*. О теории фонологических союзов между языками // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Ābele 1929 – *A. Ābele*. Dundagas izloksnes intonācijas // Filologu biedrības raksti. IX. 1929.
- Ariste 1960 – *P. Ariste*. Isuri keelenäiteid // Keele ja kirjanduse instituudi uurimused. V. 1960.
- Ariste 1968 – *P. Ariste*. A grammar of the Votic language. Bloomington; The Hague, 1968.
- Bruce 1977 – *G. Bruce*. Swedish word accents in sentence perspective. Lund, 1977.
- Bruce 1983 – *G. Bruce*. Accentuation and timing in Swedish // Folia linguistica. XVII. 1–2. 1983.
- Bruce 1987 – *G. Bruce*. How floating is focal accent? // K. Gregersen, H. Basbøll (eds.). Nordic prosody. IV. Odense, 1987.
- Chen 2000 – *M.Y. Chen*. Tone sandhi: patterns across Chinese dialects. Cambridge, 2000.
- Eek 1971a – *A. Eek*. Articulation of the Estonian sonorant consonants. III. Palatalized [n] and [m] // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. 20. 2. 1971.
- Eek 1971b – *A. Eek*. Articulation of the Estonian sonorant consonants. V. [ŋ] // СФУ. 4. 1971.
- Eek 2008 – *A. Eek*. Eesti keele foneetika. I. Tallinn, 2008.
- Eek, Help 1986 – *A. Eek, T. Help*. Rütminihked eesti keele kujunemisloos. Tallinn, 1986.
- Eek, Meister 1997 – *A. Eek, E. Meister*. Simple perception experiments on Estonian word prosody: foot structure vs. segmental quantity // Estonian prosody. 1997.
- Eek, Meister 2003–2004 – *A. Eek, E. Meister*. Foneetilisi katseid ja arutlusi kvantiteedi alalt // Keel ja kirjandus. 2003. 11–12; 2004. 4–5.
- Ekblom 1933 – *R. Ekblom*. Die Lettischen Akzentarten. Uppsala, 1933.
- Endzelin 1899 – *J. Endzelin*. Über den lettischen Silbenakzent // Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. XXV. Göttingen, 1899.
- Estonian language 2003 – Estonian language. Linguistica Uralica. Supplementary series. 1. Tallinn, 2003.
- Estonian prosody 1997 – Estonian prosody: papers from a symposium. Proceedings of the International symposium on Estonian prosody, Tallinn, Estonia, October 29–30, 1996. Tallinn, 1997.
- Fischer-Jørgensen 1989 – *E. Fischer-Jørgensen*. Phonetic analysis of the stød in standard Danish // Phonetica. 46. 1989.
- Girdenis 2003 – *A. Girdenis*. Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai. Vilnius, 2003.
- Gussenhoven 2004 – *C. Gussenhoven*. The phonology of tone and intonation. Cambridge, 2004.
- Harms 1960 – *R.T. Harms*. A descriptive grammar of Estonian. Dissertation. Chicago, 1960.
- Hint 1973 – *M. Hint*. Eesti keele sõnafonoloogia I. Rõhusüsteemifonoloogia ja morfonoloogia põhiprobleemid. Tallinn, 1973.
- Hulst, Smith 1988 – *H. van der Hulst, N. Smith* (eds.). Autosegmental studies on pitch accent. Dordrecht; Providence, 1988.
- Hulst 1999 – *H. van der Hulst* (ed.). Word prosodic systems in the languages of Europe. Berlin; New York, 1999.
- Hyman 2006 – *L. Hyman*. Word-prosodic typology // Phonology. 23. Cambridge, 2006.
- Hyman 2007 – *L. Hyman*. How (not) to do phonological typology: The case of pitch-accent // UC Berkley phonology lab annual report (2007) (http://linguistics.berkeley.edu/phonlab/annual_report/documents/2007/Hyman_Pitch-Accent.pdf).
- Itkonen etc. 1971 – *E. Itkonen, T. Itkonen, M. Korhonen, P. Sammallahti*. Lapin murteiden fonologiaa. Castrenianumin toimetteita. 1. Helsinki, 1971.

- Jun etc. 2005 – *J. Jun, J. Kim, H. Lee, S.-A. Jun.* The prosodic structure and pitch accent of Northern Kyungsang Korean // Journal of East Asian linguistics. 15. 4. 2005.
- Kancāns 1937 – *V. Kancāns.* Kaldabruniešu izloksne // Filologu biedrības raksti. XVII. 1937.
- Kettunen 1925 – *L. Kettunen.* Untersuchung über die livischen Sprache I. Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. B VIII₂₃. Tartu, 1925.
- Kristoffersen 2003 – *G. Kristoffersen.* The tone-bearing unit in Swedish and Norwegian tonology // H.G. Jacobsen, D. Bleses, Th.O. Madsen, P. Thomsen (eds.). Take Danish – for instance. Odense, 2003.
- Kuznetsova 2007 – *N. Kuznetsova.* Le status fonctionnel du pied phonologique en gouro // Mandenkan. 43. 2007.
- Lehiste 1960 – *I. Lehiste.* Segmental and syllabic quantity in Estonian // American studies in uralic linguistics. Bloomington, 1960.
- Lehiste 1970 – *I. Lehiste.* Suprasegmentals. Cambridge (Mass.); London, 1970.
- Lehiste 1977 – *I. Lehiste.* Isochrony reconsidered // Journal of phonetics. 5. 3. 1977.
- Lehiste, Ivić 1986 – *I. Lehiste, P. Ivić.* Word and sentence prosody in SerboCroatian. Cambridge (Mass.), 1986.
- Lehiste etc. 2008 – *I. Lehiste, P. Teras, V. Ernštreits, P. Lippus, K. Pajusalu, T. Tuisk, T.R. Viitso.* Livonian prosody // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 255. Helsinki, 2008.
- Liiv 1961 – *G. Liiv.* Eesti keele kolme vältusastmevokaalide kestus ja meloodiatüübidi // Keel ja Kirjandus. 7–8. 1961.
- LU 2007 – Linguistica uralica. XLIII. 1.
- Markusa 1993 – *D. Markusa.* Zilbes intonācija latviešu valodas skaņu mācībā. Rīga, 1993.
- McRobbie-Utasi 1999 – *Z. McRobbie-Utasi.* Quantity in the Skolt (Lappish) Saami language: An acoustic analysis. Bloomington, Indiana, 1999.
- Nirvi 1971 – *R. Nirvi.* Inkeroismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.
- Pajusalu 2008 – *K. Pajusalu.* Eesti fonologia teisenemised keeles ja kirjanduses // Keel ja kirjandus. 1–2. 2008.
- Pakerys 1995 – *A. Pakerys.* Lietuvių bendrines kalbos fonetika. Vilnius, 1995.
- Porkka 1885 – *V. Porkka.* Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Posti 1948–1950 – *L. Posti.* On quantity in Estonian // Journal de la Société finno-ougrienne. 14. 1948–1950.
- Riad 1996 – *T. Riad.* Remarks on the Scandinavian tone accent typology // Nordlyd. 24. 1996.
- Riber Petersen 1973 – *P. Riber Petersen.* An instrumental investigation of the Danish stød // Annual report of the Institute of phonetics, University of Copenhagen. 7. 1973.
- Saami 2007 – *I. Toivonen, D. Nelson* (eds.). Saami linguistics. Current issues in linguistic theory. 288. Amsterdam; New York. 2007.
- Sammallahti 1998 – *P. Sammallahti.* The Saami languages: an introduction. Kárášjohka, 1998.
- Selkirk 1981 – *E.O. Selkirk.* English compounding and the theory of word-structure // M. Moortgat, H. van der Hulst, T. Hoestra (eds.). The scope of lexical rules. Foris, Dordrecht, 1981.
- Sovijärvi 1944 – *A. Sovijärvi.* Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta. Helsinki, 1944.
- Tauli 1973 – *V. Tauli.* Quantity and accent in Estonian / Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Erkki Itkonen // Mémoires de la Société finno-ougrienne. 190. Helsinki, 1973.
- Vajda 2000 – *E.J. Vajda.* Ket prosodic phonology. Languages of the world. 15. München, 2000.
- Viitso 1962 – *T.-R. Viitso.* Tüvelisest astmevaheldusest (criti eesti keeles) // Emakeele Seltsi Aastaraamat. VII. Tallinn, 1962.

- Viitso 1974 – T.-R. Viitso. On the phonological role of stress, quantity, and stød in Livonian // СФУ. 10. 3. 1974.
- Viitso 1975 – T.-R. Viitso. Outlines of Livonian phonology // Symposium Phonologische Analyse der uralischen Sprachen Berlin 17.–20. September 1974. Linguistische Studien. Reihe A. Arbeitsberichte 22. Berlin, 1975.
- Viitso 2008 – T.-R. Viitso. Liivi keel ja läänemeresoome keelemaastikud. Tartu; Tallinn, 2008.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL – ablativ	ILL – illlativ
ADJ – прилагательное	INS – инессив
ADS – адессив	NEG – отрицание
AG – агенс	NOM – номинатив
ALL – аллатив	OBL – косвенные падежи
CAUS – каузатив	PL – множественное число
CMP – компаратив	PRS – непрошедшее время
EL – элатив	PRT – партитив
ESS – эссив	SG – единственное число
GEN – генитив	

© 2009 г. Н.Р. ДОБРУШИНА

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЗОНА ОПТАТИВА В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ*

Оптатив – это грамматическая категория глагола, которая служит для выражения желания говорящего. В некоторых языках она выражается с помощью особых, предназначенных только для этого наклонений. Наличие в языке специализированного оптатива – ареальная черта Кавказа, что является следствием особенности местных культур: пожелания добра входят в повседневный этикет многих кавказских народов, пожелания зла – типичная формула оскорблений. В статье анализируются способы выражения оптатива и смежных с ним значений в 16 языках Восточного Кавказа (языки нахско-дагестанской семьи и тюркские языки Дагестана). Утверждается, что существует два семантических типа оптатива, имеющих разные способы выражения. Первый, перформативный оптатив (наиболее характерный для языков Дагестана) выражает благословения или проклятия, то есть пожелания добра или зла, адресованные собеседнику, 3-му лицу или самому говорящему. Второй, дезидеративный оптатив, служит для выражения желания или мечты говорящего. В некоторых языках (например, в кумыкском и в чеченском) существуют отдельные формы для выражения обоих оптативов.

1. ВВЕДЕНИЕ

Оптатив – это морфологическая категория глагола, выражающая желание говорящего [Bybee et al. 1994: 179; Плунгян 2000: 317].

В большинстве языков имеется некоторый регулярный способ выразить это значение, однако лишь в некоторых для этого есть особый показатель. Примеры (1) и (2) иллюстрируют морфологический и неморфологический способы выразить желание говорящего.

(1) карачаево-балкарский (турецкий) (полевые записи автора)

suek sauluq-lu bol-ip, bir zaman-da aurgi-ta-күп
кость здоровый-ATR быть-CVB.PFV один время-и болеть-NEG-P.OPT

‘Будь здоров, никогда не болей’. (‘Пусть ты будешь здоровым и никогда не болеешь!’)

(2) английский (германский)

May he rest in peace!

‘Да покоятся он с миром!'

Проведенное нами исследование нескольких языков Восточного Кавказа показало, что зона оптатива неоднородна не только с формальной, но и с семантической точки зрения. Засвидетельствовано по крайней мере два разных семантических типа оптатива.

Первый тип выражает благословения или проклятия, то есть пожелания добра или зла, адресованные собеседнику, 3-му лицу или самому говорящему. В европейских

* Данное исследование поддержано Научным фондом Государственного университета – Высшая школа экономики, грант №. 07-01-132.

языках эти значения нередко выражаются устойчивыми конструкциями, в которых используются особые, часто архаичные, непродуктивные модели. Например, в германских языках для этой цели может служить устаревшая форма конъюнктива (3), в русском языке имеется ряд устойчивых формул (4, 5).

- (3) норвежский (германский) [Стеблин-Каменский 1957: 129]

Leve fedrelandet!

‘Да здравствует отчизна!’

русский (славянский)

- (4) *Разрази меня гром!*

- (5) *Чтоб тебе пусто было!*

Европейские формулы благословений и проклятий идиоматичны, ограничены узким кругом ситуаций и выражаются посредством непродуктивных форм¹.

Иначе обстоит дело в кавказских языках. Пожелания добра и зла – неотъемлемая часть кавказского этикета. Житель дагестанского аула едва ли может пройти мимо работающего в поле односельчанина, не пожелав ему удачной работы. Пожелание удачи является обязательным во многих жизненных ситуациях, пожелание зла – типичной формулой оскорблений (см. об этом, например [Магомедсалихов 2008]).

В большинстве кавказских языков для выражения этого важного типа социальных отношений имеются особые грамматические формы.

Наклонение, предназначенное для выражения пожеланий добра и зла адресату, третьему лицу или (реже) себе, мы предлагаем называть **перформативным оптативом**². Перформативный оптатив – это широко распространенная и частотная морфологическая категория кавказских языков. На наш взгляд, перформативные оптативы являются не столько генетической, сколько ареальной чертой кавказских языков, поскольку эти формы типичны для кавказских языков разных семей. Ниже приведены примеры перформативного оптатива из багвалинского языка (нахско-дагестанская семья) (6), из абхазского (абхазо-адыгская семья) (7) и из кумыкского языка (турецкая семья) (8).

- (6) багвалинский [Добрушина 2001а: 327]

bisdi žižaħ-i-ħ c'aj-ħa-ni c'ahi-la!
вы ад-OBL-GEN огонь-LOG-IN гореть.IMP-P.OPT
‘Чтоб вы сгорели в аду!’

- (7) абхазский [Hewitt 1979: 198]

bzia ny-ba-aait!
хороший ты-видеть-P.OPT
‘Удачи!’ (букв. ‘Пусть ты видишь хорошее!’)

- (8) кумыкский (Т.И. Гаджиахмедов)

sen sūjip-gur
ты быть.счастливым-P.OPT
‘Будь счастлив!’

Оптатив второго семантического типа выражает желание или мечту говорящего и не используется для обозначения благословений и проклятий. Семантическое различие между разными типами выражения желания было отмечено Анной

¹ Однако, по свидетельству [Matisoff 1979], пожелания добра и зла являются чрезвычайно распространенным коммуникативным актом в культуре говорящих на идиш.

² Ранее автором предлагался другой термин для обозначения этой грамматической категории – фактитивный оптатив (см. [Добрушина 2001а]). Термины, введенные в этой статье, предложены Жилем Отье.

Вежбицкой: «Основное различие между благословением и проклятием, с одной стороны, и выражением желания (*wishing*), с другой, состоит в признании могущества слов в первом случае и их бессилия во втором» [Wierzbicka 1972: 143]. Европейские языки обычно используют для выражения этих смыслов разного рода ирреальные наклонения (кондиционалис, субъюнктив, конъюнктив и т. д.):

(9) английский

If only life were lived in reverse.

‘Прожить бы жизнь сначала’.

(10) русский

Вот бы пожить в таком доме!

Наши исследования показывают, что этот тип оптатива значительно реже выражается с помощью специализированного наклонения. Тем не менее, в некоторых кавказских языках есть особые формы для этого значения. Эту категорию мы будем называть дезидеративным оптативом. В карачаево-балкарском, кумыкском, абхазском, абазинском, адыгейском, кабардинском, ингушском, чеченском языках имеются как минимум две оптативные категории: одна – для выражения желаний и мечтаний (дезидеративный оптатив), другая – для выражения благословений и проклятий (перформативный оптатив).

два морфологических оптатива

карачаево-балкарский (полевые записи автора):

(11) перформативный оптатив

axyrat-xa   ket-xin

иной.мир-DAT   идти-P.OPT

‘Чтобы ты сдох!’ (букв. ‘уйди в другой мир’)

(12) дезидеративный оптатив

ders   terkiraq   bošal-va   e-di

урок   скоро   кончаться-D.OPT   AUX-PST

‘Вот бы урок поскорее кончился!’

абхазский (Даур Зантария; [Hewitt 1979: 198])

(13) перформативный оптатив

sy-ps-aait'

I-die-P.OPT

‘Пусть я умру!’

(14) дезидеративный оптатив

b-ara   pšʷzala   sy-zha-nda

F-ты   красивый   2.F-расти-D.OPT

‘Хоть бы ты выросла красавицей!’

Оптатив не был предметом детальных исследований ни в российской, ни в западной лингвистике. Пожалуй, единственный язык, которому повезло с исследованиями оптатива, – это древнегреческий (см., например [Wilmott 2007]). В теоретических исследованиях, посвященных наклонениям, как правило, не делается различия между указанными выше семантическими оттенками – см. [Бондарко и др. 1990; Palmer 2001: 204–207, 216–217; Timberlake 2007: 315–330]. Между тем детальное эмпирическое исследование показывает, что перформативный и дезидеративный оптативы могут оба

получать морфологическое выражение, причем в рамках одного языка. Эти наклонения имеют разные формальные и семантические свойства и, по-видимому, не совмещаются в одной форме.

В настоящей статье будет предложен обзор морфологических форм и специализированных конструкций, выражающих оптативные значения в ряде языков Восточного Кавказа. Выбор языков для анализа определялся несколькими соображениями. Нашей задачей была проверка как генетических, так и ареальных тенденций в распространении оптативных форм. По этой причине наряду с собственно дагестанскими языками (родственными генетически и распространенными в Дагестане) рассматривался, с одной стороны, принадлежащий к другой языковой семье кумыкский язык (турецкий язык Дагестана), а с другой – языки нахско-дагестанской семьи, расположенные вне Дагестана (чеченский, крызский, ахвахский). Кроме того, существенным фактором попадания языка в нашу выборку была доступность материалов по этому языку.

Оптатив семантически и нередко формально родствен императиву, в частности юссиву³ (см. об этом [Dobrushina, Auwera, Goussev 2005]). Значительное пересечение оптативных и юссивных функций характерно для большинства языков Дагестана; по этой причине мы будем рассматривать средства обозначения юссива наряду с оптативными.

В разделе 2 детально описана оптативная зона в трех языках Дагестана: хваршинском, кумыкском и арчинском. Хваршинский (цезский язык нахско-дагестанской семьи) имеет модель распределения оптативных и юссивных значений, наиболее характерную для языков Дагестана: в нем есть морфологический перформативный оптатив, использующийся применительно ко всем трем лицам. В третьем лице эта форма выражает также значение юссива (2.1). Кумыкский (турецкий язык Дагестана) имеет два оптативных наклонения. Первый (дезидеративный оптатив) обслуживает все лица, в то время как второй (перформативный оптатив) используется только во 2-м лице. Кумыкские оптативы не выражают юссивного значения (для этого в кумыкском есть отдельная форма) (2.2). Арчинский (лезгинский язык нахско-дагестанской семьи) ведет себя нетипично для Кавказа: в нем нет специализированного морфологического оптатива. Тем не менее, в этом языке есть особая, очень продуктивная модель для выражения благословений и проклятий (2.3).

В разделе 3 уточняется терминология, которую мы предлагаем использовать для обозначения всего ряда желательных форм языков Дагестана, исходя из данных кумыкского, хваршинского и арчинского языков.

В разделе 4 предложен обзор оптативной зоны в других нахско-дагестанских языках.

2. ХВАРШИНСКИЙ, КУМЫКСКИЙ И АРЧИНСКИЙ

2.1. Хваршинский⁴

Хваршинский – это бесписьменный язык цезской группы нахско-дагестанской семьи (около 3000 носителей этого языка проживают в западном Дагестане). Хваршинский язык имеет очень характерную для дагестанских языков модель распределения значений оптативной зоны. Аналогичные модели мы находим в аварском, агульском, ахвахском, багвалинском, бежтинском, годоберинском, лезгинском и в других языках.

В этом языке имеется форма с показателем *-olo*, которая используется в двух функциях.

³ В современной лингвистике используются разные названия для категорий, выражающих побуждения не второго лица. Так, в известной монографии по типологии императива [Храковский 1992] приняты термины «императив 1-го лица», «императив 3-го лица». В настоящей работе мы будем использовать термин «юссив» для обозначения косвенного побуждения по отношению к 3-му лицу (ср. ‘Пусть уходит!’).

⁴ Данные по хваршинскому языку любезно предоставлены Заирой Халиловой.

► С субъектом 1-го, 2-го и 3-го лиц – как перформативный оптатив, то есть выражает пожелание добра или зла.

(15) благословения / проклятия в 1-м лице

j-iħ-oħo   *do, heresi is-se*   *b-us-ħo*
2-умирать-Р.ОРТ я ложь говорить-PRS 3-находить-COND
‘Чтоб я сдох, если говорю неправду!'

(16) благословения / проклятия во 2-м лице

žižah-ma-l b-ek'ħ-oħo   *tiżo*
ад-IN-LAT НПЛ-падать-Р.ОРТ вы
‘Идите к черту!’ (букв. ‘В ад упадите’)

(17) благословения / проклятия в 3-м лице

ruħ iman-L'a b-eħ-in b-us-oħo
душа вера-SUP 3-брать-CVB 3-находить-Р.ОРТ
‘Да попадет он в рай!’ (букв. «пусть его душа окажется взятой в вере», т.е. «пусть человек умрет в вере»)

► Только в 3-м лице – в качестве юссива (косвенного императива). Эта форма является основным средством для обозначения косвенного побуждения.

(18) косвенное побуждение

pat'imat-i j-iħ-oħo bataħi
Патимат-ERG 5-делать-Р.ОРТ хлеб
‘Пусть Патимат испечет хлеб’.

Форма на *-oħo* не используется для выражения побуждения к адресату (в этой функции выступает другая форма – императив 2-го лица). Таким образом, по отношению к 1-му и 2-му лицам анализируемая форма используется только как оптатив, а в 3-м лице совмещает функции оптатива и юссива.

Такое распределение значений очень типично для дагестанских языков⁵. Объяснение этой модели было предложено в [Добрушина 2001б]. Основное различие между императивом и оптативом – низкая контролируемость ситуации, характерная для оптатива. «И императив, и оптатив выражают желание говорящего. Реализация ситуации, о которой сообщается с помощью оптатива, лежит вне сферы влияния говорящего... Между тем с помощью императива говорящий призывает слушающего реализовать желание» [Dobrushina, Auwera, Goussev 2005]. При этом юссив выделяется из других императивных форм тем, что, адресуя побуждение к 3-му лицу, говорящий не имеет возможности контролировать ситуацию, поскольку адресат побуждения находится вне коммуникативной ситуации. Степень контроля над ситуацией при побуждении 2-го лица (слушавшего) значительно выше.

Таким образом, юссив сближается с оптативом в том отношении, что для обеих категорий характерно отсутствие контроля; этим семантическим компонентом могут быть объяснены частые пересечения между этими двумя грамматиками. Однако же существует немало языков, в которых эти значения различны и выражаются разными наклонениями (см. ниже случаи кумыкского и арчинского).

В хваршинском языке, как и во многих других, имеются средства для выражения собственно желания говорящего, его мечтаний – то есть дезидеративного оптатива.

⁵ Комбинация перформативного оптатива 1/2/3 лиц с косвенным побуждением в 3-м лице в одной морфологической форме обнаружена и вне кавказского ареала: в тибето-бирманских языках лимбу [van Driem 1987], думи [van Driem 1993], кулунг [Tolsma 1999], хайу [Michailovsky 1988], в дравидийском языке каннада [Sridhar 1989], в леалао-чинантек (отомангский) [Rupp 1989].

Однако, как и в большинстве дагестанских языков, в хваршинском отсутствует особая морфологическая форма, которая выражала бы это значение. «Бесцельное» желание обозначается средствами других наклонений, чаще всего – кондиционалом (наклонение, которое маркирует протазис условных конструкций).

(19) выражение желания говорящего с помощью кондиционала

<i>haq'u</i>	<i>čago</i>	<i>b-eč-fo!</i>	
родители	живой	HPL-быть-COND	

‘Хоть бы мои родители были еще живы!’ (в настоящий момент их уже нет на свете)

(20) кондиционал в протазисе УК

<i>haq'u</i>	<i>čago</i>	<i>b-eč-fo,</i>	<i>izze</i>	<i>dil</i>
родители	живой	HPL-быть-COND	они.ERG	я.LAT
<i>kumak</i>	<i>b-ij-a</i>	<i>b-eč-i</i>		
помощь	3-делать-INF	3-быть-PST.W		

‘Если бы мои родители были живы, они бы помогли мне’.

Оптивная зона хваршинского языка отражена в таблице 1.

Таблица 1

Зона оптатива / юссива в хваршинском языке⁶

	побуждение	благословения и проклятия	желание
1 лицо		перформативный оптатив на <i>-oLo</i>	кондиционал (форма протазиса УК)
2 лицо		перформативный оптатив на <i>-oLo</i>	кондиционал (форма протазиса УК)
3 лицо	перформативный оптатив на <i>-oLo</i>	перформативный оптатив на <i>-oLo</i>	кондиционал (форма протазиса УК)

2.2. Кумыкский

Кумыкский язык – это тюркский язык Дагестана. Его императивно-оптивная система схожа с той, которая засвидетельствована в других тюркских языках, однако для нее характерны и некоторые ареальные черты дагестанских языков.

Как большинство дагестанских языков, кумыкский имеет специализированную форму для выражения пожеланий добра и зла (перформативный оптатив). Как некоторые тюркские языки, кумыкский имеет также особое наклонение, обозначающее желания / мечтания говорящего (дезидеративный оптатив). Как в большинстве тюркских языков, в кумыкском есть особая форма для выражения юссива.

Кумыкский перформативный оптатив имеет маркер *-үүр/-үүп* (распределение этих суффиксов на данный момент неясно) и используется только по отношению ко 2-му лицу.

⁶ В этой и в следующей таблицах приводятся только средства выражения оптативов и юссива. Сведения об императиве 1-го или 2-го лиц приводятся лишь в том случае, если основным средством выражения этих грамматических значений является оптатив или юссив. Таким образом, пустая клетка не означает отсутствия в языке морфологической формы для выражения данного значения: для этой цели может служить императив или иная форма, находящаяся вне зоны интересов этой статьи.

перформативный оптатив, 2-е лицо

- (21) *tüz-el-mej qal-yyug*
строить-PASS-NEG оставаться-P.OPT

‘Пусть ты навсегда останешься в жизни неустроенным’. (А.М. Султанмурадов)

- (22) *sen süjun-gur*

ты быть.счастливым-P.OPT

‘Будь счастлив!’ (Т.И. Гаджиахмедов)

Кумыкский оптатив представляет собой аналитическую конструкцию, которая состоит из так называемого причастия на *-yaj* и связи прошедшего времени *edi*. Причастие на *-yaj* не имеет других использований. Употребление этой формы описано в [Гаджиахмедов 2000].

- (23) дезидеративный оптатив, 1-е лицо

- men institut-ya tüs-gej e-di-m*
я институт-DAT входить-D.OPT AUX-PST-1SG
‘Вот бы я поступил в институт!’

- (24) дезидеративный оптатив, 2-е лицо

- sen o-ni al-yaj e-di-ŋ*
ты тот-ACC брать-OPT AUX-PST-2SG
‘Взял бы ты его с собой’.

- (25) дезидеративный оптатив, 3-е лицо

- tez jaz bol-yaj e-di*
скоро лето быть-OPT AUX-PST
‘Вот бы лето поскорее наступило!’

Кумыкские оптативы не выражают побудительных значений: они не используются для каузации адресата или 3-го лица. Для выражения этих значений кумыкский имеет особые формы.

побудительные формы (императив)

- ‘идти’ 1 *bar-ajut* ‘пойду-ка я’ *bar-ajuk* ‘пойдем’
2 *bar* ‘иди!’ *bar-yyuz* ‘идите!’
3 *bar-syn* ‘пусть идет’ *bar-syn-lar* ‘пусть идут’

Таким образом, значение косвенного побуждения, которое в большинстве дагестанских языков (напр., в хваршинском) выражается перформативным оптативом, в кумыкском обозначается общетюркской формой юссива на *-syn/-sin*⁷. Эта форма ограничена использованием в 3-м лице.

- (26) юссив, косвенное побуждение

- Patimat aš bišir-sin*
Патимат хлеб печь-JUSS
‘Пусть Патимат испечет хлеб’.

Та же самая форма используется для выражения пожеланий добра и зла в 3-м лице:

- (27) юссив, благословения и проклятия по отношению к 3-му лицу

- ötmür-lü bol-sun*
долгая.жизнь-ADJ быть-JUSS
‘Пусть живет долго!’ (благословение новорожденного)

⁷ В тюркологии эту форму принято называть императивом 3-го лица.

- (28) *qol-lar-uŋ syn-syn*
 рука-PL-2 ломаться-JUSS
 ‘Пусть сломаются твои руки!’

Оптивная зона кумыкского языка представлена в таблице 2.

Таблица 2

Зона оптатива / юссива в кумыкском языке

	побуждение	благословения / проклятия	желание
1 лицо			дезидеративный оптив (-yaj edi)
2 лицо		перформативный оптив (-gyr/-gur)	дезидеративный оптив (-yaj edi)
3 лицо	юссив (<i>syn/-sin</i>)	юссив (-syn/-sin)	дезидеративный оптив (-yaj edi)

2.3. Арчинский

Арчинский язык⁸ (лезгинский язык нахско-дагестанской семьи, центральный Дагестан) выделяется в ряду других дагестанских языков тем, что в нем нет особого показателя для выражения перформативного или дезидеративного оптивов, притом что, с точки зрения речевого этикета, благословения и проклятия так же типичны для повседневной коммуникации Арчиба, как и для всего Дагестана. Значение перформативного оптатива выражается в арчинском языке с помощью регулярной конструкции, основанной на форме императива 2-го лица. Эта конструкция была впервые описана А.Е. Кибриком [Кибрик 1977: 221].

Хотя арчинская оптивная конструкция всегда содержит императив 2-го лица, она может быть использована по отношению к любому из трех лиц (ср. императивный пример (29) и оптивные примеры (30а), (30б) и (30в), полученные путем перевода). Значение ‘родить ребенка’ в арчинском языке передается с помощью выражения ‘сделать ребенка’.

- (29) побуждение ко 2-му лицу

pəlow b-a

плов 3-делать (IMP)

‘Приготовь плов’ [Кибрик 1977; Электронный корпус, тексты 9, 11].

благословения и проклятия

- (30а) пожелание к 1-му лицу

w-ez wišdu w-a

1-я.DAT мальчик(1) 1-делать(IMP)

‘Пусть у меня будет сын!’ (букв. ‘Сделай мне сына’)

Эта конструкция не может быть интерпретирована как просьба, обращенная к супруге (супругу), поскольку, по комментариям говорящих, рождение сына не зависит от нее (него), то есть находится вне зоны контроля субъекта ситуации. Хотя пожелание иметь сына может быть буквально переведено как возвзвание к неизвестному (точнее, неясно-

⁸ Автор выражает глубокую благодарность Булбул Мусаевой, Равзат Омаровой и другим арчинцам, которые помогли собрать этот материал, а также Тимуру Майсаку, чьи замечания и вопросы позволили прояснить арчинские данные.

му) адресату сделать сына говорящему, арчинцы переводят эти конструкции только с помощью частицы *путь*, то есть как конструкции пожелания, а не побуждения.

В случае если адресатом является 2-е лицо, пожелание может быть буквально переведено как возвзание к неизвестному сделать сына слушающему:

(30б) пожелание ко 2-му лицу

<i>was</i>	<i>wišdu</i>	<i>и-а</i>
ты.DAT	мальчик(1)	1-делать(IMP)
'Пусть у тебя будет сын!' (букв. 'Сделай тебе сына')		

Если же благословение касается 3-го лица, то оно строится как просьба к неизвестному сделать сына для 3-го лица:

(30в) пожелание к 3-му лицу

<i>wit</i>	<i>laha-s</i>	<i>wišdu</i>	<i>и-а</i>
ты.GEN	ребенок.OBL-DAT	мальчик(1)	1-делать(IMP)
'Пусть у твоего сына / твоей дочери будет сын!' (букв. 'Сделай сына для твоего сына / дочери')			

Тот факт, что конструкция (в) может быть интерпретирована только как обращение к третьему лицу, подтверждается наличием адресата 2-го лица в форме местоимения *wit*.

Таким образом, форма императива 2-го лица в этих конструкциях не может быть интерпретирована как обращение к адресату, несмотря на то, что она содержит форму императива 2-го лица. Скорее она должна быть переведена как косвенное обращение к некоему лицу (высшей силе), которое не присутствует в ситуации общения:

- а) 'Пусть он сделает мне сына!'
- б) 'Пусть он сделает тебе сына!'
- в) 'Пусть он сделает сына твоему сыну / твоей дочери!'

Одноместные конструкции еще менее прозрачны, поскольку императив согласуется по классу с номинативом. Принимая во внимание, что обычно непереходный императив 2-го лица согласуется с адресатом, оптативные конструкции 1-го и 3-го лиц оказываются в определенном смысле противоречивыми: они согласуются с участниками 1-го и 3-го лиц, притом что с семантической точки зрения эти последние адресатами не являются.

(31а) 1-е лицо ед. числа

<i>zon</i>	<i>c'at'ur-̄tu</i>	<i>kʷ-a!</i>
я.NOM(1)	быть.умным-ATR.1	1.становиться-IMP
'Пусть я (муж.) вырасту умным!'		

(31б) 2-е лицо ед. числа

<i>ip</i>	<i>c'at'ur-̄tu</i>	<i>kʷ-a!</i>
ты.NOM(1)	быть.умным-ATR.1	1.становиться-IMP
'Пусть ты (муж.) вырастешь умным!'		

(31в) 3-е лицо ед. числа

<i>wit</i>	<i>lo</i>	<i>c'at'ur-̄tu</i>	<i>kʷ-a!</i>
ты.GEN	сын(1)	быть.умным-ATR.1	1.становиться. IMP
'Пусть твой сын (муж.) вырастет умным!'			

Императивная форма в оптативной конструкции множественного числа может присоединять показатель *-r*, который характерен для всех непереходных императивов. Этот суффикс является факультативным в желательных конструкциях, как и в других конструкциях с императивом 2-го лица.

(32a) 1-е лицо мн. числа

nep-t'u   *c'at'ur-ł-ib*   *k-a-(r)!*
мы-EMPH.PERSPL(INCL) быть.умным-ATR-ATR.PL PERSPL.становиться-IMP-(IMP.PL)
'Пусть мы станем умными!'

(32b) 2-е лицо мн. числа

żʷen   *c'at'ur-ł-ib*   *k-a-(r)!*
вы(NOM,PERSPL) быть.умным-ATR-ATR.PL PERSPL.становиться-IMP-(IMP.PL)
'Пусть вы станете умными!'

(32c) 3-е лицо мн. числа

wiš lobur   *c'at'ur-ł-ib*   *ba-k-a-(r)!*
мы.GEN ребенок.PL(HPL) быть.умным-ATR-ATR.PL HPL-становиться-IMP-(IMP.PL)
'Пусть ваши дети станут умными!'

Таким образом, показатель множественного числа *-r*, который в побуждениях выражает согласование с адресатом, в оптативных конструкциях оказывается показателем числа основного участника ситуации, который далеко не всегда является адресатом.

Следующие два примера демонстрируют различие между обычными императивными конструкциями 2-го лица и конструкциями перформативного оптатива. Первый представляет собой типичную арчинскую формулу пожелания, которая произносится тогда, когда ребенок адресата уехал куда-либо из аула: на учебу, в армию и т.д. Существительное 'ребенок' обозначает основного участника оптативной конструкции. Второй пример иллюстрирует собственно императив с тем же глаголом; существительное 'ребенок' является обращением. Интерпретация первого примера как перформативного оптатива 3-го лица, а второго – как императива 2-го лица выбирается арчинцем без колебаний: он никогда не переведет первое высказывание как призыв к адресату 2-го лица (*Дети, возвращайтесь с радостью), что является следствием семантики ситуации: императив не может быть использован в ситуации, которая не подлежит контролю.

(33a) *lobur*   *żʷāra-ši*   *zaba*
ребенок.PL(NOM)   быть.радостным-CVB   приходить. IMP
'Пусть дети вернутся с радостью!'
* 'Дети, возвращайтесь с радостью!'

(33b) *lobur*,   *noL'-a-ši*   *zaba*
ребенок.PL(NOM)   дом-IN-ALL   приходить.IMP
'Дети, возвращайтесь домой!'

Таким образом, хотя арчинский перформативный оптатив не является специализированной морфологической формой, существует ясно понимаемое говорящими различие между конструкциями пожелания добра и зла и императивом 2-го лица. Ниже перечислены характерные черты арчинской конструкции перформативного оптатива по сравнению с императивной.

Таблица 3

Арчинская конструкция перформативного оптатива vs. конструкция с императивом 2-го лица

конструкция перформативного оптатива	конструкция с императивом 2-го лица
► содержит императив 2-го лица ► может относиться к 1/2/3 лицам ► обозначает только такие ситуации, которые не подлежат контролю	► содержит императив 2-го лица ► относится только ко 2-му лицу ► обозначает только такие ситуации, которые подлежат контролю говорящего

Арчинские конструкции пожелания добра и зла часто включают упоминание Аллаха. Обычно имя Аллаха употребляется в эргативе:

- (34) *allah-li ja-t ɻan wež zumzum-ɬ-e-n-nu-t*
Аллах-OBL(ERG) этот-4 вода(4) вы.DAT Зумзум-PL-OBL.PL-GEN-ATR-4
k-a

4.становиться-IMP

‘Пусть Аллах сделает эту воду для тебя святой’ (букв. – похожей на воду Зумзум – святого источника в Мекке).

Поскольку глагол *kes* ‘становиться’ является непереходным, существительное в эргативе должно быть интерпретировано как причинное. Как утверждает А.Е. Кибрик, причинный (каузальный) эргатив обычно образуется от абстрактных существительных (напр., от масдаров) [Кибрик 1977: 139]:

- (35) *to-w ač'i-li lap hac e(w)ɬi-li*
этот-1(NOM) болезнь-OBL(ERG) очень быть.слабым <1>INCH.PFV-EVID
‘Он от болезни очень ослабел’ (пример из [Кибрик 1977: 139]).

Хотя слово *Аллах* не является абстрактным существительным, у нас есть аргументы в пользу того, что *Allahli* все же представляет собой каузальный эргатив. Согласно А.Е. Кибрику, каузальные эргативы не встречаются в переходных конструкциях. Это верно для перформативных оптативов: *Allahli* не может использоваться, если конструкция является переходной (хотя в принципе конструкция с двумя эргативами в арчинском не запрещена).

- (36a) *dušman-til-čaj wit maħla dimmus b-a*
враг-PL-OBL(ERG) ты.GEN дом(3) разрушать 3-делать.IMP
‘Пусть враги разрушат твой дом!’
- (36b) **allah-li dušman-til-čaj wit maħla dimmus b-a*
Аллах-OBL(ERG) враг-PL-OBL(ERG) ты.GEN дом(3) разрушать 3-делать.IMP

Таким образом, форма *Allahli* в оптативных конструкциях должна быть интерпретирована ‘с помощью Аллаха’.

В отличие от хваршинского и многих других дагестанских языков, выражение косвенного побуждения в арчинском не пересекается с перформативным оптативом. Арчинский имеет особый способ образования юссива: к императиву основного глагола прибавляется императив глагола ‘говорить’. Таким образом, если *bāc'i* – это императив глагола ‘наполнить’, то *bāc'i-ba* переводится как ‘пусть наполнит’ (букв. ‘наполни-скажи’). Важно отметить, что основной участник обозначен конталлативом – то есть кодируется тем же способом, каким обозначается адресат при глаголе ‘говорить’:

- (37) императив 2-го лица
moħammad-li-s q'onq' laba!
Магомед-OBL-DAT книга(4) 4.давать.IMP
‘Дай Магомеду книгу’.

- (38) юссив
moħammad-li-r-ši pat'imati-li-s q'onq' laba-ba!
Магомед-OBL-CONT-ALL Патимат-OBL-DAT книга(4) 4.давать.IMP-JUSS
‘Пусть Магомед даст книгу Патимат’.

Эта форма не используется в оптативной функции. Она не может быть применена к ситуациям, которые не контролируются основным участником. Ср. примеры (a) с

традиционным арчинским пожеланием, пример (б), который иллюстрирует стандартное употребление юссива, и пример (в) с юссивом, являющийся неграмматичным, потому что ситуация не может быть проконтролирована. Последний построен как форма юссива от выражения ‘возвращаться с радостью’.

- (39a) *sali*   *χʷāra-ši*   *zaba*
        Али(NOM)   быть.радостным-CVB   приходить.IMP
        ‘Пусть Али вернется с радостью’.
- (39б) *sali-r-ši*   *nol'-a-ši*   *zab-ba*
        Али-CONT-ALL   дом-IN-ALL   приходить.IMP-JUSS
        ‘Пусть Али вернется домой’.
- (39в) *sali-r-ši   *χʷāra-ši*   *zab-ba*
        Али-CONT-ALL   быть.радостным-CVB   приходить.IMP-JUSS
        букв.: ‘Пусть Али вернется с радостью’.

Таким образом, арчинский использует разные конструкции для обозначения перформативного оптатива и косвенного императива, причем обе основаны на форме императива 2-го лица.

Для того чтобы выразить желания / мечтания говорящего, арчинский использует форму ирреалиса, которая обычно оформляет протазис условной конструкции.

- (40) *in*   *čonpol*   *d-o<r>k-ir-enč'iš*
        ты(ERG)   женщина(2)   2-<IPFV>забирать-IPFV-COND
        ‘Хоть бы ты женился’.
- (41) «*t'al*   *ow-enč'iš*,   *zōn-i*   *χo<w>i», –   *boli*
        посыпать   1.делать.PFV-COND   я(1)-и   «1>идти.POT   говорить.PFV-EVID
        ‘«Если пошлешь (меня), я пойду», – ответил он’ [Кибрик 1977; Электронный корпус, текст 8].*

Оптативная зона в арчинском языке представлена в таблице 4.

Таблица 4

Зона юссива / оптатива в арчинском языке

	побуждение	благословения / проклятия	желание
1-е лицо		конструкция перформативного оптатива (2-е лицо императива по отношению к неконтролируемым ситуациям)	форма условного протазиса
2-е лицо		конструкция перформативного оптатива (2-е лицо императива по отношению к неконтролируемым ситуациям)	форма условного протазиса
3-е лицо	юссивная конструкция (императив + говорить.IMP)	конструкция перформативного оптатива (2-е лицо императива по отношению к неконтролируемым ситуациям)	форма условного протазиса

3. О ТЕРМИНАХ

Исходя из этого краткого обзора трех дагестанских языков, мы можем выделить основные модели распределения семантического пространства оптативных значений в дагестанских языках и перечислить особенности выделенных категорий.

Поскольку пересечение между императивами и оптативами является частым феноменом, мы нередко сталкиваемся с проблемой: назвать ли данную форму юссивом или

перформативным оптативом. Предложенные здесь решения основываются на следующих соображениях.

- 1) Побудительное значение (попытка побудить адресата совершить некоторое действие) первично по сравнению с оптативными значениями, поскольку императивы более универсальны и значительно чаще, чем оптативы, имеют специализированные морфологические способы обозначения.
- 2) Побудительные формы, как правило, ограничены референцией к определенному лицу: для них нетипично использовать одну и ту же форму по отношению ко всем трем лицам. Форму, которая может иметь субъект 1/2/3 лиц, мы будем считать оптативом. Этот принцип, на первый взгляд, противоречит решению, принятому для арчинского языка: считать форму, которая выражает пожелание ко всем трем лицам, и побуждение – только ко 2-му, императивом. Мы сохраняем это решение, основываясь на двух соображениях: 1) императив 2-го лица – категория практически универсальная, присутствующая во всех языках мира, в отличие от оптатива; 2) модель распределения императивно-оптативных значений, обнаруженная в арчинском языке, на данный момент представляется нам уникальной.

Таким образом, в дагестанских языках обнаружены следующие категории.

Юссив

Мы будем называть юссивом форму, которая выражает косвенное побуждение и может быть использована только по отношению к 3-му лицу (кумыкская форма на *-syn/-sin*, арчинская форма на *-ba*) или почти исключительно к 3-му (ср. ниже случаи цахурского и ицаринского). В некоторых языках с помощью этой формы также выражаются благословения и проклятия по отношению к 3-му лицу.

Таблица 5

Зона юссива

	побуждение	благословения / проклятия	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо	юссив <small>(функциональное расширение)</small>		

Перформативный оптатив

Мы будем называть перформативным оптативом форму, которая используется для выражения благословений и проклятий и употребляется во всех трех лицах (хваршинский) или только во втором лице (кумыкский). В некоторых языках эта форма может также быть использована в значении юссива (-оло в хваршинском).

Таблица 6

Зона перформативного оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		[перформативный оптатив]	
2 лицо		перформативный оптатив	
3 лицо	<small>(функциональное расширение)</small>	[перформативный оптатив]	

Дезидеративный оптатив

Мы будем называть дезидеративным оптативом форму, которая используется для выражения желания говорящего, его мечтаний. В тех языках, в которых мы засвидетельствовали наличие этой формы (кумыкский, балкарский, чеченский), она употребляется во всех трех лицах.

Зона дезидеративного оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			дезидеративный оптатив
2 лицо			дезидеративный оптатив
3 лицо			дезидеративный оптатив

4. ДРУГИЕ НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ ЯЗЫКИ**4.1. Выборка**

В настоящем разделе будет предложен обзор оптативной зоны в ряде нахско-дагестанских языков. Поскольку информация о выражении желательных значений средствами других наклонений не всегда присутствует в грамматических описаниях, мы ограничимся здесь обзором специфицированных морфологических средств. Выбор языков прежде всего определялся возможностью получить достаточно надежную информацию.

Таблица 8

Языковая выборка

Аваро-андийские	ахвахский багвалинский
Цезские	бехтинский гунзинский хваршинский
Лезгинские	агульский арчинский крызский лезгинский рутульский удинский цахурский
Даргинские	ицаринский
Лакский	лакский
Нахские	чеченский

4.2. Аваро-андийские языки**4.2.1. Багвалинский**

Система багвалинского языка типична для Дагестана: в одной морфологической форме сочетаются значения перформативного оптатива 1/2/3 лиц и юссива. Эта форма образована от императива 2-го лица с суффиксом *la*.

(42) благословения и проклятия

du-w waša w-iθu-la *faq'luja-w, kuwata-w!*
 ты.GEN-M сын(M) М-становиться.IMP-P.OPT умный-M сильный-M
 'Пусть твой сын вырастет умным и сильным!' [Добрушина 2001б: 327]

(43) косвенное побуждение

o - ſi - r   o - b   halt'i   ʒā - la
 он-OBL-ERG   этот-N   работа(N)   делать.IMP-P.OPT
 'Пусть он сделает эту работу' [Добрушина 2001б: 327].

Таблица 9

Зона багвалинских форм юссива и оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-la</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-la</i>	
3 лицо	перформативный оптатив <i>-la</i>	перформативный оптатив <i>-la</i>	

4.2.2. Ахвахский⁹

С формальной точки зрения ахвахский оптатив напоминает арчинский юссив, поскольку происходит из сочетания императива главного глагола с императивом глагола 'говорить'. «Форма оптатива по происхождению представляет собой грамматикализацию конструкции, исходным значением которой является просьба говорящего к адресату передать третьему лицу его команду. Например, конструкция, которая исходно означала "Скажи ему «Иди!»", по-видимому, была переосмыслена как "Пусть идет!", прежде чем развила типичные оптативные значения» [Creissels, in preparation]:

ɬib-a 'танцуй!' (императив) → *ɬib-a-ɬa* 'пусть танцует!' (оптатив) = танцуй-скажи

Однако же ахвахский имеет интересные отличия. Во-первых, эта ахвахская форма используется не только для обозначения косвенного побуждения, но и для выражения благословений и проклятий. Во-вторых, она не ограничена употреблением с 3-м лицом.

К сожалению, мы не располагаем примерами использования этой формы с субъектом 2-го лица. Исследователь ахвахского языка Дени Крессельс считает, что такие употребления возможны, хотя конструкции с субъектом 3-го лица значительно более распространены.

перформативный оптатив

(44) благословения и проклятия, 1-е лицо

<i>me-ne</i>	<i>w-iL'-iċa,</i>	<i>aċ'a</i>	<i>kuruši-gu</i>
1SG-ABS	M-умирать-P.OPT	десять	рубль-EL
<i>k'ebek'i-la</i>	<i>kamilaj-e</i>	<i>ʃot-iče</i>	один
копейка-и	не.хватать-CVB _N	быть.хорошим-IPFV.NEG _N	

'Пусть я умру, если из этих десяти рублей не хватает хоть одной копейки'.

(45) благословения и проклятия, 2-е или 3-е лицо (из контекста неясно)

saxt̪ila   *b-ik'-iċa(l'a)!*
 здоровый   N-быть-P.OPT

'Будь здоров!' / 'Пусть будет здоров!'

(46) благословения и проклятия, 3-е лицо

<i>tiq'i</i>	<i>b-it'-e</i>	<i>aħ-iċa!</i>
путь	N-быть.прямым-CVB _N	открывать-P.OPT

'Счастливого пути!' ('Пусть твоя дорога будет прямой!')

В ахвахском нет специализированной морфологической формы для выражения желаний или мечтаний говорящего.

⁹Мы используем данные говора ахвахского языка, на котором говорят в с. Ахахдере (Закатальский район Азербайджана). Автор благодарен Дени Крессельсу, который снабдил его информацией относительно данного говора.

Таблица 10

Зона ахвахских форм юссиба и оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-aL'a</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-aL'a</i> (предположительно)	
3 лицо	перформативный оптатив <i>-aL'a</i> (предположительно)	перформативный оптатив <i>-aL'a</i>	

4.3. Цезские языки

4.3.1. Бежтинский

В бежтинском мы находим ту же модель распределения оптативно-юссивных форм, что и в хваршинском, ахвахском и багвалинском. Перформативный оптатив с суффиксом *-ala* сочетает выражения благословений и проклятий (1/2/3 лица), а в 3-м лице выражает косвенное побуждение.

перформативный оптатив

(47) благословения и проклятия, 1-е лицо

do j-uu-ala   *do hogco-l*   *aqo*   *j-eL'-aas*
я 2-умирать-P.OPT   я 3SG.OBL-DAT   невеста   2-идти-PRS.NEG

‘Пусть я лучше умру, но замуж за него не выйду’.

(48) благословения и проклятия, 2-е лицо

sax̣ti   *nil-ala*   *dul*
здоровый   давать-P.OPT   2SG.DAT

‘Будь здоров!’

(49) благословения и проклятия, 3-е лицо

dibo   *kōda*   *qoq-ala*
2SG.GEN1   рука.PL   сухой-P.OPT

‘Пусть отсохнут твои руки’ (проклятие вору).

(50) косвенное побуждение

mäħmäd el'-ala   *taħačkala-li-?*
Магомед идти-OPT   Махачкала-OBL-ESS

‘Пусть Магомед едет в Махачкалу’.

Таблица 11

Зона бежтинских форм юссиба и оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-ala</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-ala</i>	
3 лицо	перформативный оптатив <i>-ala</i>	перформативный оптатив <i>-ala</i>	

4.3.2. Гунзигбский

В гунзигбском языке имеется форма перформативного оптатива на *-ob*, которая используется в 1/2/3 лицах для выражения благословений и проклятий [van den Berg 1995: 88].

(51) благословения и проклятия, 1-е лицо

də j-iħ-oħ   *du-waa*   *art'o*
я 2-умирать-P.OPT   ты.OBL-CMPR   перед
'Пусть я умру раньше тебя'.

(52) благословения и проклятия, 3-е лицо

ħuni   bic'i   r-aq-oħ
дорога   прямой   5-случаться-P.OPT
'Счастливого пути!' ('Пусть дорога будет прямой!')

В описании гунзибского языка нет информации о том, как выражается косвенное побуждение. В текстах, приложенных к грамматике Хельмы ван ден Берг, был найден один пример, который может быть интерпретирован как юссив. Эта форма представляет собой императив от каузативной формы глагола:

(53) косвенное побуждение

əg   tə   *q'uti-la-a*   *ēdu*   *ek'eč'-k'-o*
этот.1   ты   сундук-OBL-DAT   внутрь   1.прыгать-CAUS-IMP
le   nisə-n   *li*
Q   говорить-GER   быть.5
'Пусть он прыгает в сундук, сказал тот' [van den Berg 1995: 202].

Аналогичный способ образования юссива засвидетельствован в чеченском языке (см. ниже). Однако с уверенностью судить об образовании юссива в гунзибском языке по одному примеру мы не можем.

Таблица 12

Зона гунзибских форм оптатива и юссива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-ob</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-ob</i>	
3 лицо	?	перформативный оптатив <i>-ob</i>	

4.4. Лезгинские языки

4.4.1. Агульский и лезгинский

Агульский и лезгинский языки распределяют значения перформативного оптатива и юссива по той же модели, что и хваршинский, бежтинский, ахвахский и другие языки. Агульский перформативный оптатив на *-raj* и лезгинский перформативный оптатив на *-raj* совмещают в одной форме выражение проклятий и благословений и косвенного побуждения.

агульский

(54) проклятие

žehlem-di-n   q'en-a-s   šu-raj   ge
ад-OBL-GEN   дно-OBL-DAT   идти.PFV-P.OPT   тот
'Пусть идет к черту (букв. пусть идет на дно ада)' (С. Мерданова).

(55) косвенное побуждение

adi-raj   mi-č   ri-pe
приходить.PFV-P.OPT   этот-LAT   говорить.PFV-PFT
'Пусть придет сюда, сказал [король]' [Электронный корпус агульских текстов].

лезгинский

(56) благословение

wa-z allahdi hamisa nüsret qu-raj
ты-DAT Аллах(ERG) всегда помошь давать-Р.ОПТ
'Пусть Аллах всегда помогает тебе' [Haspelmath 1993: 151].

(57) косвенное побуждение

nurbala-ni allahquli zi pataw atu-raj
Нурбала-и Аллахкули я-GEN к приходить-Р.ОПТ
'Пусть Нурбала и Аллахкули придут ко мне' [Haspelmath 1993: 151].

Таблица 13

Зона агульской и лезгинской формы перформативного оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-raj</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-raj</i>	
3 лицо	перформативный оптатив <i>-raj</i>	перформативный оптатив <i>-raj</i>	

4.4.2. Рутульский

Перформативный оптатив рутульского языка имеет показатель *-ij*. Мы располагаем примерами употребления этой формы в качестве юссиба, а также примерами его использования в значениях проклятий и благословений во 2-м и 3-м лицах (все примеры из [Махмудова 2001]).

(58) косвенное побуждение

kix-ij
write-Р.ОПТ
'Пусть пишет!'

(59) благословения и проклятия, 1-е лицо

zi vi-di uli-s r-iL'-ij
я(2) вы-GEN глаз-DAT 2-умирать-Р.ОПТ
'Пусть я умру за твой глаз'.

(60) 3-е лицо

vi-di xil saꝫ j-iš-ij!
ты-GEN рука здоровый 4-быть-Р.ОПТ
'Пусть исцелится твоя рука!'

Таблица 14

Зона рутульской Формы перформативного оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-ij</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-ij</i> (предположительно)	
3 лицо	перформативный оптатив <i>-ij</i>	перформативный оптатив <i>-ij</i>	

4.4.3. Цахурский

В цахурском языке имеются две отдельные формы для обозначения перформативного оптатива и юссиба [Добрушина 1999: 281–284]. Обе образованы от формы императива 2-го лица.

Перформативный оптатив присоединяет к императиву показатель *-na*. Он употребляется со всеми лицами и выражает благословения и проклятия. Цахурский перформативный оптатив не используется для выражения косвенного побуждения.

(61) благословения и проклятия, 2-е лицо

sak-ra ix-e-na *ki*
здравый-ADV.1 становиться-IMP-P.OPT ты

‘Будь здоров’ [Кибрик 1999: 772].

(62) благословения и проклятия, 3-е лицо

allah kimat-x-e-na
Аллах.1 помочь-1.становиться-IMP-P.OPT

‘Пусть Аллах поможет (мне / тебе / ему)’ [Кибрик 1999: 805].

Юссив образуется добавлением суффикса *-že* к форме императива. Его основная функция – выражать косвенное побуждение:

(63) юссив, косвенное побуждение

za?atexnik'-ē=d ci-s ā?id-in žawab qil-e-že
зоотехник-ERG-COH.4 сам.4.OBL-DAT достойный-А слово.4 4.давать-IMP-JUSS

‘Зоотехник на это пусть даст соответствующий ответ’ [Кибрик 1999: 833].

Цахурский юссив также может быть использован с 1-м и 2-м лицами. В этом случае он выражает благословения и проклятия. Однако же такие употребления значительно менее типичны для него и не зафиксированы в текстах. По этой причине мы будем называть эту форму юссивом.

Система юссивных и оптативных форм цахурского языка отличается от типичной дагестанской модели, поскольку использует разные формы для выражения одних и тех же значений. Возможным объяснением является влияние азербайджанского языка, в котором, как и в большинстве тюркских языков, есть особая морфологическая форма юссива.

Таблица 15

Зона цахурских форм юссива и перформативного оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>-na</i> / (юссив <i>-že</i>)	
2 лицо		перформативный оптатив <i>-na</i> / (юссив <i>-že</i>)	
3 лицо	юссив <i>-že</i>	перформативный оптатив <i>-na</i> / (юссив <i>-že</i>)	

4.4.4. Удинский

В удинском есть специализированное средство для выражения юссива. Необычным для дагестанских языков является морфологический статус этого показателя. Удинский юссив выражается клитикой *-qā*, которая присоединяется как к глагольным, так и к именным формам в зависимости от элемента, находящегося в фокусе.

В ниджском диалекте удинского языка, судя по электронному корпусу и работе [Майсак 2009], эта клитика употребляется только с 3-м лицом в значении юссива и перформативного оптатива.

(64) благословение, 3-е лицо

<i>dirisp:aka=(na)n</i> ,	<i>ef</i>	<i>pulχaš=q:a=n</i> ,	<i>buxa'ov-on</i>	<i>vaχ</i>
спасибо=2PL	ваш	поздравление=JUSS=3SG	Бог-ERG	вы.PL.DAT
<i>ti'q=q:a=n=d-i</i> ,		<i>ef parč-in-a</i>	<i>flan</i>	<i>vaxt:-a</i>
радовать=JUSS=3S G=LV-AOR		ваш ткань-O-DAT	некоторый	время-DAT
<i>e'-b-i'</i> ,	<i>ef</i>	<i>därg-in-ä</i>	<i>tad-o=z</i>	
шить-LV-AOR	ваш	одежда-O-DAT	давать-FUT=1SG	

[Все кладут деньги, и вот тот человек, который должен шить, берет эти деньги и говорит:] ‘Спасибо вам, поздравляю вас, пусть Бог вам даст радость, вашу ткань к определенному времени сошью и отдам ваше платье’.

(65) косвенное побуждение

<i>oša</i>	<i>t:e sun-t:-i</i>	<i>u=t:un=k:-o</i> ,	<i>ä,</i>
тогда	этот один-NMZ-DAT	говорить=3PL=ST-POT	VOC
<i>ta-j</i>	<i>t:e äjl-ä</i>	<i>ip-a</i>	<i>har-e=q:a=n</i>
идти-IMP	этот ребенок-DAT	говорить-IMP	приходить-PF=JUSS=3SG
<i>jaq:=jan=be'k-sa</i>	<i>be'jn</i>	<i>hava hetär=ä</i>	
ждать=1PL=LV-PRS	смотреть.HORT	погода который=Q.3SG	

Потом другому говорят: «Эй, пойди скажи тому парню, пусть приходит, мы ждем – хотим узнать, какая там погода».

Таблица 16

Зона удинского юссива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо	юссив <i>-q:a</i>	юссив <i>-q:a</i>	

4.4.5. Крызский

Крызская модель нестипична для дагестанских языков, поскольку в крызском имеется несколько побудительных форм, которые специфицированы для обозначения побуждения к определенному лицу («exhortatif» – 1 лицо множественного числа, «votif» – 3 лицо – [Authier, in preparation]).

Крызский юссив («votif») используется только с третьим лицом и выражает значение косвенного побуждения: «Вотив или “императив 3-го лица” рассматривается говорящими как форма, синонимичная оптативу, но он не встречается в контекстах клятв или проклятий, характерных для оптатива. Он используется в рекомендациях, вежливых и косвенных приказах, часто с частицей *gvay*» [Authier, in preparation]:

<i>(66) va</i>	<i>i-nkan-i</i>	<i>pul</i>	<i>tu-ka-tir!</i>
ты.GEN	PV-IPF.оставаться-PART	деньги	PV-нести-JUSS
‘Пусть принесет твои оставшиеся деньги’.			

В крызском имеется также перформативный оптатив («optatif»), который обслуживает ту же область значений, что и в большинстве дагестанских языков: эта форма выражает благословения и проклятия в 1, 2 и 3 лицах и косвенное побуждение в 3-м лице.

перформативный оптатив

(67) благословения и проклятия, 1-е лицо

<i>riχ</i>	<i>ja-r-t'-i-n-kar</i>	<i>iši</i>	<i>zin!</i>
дорога.F	PV-IPF-резать-PART-SUBEL	быть.P.OPT	я
‘Пусть я стану бандитом! (если я когда-либо прикасался к баранам)’			

(68) благословения и проклятия, 2-е лицо

vun ja-har-a xi-ci q'aj-i!
ты PV-сдирать.кожу-А быть-SEQ умирать-Р.OPT
'Пусть с тебя живого сдерут кожу!'

(69) благословения и проклятия, 3-е лицо

ja girt-anda icin-a xajirlu ji&-ri ki-t-i!
5.GEN весь-HPL.GEN лицо-IN благоприятный день-PL PV-N.заниматься-Р.OPT
'Пусть каждый день начинается столь же благоприятно для всех вас!'

Таким образом, крызский юссив и перформативный оптатив используются как синонимы для обозначения в 3-м лице косвенного побуждения: «Оптатив очень близок по смыслу к вотиву. Эти формы ощущаются говорящими как синонимичные» [Там же]:

(70) перформативный оптатив и юссив в функции косвенного побуждения

<i>u-i-<u>vun</u>, sas ar,</i>	<i>ts 'e^f 'a-<u>vva-tir</u>!</i>	<i>'a-b-xir-i</i>	
PV-F-идти.IMP	голос	делать.IMP	PV-HPL-приходить-Р.OPT
<i>iz'a,</i>	<i>коза</i>	PV-принести.F-JUSS	
здесь			

'Иди, позови их, пусть придут сюда и пусть приведут козу!'

Таблица 17

Зона крызских форм юссива и перформативного оптатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив <i>i</i>	
2 лицо		перформативный оптатив <i>i</i>	
3 лицо	юссив <i>-tir</i> / перформативный оптатив <i>i</i>	перформативный оптатив <i>i</i>	

Как и цахурская, крызская система оптативно-юссивных форм в определенном смысле непоследовательна, или, иными словами, избыточна. Принимая во внимание, что крызский находится под сильным влиянием азербайджанского языка, мы можем предположить, что синонимия в области желательных форм также связана с его влиянием.

4.5. Ицаринский

Ицаринский язык имеет перформативный оптатив на *-ab*, выражающий благословения и проклятия во 2-м и 3-м лицах:

(71) *salamat w-irq'-ab*
хороший М-делать.IPF-OPT
'Счастливого пути!'

1-е лицо перформативного оптатива используется в качестве императива 2-го лица с пациентом 1-го ('найди меня'), поскольку употребление обычного императива 2-го лица в этой функции запрещено [Sumbatova, Mutalov 2003: 90].

Косвенное побуждение выражается другой формой. В грамматике ицаринского языка она называется нонкуративом [Sumbatova, Mutalov 2003: 91], а в описании ицаринского глагола – юссивом [Муталов 2002: 121]. Эта форма используется преимущественно в 3-м лице и выражает косвенное побуждение. Кроме того, она выражает разрешение

и безразличие по отношению к ситуации – типичные периферийные значения юссива (отмечены в арчинском, багвалинском, агульском, хваршинском и др. языках). Нетипичным для юссива является расширение этой формы на 1 и 2 лица. Такие контексты менее распространены, чем контексты 3-го лица, и выражают преимущественно безразличие говорящего по отношению к возможной ситуации. Принимая во внимание более высокую частотность употреблений в 3-м лице, в этой статье мы будем рассматривать эту форму как юссив с нестандартным расширением на 1 и 2 лица¹⁰.

(72) юссив, косвенное побуждение / разрешение (Расул Муталов)

pat'ima-l t'ult' b-erc'-iķa
Патимат-ERG хлеб(NOM) N-печь-JUSS

‘Пусть Патимат печет хлеб’ (говорящий хочет этого / говорящий не возражает).

Таблица 18

Зона ицаринских форм юссива и оптатива

	побуждение	разрешение и безразличие	благословения / проклятия	желание
1 лицо		юссив		
2 лицо		юссив	перформативный оптатив	
3 лицо	юссив	юссив	перформативный оптатив	

4.6. Лакский

Лакский¹¹ язык имеет перформативный оптатив с показателем *-paw*:

(73) *wi-l ars dak' ḫari-ni ič'ap-paw*
ты.SG-GEN сын сердце радостный-ADV приходить-OPT
‘Пусть твой сын возвращается с радостью!’

Эта форма используется только в традиционных формулах проклятий и благословений. С ее помощью не выражаются косвенные побуждения.

Лакский перформативный оптатив может быть обращен ко 2-му лицу, однако эти конструкции обычно не содержат местоимения 2-го лица:

(74) *dak' ḫari-ni ič'ap-paw*
сердце радостный-ADV приходить-OPT
‘Вернись с радостью!’

По отношению к 1-му лицу эта форма не используется.

Лакский юссив образуется по той же модели, что и арчинский и ахвахский: он представляет собой сочетание императива основного глагола + показатель, образованный из императива глагола ‘сказать’: *nasi* ‘идти’ – *nasi-ča* ‘пусть идет <*nasi iča* = идти.IMP сказать.IMP’. Эта форма используется только в 3-м лице.

(75) юссив, косвенное побуждение

Pat'imat-lu-l čat' šaši-ča
Патимат-OBL-ERG хлеб печь.IMP-JUSS
‘Пусть Патимат испечет хлеб’.

¹⁰ Расул Муталов предполагает, что юссивная морфема *-ka* происходит из глагола ‘хотеть’ (*bikaraj*) [Муталов 2002: 123].

¹¹ Материалы лакского языка собраны с помощью Р.Т. Эльдаровой.

Зона лакских юссивных и оптативных форм

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо		перформативный оптатив <i>paw</i>	
3 лицо	юссив <i>ča</i>	перформативный оптатив <i>paw</i>	

4.7. Чеченский

Система юссивно-оптативных форм чеченского языка¹² значительно отличается от других нахско-дагестанских языков.

Во-первых, в чеченском нет специализированных морфологических средств для выражения косвенного побуждения. Форма со значением юссива представляет собой императив от каузативной формы глагола. Например: *dwa-χuo* (прочь-идти.IMP) – ‘уходи!’, *dwa-v-aχ-iit-a* (прочь-1-идти-CAUS-IMP) – ‘пусть уходит!’. Интересно, что сходная модель образования юссива характерна для адыгских языков [Кумахов 1971] и, возможно, для гунзинского (см. выше).

(76) побуждение 2-го лица (императив)

mal-a   χi
пить-IMP   вода.NOM
'Выпей воды!'

(77) косвенное побуждение (императив от каузатива)

mal-ii-a   χi
пить-CAUS-IMP   вода.NOM
'Пусть выпьет воды!'

(78) *p'ēt'mate bēpig d-a-ii-a*

Патимат   хлеб.NOM   3-делать-CAUS-IMP
'Пусть Патимат испечет хлеб!'

Во-вторых, в чеченском языке имеются три формы оптатива.

Оптатив на *alar* (-*alara*) может употребляться по отношению ко всем 3-м лицам. Он используется для выражения желаний или мечтаний говорящего:

(79) *ts'ā   d-alara   ħa(n)*
дом.NOM   3-быть.D.OPT   2SG.GEN
'Если б у тебя был собственный дом!'

Других употреблений эта форма не имеет. Таким образом, она может быть рассмотрена как редкий пример дезидеративного оптатива – категории, которая нетипична для дагестанских языков, но засвидетельствована в карачаево-балкарском, кумыкском и абхазском (см. выше).

В чеченском языке имеются также две формы перформативного оптатива.

Первая форма, перформативный оптатив на *-ħāra*, используется для выражения проклятий и благословений, обращенных к любому из трех лиц (P.OPT1). Важно отметить, что в форме перформативного оптатива суффикс *-ħāra* присоединяется к основе настоящего времени. Этим она отличается от формы с тем же показателем, которая присоединяется к основе прошедшего времени и используется для обозначения протазиса

¹² Материалы чеченского языка любезно предоставлены Зариной Молочевой.

контрфактивных условных конструкций. Форма перформативного оптатива (основа настоящего времени + *-ħāra*) не может маркировать условные конструкции.

перформативный оптатив I

- (80) благословения и проклятия, 2-е лицо

lo-hāra   *hō*
умирать-Р.OPT1   ты.NOM
‘Чтоб ты сдох!'

- (81) благословения и проклятия, 3-е лицо

c'ānc'a c'a ma-j-ðy-hāra Zāra
 никогда домой NEG-2-приходит.PRS-P.OPT1 Зара.NOM
 'Чтоб Зара никогда не вернулась домой!'

Вторая форма перformatивного оптатива (P.OPT2) – на *-jla* – ограничена обращением ко 2-му лицу: с помощью этой формы можно пожелать добра или зла только собеседнику. Других употреблений у нее нет.

перформативный оптатив 2

- (82) *neq' dika xījla*
 путь.NOM хороший СОР.Р.OPT2
 'Счастливого [тебе] пути' ('Пусть дорога будет хорошей').

- (83) *yuoza lielajo-jla*
 радостно нести-Р.OPT2
 'Носи с радостью!' (пожелание тому, кто купил новую одежду)

Семантическое распределение форм перформативного оптатива на *-hāra* и на *-jla* пока неясно.

Таблица 20

Зона чеченских форм юссива и онтатива

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо		перформативный оптатив 1 (-ḥāra)	дезидеративный оптатив (-alar / -alara)
2 лицо		перформативный оптатив 1 (-ḥāra) / перформативный оптатив 2 (-jla)	дезидеративный оптатив (-alar / -alara)
3 лицо	юссив (= глагол.CAUS.IMP)	перформативный оптатив 1 (-ḥāra)	дезидеративный оптатив (-alar / -alara)

5. ВЫВОДЫ

5.1. Типичные модели распределения оптатива и юссива в дагестанских языках: обобщение

Ниже даны таблицы, обобщающие данные о распределении функций оптатива и юссива в нахско-дагестанских языках и в кумыкском.

Морфологически специализированный юссив засвидетельствован в четырех лезгинских языках, а также в ицаринском, лакском и кумыкском – единственном тюркском языке выборки.

Таблица 21

Морфологически специализированный юссив: арчинский, ицаринский, крызский, кумыкский, лакский, удинский, цахурский

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо			

Наиболее частой является комбинация юссива и перформативного оптатива в одной форме, засвидетельствованная в хваршинском, багвалинском, бежтинском, агульском, лезгинском, рутульском, крызском.

Таблица 22

Комбинация юссива и перформативного оптатива в одной форме: агульский, багвалинский, бежтинский, крызский, лезгинский, рутульский, хваршинский

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо			

Ряд языков имеет перформативный оптатив, не совмещенный с юссивом: цахурский, ицаринский, лакский и чеченский.

Таблица 23

**Перформативный оптатив 1/2/3 лиц, не совмещенный с юссивом:
ицаринский, лакский, цахурский, чеченский**

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо			

Две модели (перформативный оптатив, ограниченный употреблением во втором лице, с одной стороны, и дезидеративный оптатив) имеются только в кумыкском и чеченском.

Таблица 24

Перформативный оптатив 2-го лица: кумыкский, чеченский

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо			

Таблица 25

Дезидеративный оптатив: кумыкский, чеченский

	побуждение	благословение / проклятие	желание
1 лицо			
2 лицо			
3 лицо			

5.2. Типичные модели распределения оптатива и юссиба в дагестанских языках: выводы

Мы начали с предположения о том, что специализированный оптатив – это ареальная черта Восточного Кавказа. Эта гипотеза была подтверждена данными 15 языков из нахско-дагестанской семьи, а также одного кавказского языка из тюркской семьи. Сопоставляя эти данные с тем, что для тюркских языков других ареалов (в частности, Сибири и Дальнего Востока) наличие оптатива нехарактерно, можно признать специализированный оптатив ареальной чертой Восточного Кавказа (возможно, что и Кавказа в целом).

С другой стороны, обнаружились некоторые признаки, характерные для дагестанских языков, противопоставившие их кумыкскому и чеченскому¹³. Назовем их:

- Дагестанские языки имеют тенденцию к объединению выражения проклятий и благословений и косвенного побуждения в одной форме.
- Для них характерен перформативный оптатив в 3-х лицах.
- Они не имеют специализированных морфологических средств для выражения дезидеративного оптатива.

С точки зрения этих признаков генетически наиболее близкие дагестанские языки оказались отличны от тюркских языков (кумыкского и балкарского) и от нахских языков (чеченского и ингушского).

5.3. Семантическая зона оптатива в типологической перспективе

Выделены две грамматические категории в зоне оптатива: перформативный оптатив, специализированный для выражения благословений и проклятий, и дезидеративный оптатив, выражающий желания говорящего, его мечты и т. л. Сделан ряд наблюдений относительно поведения этих категорий.

- Перформативный оптатив значительно чаще выражается специализированными морфологическими средствами, чем дезидеративный.
- В исследованных языках отсутствуют случаи комбинирования перформативного и дезидеративного оптативов в одной форме.
- Типичным средством выражения дезидеративного оптатива являются условные и иреальные формы.
- Напротив, перформативный оптатив совмещается с императивными формами, в частности с юссибом¹⁴.
- Для перформативного оптатива более характерны случаи ограничения определенным лицом, чем для дезидеративного (кумыкский, чеченский).

Таким образом, зона оптатива распадается на две семантические подзоны, слабо связанные друг с другом.

Перформативный оптатив сфокусирован на реализации желания говорящего. Наряду с императивом, перформативный оптатив является попыткой воплотить желание в жизнь, причем путем достижения этого желания является апелляция к высшей силе. Семантическая близость перформативного оптатива и императива является причиной частого совмещения этих функций в одной морфологической форме.

Напротив, зона дезидеративного оптатива рассматривает выражение желания как высказывание относительно гипотетической или контрафактивной ситуации, благоприятной для говорящего. Конструкции со значением дезидеративного оптатива служат, таким образом, для выражения эмоционального отношения говорящего к далеким от реализации ситуациям. По этой причине эта категория близка к тем граммемам, которые обозначают иреальные ситуации.

Согласно имеющимся на сегодня данным, перформативный и дезидеративный оптативы имеют различные модели грамматикализации и обычно не совмещаются в одной

¹³ Судя по имеющимся у нас данным карачаево-балкарского и ингушского языков, системы оптативно-юссибных форм этих языков схожи, соответственно, с кумыкским и чеченским.

¹⁴ Выражение перформативного оптатива средствами условных наклонений также встречается в языках мира – например, в курдском [Цукерман 1962]. Однако, по нашим данным, в этой роли могут выступать только гипотетические условные формы, в то время как дезидеративный оптатив может выражаться и контрафактивными формами (см. об этом [Добрушина 2004]).

форме. Тем не менее, в типологической литературе и в грамматиках они обозначаются одним и тем же термином – оптатив. Представленный здесь кавказский материал говорит о том, что основной причиной смешения этих категорий является их недостаточная исследованность. Не исключено, однако, что обращение к данным других языковых семей и ареалов позволит обнаружить связи между этими категориями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко и др. 1990 – *A.B. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А Бирюлин. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность.* Л., 1990.
- Гаджиахмедов 2000 – *Н.Е. Гаджиахмедов. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке.* Махачкала, 2000.
- Добрушина 1999 – *Н.Р. Добрушина. Глагол. Формы ирреального наклонения. Формы императивной серии // Элементы цахурского языка в типологическом освещении.* М., 1999.
- Добрушина 2001а – *Н.Р. Добрушина. Формы императивной серии. Ирреалис // А.Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари.* М., 2001.
- Добрушина 2001б – *Н.Р. Добрушина. К типологии онтатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории.* М., 2001.
- Добрушина 2004 – *Н.Р. Добрушина. О некоторых корреляциях между зависимыми и независимыми употреблениями ирреалиса // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность.* М., 2004.
- Кибрик 1977 – *А.Е. Кибрик. Опыт структурного описания арчинского языка.* Т. II. М., 1977.
- Кибрик 1999 – *А.Е. Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении.* М., 1999.
- Кумахов 1971 – *М.А. Кумахов. Словоизменение адыгских языков.* М., 1971.
- Магомедсалихов 2008 – *Х.Г. Магомедсалихов. Благопожелания и проклятия как важный компонент изучения духовной культуры аварцев.* Этно-журнал. 2008. <http://www.ethnonet.ru/ru/>
- Майсак 2009 – *Т.А. Майсак. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // Удинский язык: грамматика, лексика, история.* М., 2009.
- Махмудова 2001 – *С.М. Махмудова. Морфология рутульского языка.* М., 2001.
- Муталов 2002 – *Р.О. Муталов. Глагол даргинского языка.* Махачкала, 2002.
- Плунгян 2000 – *В.А. Плунгян. Общая морфология.* М., 2000.
- Стеблин-Каменский 1957 – *М.И. Стеблин-Каменский. Грамматика норвежского языка.* М., Л., 1957.
- Храковский 1992 – *В.С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций.* СПб., 1992.
- Цукерман 1962 – *И.И. Цукерман. Очерки курдской грамматики.* М., 1962.
- Электронный корпус агульского языка – *Д.С. Ганенков, Ю.А. Ландер, Т.А. Майсак, С.Р. Мерданова (сост.). Электронный корпус агульского языка.* В подготовке.
- Электронный корпус арчинского языка – *А.Е. Кибрик, А.В. Архипов, М.А. Даниэль, С.В. Кодзасов (сост.). Электронный корпус арчинского языка.* В подготовке. <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/eng/index.php>
- Электронный корпус удинского языка – *Д.С. Ганенков, Ю.А. Ландер, Т.А. Майсак (сост.). Электронный корпус удинского языка.* В подготовке.
- Auther, in preparation – *G. Auther. Elements de grammaire kryz.* In preparation.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world.* Chicago, 1994.
- Creissels, in preparation – *D. Creissels. The grammar of Ахадәтә Ахвакх.* In preparation.
- Dobrushina, Auwera, Goussev 2005 – *N. Dobrushina, J. van der Auwera, V. Goussev. Optative // M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.). World atlas of language structures.* Oxford, 2005.

- Haspelmath 1993 – *M. Haspelmath*. A grammar of Lezgian. Berlin; New York, 1993.
- Hewitt 1979 – *B.G. Hewitt*. Abkhaz. Lingua descriptive studies 2. Amsterdam, 1979.
- Matisoff 1979 – *J. Matisoff*. Blessings, curses, hopes, and fears: psycho-ostensive expressions in Yiddish. Palo Alto, 1979.
- Michailovsky 1988 – *B. Michailovsky*. La langue hayu. Sciences du language. Paris, 1988.
- Palmer 2001 – *F.R. Palmer*. Mood and modality. Second edition. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge, 2001.
- Rupp 1989 – *J.E. Rupp*. Lealao Chinantec Syntax. Studies in Chinantec languages 2. Arlington, 1989.
- Sridhar 1989 – *S.N. Sridhar*. Kannada. London, 1989.
- Sumbatova, Mutalov 2003 – *N.R. Sumbatova, R.O. Mutalov*. A grammar of Icari Dargwa. München; Newcastle, 2003.
- Tolsma 1999 – *G.J. Tolsma*. A grammar of Kulung. Leiden, 1999.
- Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. Semantic primitives. Frankfurt, 1972.
- Willmott 2007 – *Jo. Willmott*. The moods of Homeric Greek. Cambridge, 2007.
- van den Berg 1995 – H. van den Berg. A grammar of Hunzib. Lincom studies in Caucasian Linguistics 1. Munich, 1995.
- van Driem 1987 – *G. van Driem*. A grammar of Limbu. Berlin; New York, 1987.
- van Driem 1993 – *G. van Driem*. A grammar of Dumi. Mouton grammar library 10. Berlin; New York, 1993.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3, 4, 5 – согласовательные классы	INCH – инхоатив
ABS – абсолютив	INCL – инклузив
ACC – аккузатив	INF – инфинитив
ADD – аддитивная частица	IPFV – несовершенный вид
ADV – наречие	JUSS – юссив
ALL – аллатив	LAT – латив
AOR – аорист	LV – «легкий» глагол
ATR – атрибутив	M – мужской род
AUX – вспомогательный глагол	N – средний род
CAUS – каузатив	NEG – отрицание
CMPR – компаратив	NMZ – номинализатор
COH – когерентность	NOM – номинатив
COND – кондиционал	OBL – косвенная основа
CONJ – конъюнктив	PART – причастие
CONT – локализация «конт»	PASS – пассив
CVB – деепричастие	PERSPL – множественное число 1/2 лиц
CVB.DEP – деепричастие при вспомогательном глаголе	PF – перфект
DAT – датив	PFV – совершенный вид
DEM – указательное местоимение	PL – множественное число
DIR – директив	POT – потенциальное будущее
D.OPT – дезидеративный оптатив	PRS – настоящее время
EL – элатив	PST – прошедшее время
ERG – эргатив	PV – преверб
EVID – эвиденциальность	Q – вопрос
F – женский род	SEQ – следование
FUT – будущее	SG – единственное число
GEN – генитив	P.OPT – перформативный оптатив
GER – герундий	SUBEL – субэлатив
HORT – гортатив	SUBJ – субъюнктив
HPL – одушевленность множественного числа	SUP – локализация «супер»
IMP – императив	VOC – вокатив
IN – локализация «ин»	W – засвидетельствованность

© 2009 г. В.С. ПАНФИЛОВ

КОНЬЮНКТЫ И ПРЕДЛОГИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Я постараюсь говорить конкретнее, ибо считаю, что мысль простая, но выраженная честно, полезнее туманных намеков.

Р. Фейнман. Характер физических законов

Конъюнкты и предлоги входят в разряд синтаксических служебных слов. Традиционные классификации последних страдают серьезными недостатками. В статье отмечаются эти недостатки и предлагаются способы их преодоления. Выбор конъюнктов и предлогов в качестве иллюстративного материала объясняется тем, что этим словам и связанной с ними проблематике уделялось сравнительно мало внимания в отечественной литературе.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА. КЛАССИФИКАЦИЯ

Под синтаксическими служебными словами имеются в виду грамматические классы, традиционно именуемые предлогами и союзами. В традиционных классификациях эти грамматические классы не выступают как противопоставленные один другому в целом, ибо сочинительные союзы противопоставляются предлогам по типу связи, а подчинительные – по типу связываемых элементов [Никитина 1959: 113]. Если при сочинении служебное слово оказывается способным устанавливать связь как между словами, так и между предложениями, то в рамках традиционного подхода тип связываемых элементов считается иррелевантным для грамматического статуса служебного слова: русское «и» трактуется в качестве союза как в примерах типа *Он и она пошли в кино*, так и в примерах типа *Он пошел в кино, и она пошла вместе с ним*. В сфере подчинения господствует, однако, прямо противоположный подход. Критикуя традиционную точку зрения, согласно которой англ. *for* в примере *He laughed for joy* считается предлогом, а в примере *He laughed for he was glad* – союзом, О. Есперсен отмечает, что различие между двумя примерами состоит только в характере добавления к *for*, и так называемый союз является фактически «предлогом к предложению» [Есперсен 1958: 97–98].

В русской грамматической традиции предлог – это синтаксическое служебное слово, создающее подчинительную форму знаменательного слова (точнее – участвующее в ее создании наряду с падежом). Все остальные синтаксические служебные слова (создающие сочинительную форму слова, сочинительную форму предложения, подчинительную форму предложения) именуются союзами. При таком подходе понятийное содержание термина «союз» не то чтобы «затемнено», как полагают некоторые авторы [Черемисина, Колосова 1987: 139], но выражено логически не лучшим образом.

Итак, при классификации синтаксических служебных слов существенны характер связи (сочинение, подчинение) и тип связываемых элементов (слова, предложения). Неявным образом учитывается также упомянутое выше материальное тождество служебного слова при обслуживании разных типов связываемых элементов.

При рассмотрении типов связи мы исходим из того, что сам факт наличия связи между знаменательными словами, а также между знаменательным словом и служебным, может быть надежно установлен с помощью операциональной процедуры [Панфилов 1993: 58, 59]. Кроме того, сейчас нас интересует не сочинение и подчинение вообще, но лишь те их разновидности, в которых соответствующие связи маркированы с помощью служебных слов. В таком случае сочинение – это связь, в которой маркирована синтаксическая однофункциональность элемента по отношению к другому, а подчинение – это связь, в составе которой маркирована синтаксическая функция элемента по отношению к другому.

Сочинительная связь – это связь двух (в минимальном варианте) синтаксически равноправных элементов, потенциально или реально выступающих в одной и той же синтаксической функции по отношению к третьему. При межсловных связях это соподчинение третьему элементу обычно является реализованным, хотя и возможны случаи, когда оно выступает лишь как потенциальное, например, в заглавиях: «*Война и мир*». Соподчинение предложений, наоборот, чаще выступает как потенциальное, хотя реализация его, в принципе, возможна: *Знаю, ты не прав, и он тоже не прав*.

Подчинительная связь – это связь двух синтаксически неравноправных элементов, из которых один выступает в некоторой синтаксической функции по отношению к другому.

Операциональное разграничение сочинения и подчинения можно произвести с опорой на понятие обратимой конструкции. Конструкция, в составе которой синтаксическая связь между двумя элементами маркируется с помощью синтаксического служебного слова, является обратимой, если связываемые элементы допускают перестановку относительно служебного слова: *я и ты* → *ты и я*.

Обратимость есть *формальный признак сочинения*. При ее констатации не принимаются во внимание коммуникативный и узуальный аспекты. Это важно подчеркнуть, т. к. будучи, как правило, денотативно иррелевантной, обратимость сплошь и рядом оказывается под действием коммуникативного или узуального запрета. Так, на уровне структурного синтаксиса, при рассмотрении соответствующих конструкций вне контекста, вполне корректно преобразование *Он лентяй, но умница* → *Он умница, но лентяй*, тогда как на коммуникативном уровне доминирование второго из противопоставляемых элементов задается служебным словом вполне однозначно: *С заданием он справится – он лентяй, но умница / С заданием он не справится – он умница, но лентяй* [Санников 1986: 435, 440]. Формально возможное преобразование русского разговорного клише *стыд и позор* → *позор и стыд* находится под действием узуального запрета.

Представляется как бы само собой разумеющимся, что обратимость предполагает денотативное тождество исходной и производной конструкций. На самом деле сочинительная связь в этом плане градуальна.

Сильный вариант – конструкции полностью совпадают по денотату: *я и ты* → → *ты и я*.

Средний вариант – конструкции совпадают лишь по суммарному денотату, что характерно для конструкций со значением последовательности действий. *Надел пальто и вышел на улицу* – не то же самое, что *Вышел на улицу и надел пальто*, однако в обоих случаях итоговая ситуация одна и та же: субъект действия и в пальто, и вне дома.

Слабый вариант – формально возможное преобразование ведет к утрате исходной семантики, что характерно для разного рода оценочно-сопоставительных конструкций: *Чем дальше в лес, тем больше дров* → (?) *Чем больше дров, тем дальше в лес*.

Говоря о «связываемых элементах» обычно имеют в виду, что синтаксическая связь может быть установлена либо между словами, либо между предложениями. Фактическое положение вещей несколько сложнее этой картины, т.к. возможна еще и

связь слова с предложением (Я опоздал из-за тебя), а также зависимость предложения от слова (Знаю, что сегодня холодно), поэтому более корректной представляется постановка вопроса не о связываемых элементах вообще, но лишь о том из них, который входит в состав аналитической формы с участием синтаксического служебного слова (об аналитической, в частности, синтаксической форме слова см. [Панфилов 1993: 58–66; 2003: 67–68]). Так, относительно китайского сочетания *gēn nǐ zǒi* «идти с тобой» будем говорить, что в нем представлена связь глагола идти с синтаксической формой слова ты. Соответственно, в примере *uì shèi xià uí...* «так как идет дождь...» представлена некоторая синтаксическая форма предложения *xià uí* «идет дождь». Логически корректный подход к классификации синтаксических служебных слов должен ориентироваться на тип связи и характер обслуживающего элемента как непересекающиеся признаки.

Например, в качестве первого шага синтаксические служебные слова подразделяются на сочинительные и подчинительные, затем в рамках каждого из этих разрядов выделяются показатели, оформляющие только слова, оформляющие только предложения, и безразличные к типу обслуживающего элемента, в равной мере способные оформлять как слова, так и предложения. Эта схема вполне может претендовать на универсальность как формально-логическая классификация, однако поскольку лишь некоторая часть языкового материала поддается безупречному логическому анализу, нетрудно предположить, что данная схема будет подвергаться определенным деформациям под воздействием конкретного материала. Предложенная классификация безупречно подходит к вьетнамскому языку [Панфилов 1993: 248], однако ее применение к китайскому материалу, не обладающему столь же высокой степенью логичности, сказалось бы на продуктивности конечного результата. В китайском языке не соблюдаются дистрибутивные условия, которые в нашей классификации содержат определения «только» и «в равной мере». Кроме того, рубрика «слова, способные оформлять как слово, так и предложение» выглядит в китайском языке, если можно так выразиться, неубедительно. В количественном отношении (около десятка слов) она несопоставима с другими группировками. В качественном плане безоговорочно в равной мере оформлять как слова, так и предложения могут разве что разделительные *huòzhe* и *háishi*.

Деформация, привносимая в исходную схему китайским материалом, сводится к тому, что классификация по потенциальным возможностям (вьетнамский вариант) заменяется классификацией по доминирующей функции, так что формулировка, к примеру, «служебное слово оформляет имя» означает, что назначение служебного слова либо исчерпывается оформлением имен, (как у предлога *gēn* «с»), либо является его явно доминирующей функцией (как у предлога *chúle* «кроме»). Послелоги зачисляются в разряд оформленителей имен на том основании, что любой послелог способен оформлять имя, но лишь единичные послелоги (*qíán* «до», *hòi* «после») способны, кроме этого, еще и к оформлению предикативов. Подобные индивидуальные особенности должны оговариваться при рассмотрении конкретного материала соответствующих рубрик.

Описание потенциальных возможностей служебного слова можно упростить, воспользовавшись приемом ранжирования связей. Так, оформление предложений считается более высоким по рангу, чем оформление слов, т.к. предложение может быть сведено к именному или предикативному эллипсису. Таким образом, формулировка «служебное слово оформляет предложение» не исключает для данного слова возможности оформлять имена или предикативы.

Оценка по доминирующей функции и оценка по потенциальным возможностям – это две независимые, логически равноправные оценки, которые, в принципе, могут оказаться одинаково допустимыми для какого-либо служебного слова. Например, слово *duì* «≈ относительно...» по признаку доминирующей функции должно относиться к оформленителям имен (*tā duì wǒ uí xiào* «Она мне улыбнулась»), а по признаку потенциальных возможностей – к оформленителям предложений: *zhèyang*, *duì wǒ měitian wǎnshàng*

rǎochīqù, tāmen sīháo bù zhùyì «Таким образом, на мои вечерние побеги (букв.: я – каждый день – вечером – убегать) они не обращали ни малейшего внимания». В подобных случаях возможность свободного логического выбора любого из подходов переводит решение вопроса в плоскость практической целесообразности, позволяя каждый раз придерживаться удобной точки зрения.

При терминологическом оформлении классификации синтаксических служебных слов разумный компромисс между логической строгостью и традиционным словоупотреблением может быть достигнут за счет введения специального термина (конъюнкты) для обозначения синтаксических служебных слов, создающих сочинительную форму знаменательного слова (*hé* «и», *huò* «или»...). В остальном традиционная терминология остается без изменений: предлоги и послелоги – служебные слова, создающие подчинительную форму знаменательного слова, сочинительные и подчинительные союзы – служебные слова, создающие соответствующую форму предложения.

На основании изложенного систему синтаксических служебных слов китайского языка в самом общем виде можно представить следующим образом:

КОНЪЮНКТЫ

Конъюнкты в грамматическом плане естественно подразделяются на именные (оформители имён) и предикативные (оформители предикативов). Конъюнкты, способные оформлять только имена, едва ли не исчерпываются словами *uy* «и» и *jí* «а также», составляющими принадлежность книжного стиля. Для первого типично соединение двух имён (*zhànzheng* *uy* *héping* «Война и мир»), тогда как служебное слово *jí* «а также» обычно помещается перед последним, коммуникативно менее важным, членом именного ряда: *Gāngtiē*, *meitàn*, *shíyóu*, *diànlí jí qítā gōngyède shēngchǎn jíhuà* «Планы в металлургической, угольной, нефтяной и других отраслях промышленности».

Служебное слово *hé* «и» оформляет преимущественно имена (*huā hé shuǐguǒ* «цветы и фрукты»). Иногда подчеркивается, что для этого слова невозможно соединение двух предикативов [Tóng Huijūn 1986: 111–112], однако данное утверждение нуждается в некотором уточнении. *Hé* «и» вполне естественно соединяет предикативы, имеющие именные омонимы и употребляющиеся просубстантивно (*ài hé zēng* «любовь и ненависть»). Соединение предикативов, не имеющих именных омонимов, для служебного слова *hé* «и», действительно, не характерно, однако все-таки не исключено, если речь идет о ситуациях, не локализованных во времени: *Zhè shíjièshàng jiù zhě ta yige rén zài sòng nǐ hé dēng nǐ huilai* (13, 545)¹

¹ В тексте статьи источник обозначается его номером в приведенном списке.

Источники примеров:

«Только она одна во всем мире провожает тебя и ждет твоего возвращения».

Разделительное *huò* «или», а также сложный конъюнкт *dài... lián...* «и» можно назвать предикативно-именным, т.к. оба они одинаково свободно соединяют как имена, так и предикативы; ср.: *yápyū huò xīnqíng* «слова или чувства» / *tóngyì huò fāndui* «соглашаться или возражать»; *lián rén dài mǎ* «люди и лошади» / *lián shuō dài xiào* «говорить и смеяться».

Предикативные конъюнкты имеют по большей части соединительное значение, различаясь, если не считать строения (простые, сложные) дистрибутивно. Конъюнкт *bìng* «и» употребляется для соединения глаголов, как правило, – сказуемых, реже – для соединения предикативов, выступающих в качестве определений к глаголу: *huìyì tǎolùn bìng tōngguòle jīnniánde gōngzuò jīhuà* «Совещание обсудило и одобрило план работы на этот год»; *ta xùnsùde bìng zhǐnghuàde huidále wèntí* «Он быстро и правильно ответил на вопрос». Соединение прилагательных осуществляется с помощью конъюнкта *ér* «и» (*yǒnggǎn ér jiāzhì* «смелый и находчивый»), причем при двусложных прилагательных это слово, в принципе, факультативно, тогда как при односложных – обязательно.

Для соединения двух и более глаголов действия употребляются сложные конъюнкты *biān... biān* «и», *yīmiàn... yīmiàn...* (значение то же). Различие между ними, пожалуй, состоит в том, что первый соединяет одиночные глаголы, тогда как второй способен также соединять глаголы, сопровождаемые зависимыми словами (дополнениями); ср.: *Zánmen biān chī biān tán* (10, 159) «Мы будем есть и разговаривать» / *Wǒ yīmiàn chīfàn yīmiàn ba jīntiān shìqingde jīngguò gàosu tā* (11, 397) «Я ел и рассказывал ей, как оно все случилось сегодня».

Сложные соединительные конъюнкты *yòu... yòu...* и *jì... yòu...* оформляют прилагательные и глаголы не-действия. Для первого из них характерно то, что обслуживаемые слова не могут сопровождаться наречиями степени [Tóng Huijūn 1986: 74]: *yòu mèn yòu rè* «душный и жаркий». Конъюнкт *jì... yòu...* «и» выделяет второе из соединяемых слов как коммуникативно более важное: *Wūli jì yīnlěng yòu cháoshī* «В комнате холодно, да еще и сырь».

ПРЕДЛОГИ

Предлоги китайского языка образуют многочисленные разряды, среди которых прежде всего выделяется обширная группа пространственно-временных: *zài* «в», *cháo* «в направлении», *wǎng* «к», *xiàng* «к», *cóng* (*dǎ*, *yóu*) «от», *zì* «от», *dào* «до», *jí* «до», *yánzhe* «вдоль».

Исходное значение предлога *zài* «в» – местонахождение, однако помимо места как такового (*zài héibǎnshang xiézì* «писать иероглифы на доске») этот предлог, в зависимости от сочетающегося с предложной конструкцией предикатива, может обозначать

1. Bā Jīn wénjì. Bēijīng, 1958 (римская цифра обозначает том).
2. Cáo Yú jùběn xuǎn. Bēijīng, 1954.
3. Dīng Líng. Tàiyang zhào zài Sānggān héshàng. Bēijīng, 1950.
4. Féng Déyīng. Shān júhuā. Xià juǎn. Bēijīng, 1991.
5. Luó Hóng. Shìqùde suíyuè. Bēijīng, 1988.
6. Máo Dùn quánjì. Bēijīng, 1984.
7. Shā Yèxīn. Shā jiào Xin jùzuò xuǎn. Nánchāng, 1986.
8. Shí Nián. Duǎnpiān xiǎoshuō jì kān. Bēijīng, 1985.
9. Wáng Wènshí. Fēngxuězhī yè. Bēijīng, 1959.
10. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (diyī jí). Bēijīng, 1984.
11. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (diyī jí). Bēijīng, 1985.
12. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (shàng). Bēijīng, 1999.
13. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (zhōng). Bēijīng, 1999.
14. Zhōngpiān xiǎoshuō juǎn (xià). Bēijīng, 1999.

также начальный (*zài qiángshang qǐ dīngzi* «выдернуть гвоздь из стены») или конечный (*dìào zài shuǐlì qù* «упасть в воду») пункт движения. Впрочем, предложный статус слова *zài* в последнем примере может быть поставлен под сомнение (см. ниже).

При односложных глаголах, обозначающих статические ситуации (*zhù* «жить», *zuò* «сидеть», *shuì* «спать», *tāng* «лежать», *rā* «лежать ничком», *píāo* «плавать»), оборот с *zài* «в» естественно располагается в постпозиции (*Tā zhù zài Bēijīng* «Он живет в Пекине») и его инверсия обусловлена наличием распространителей при глаголе (*Tā zài Bēijīng zhùle hěn jí* «Он долго жил в Пекине»). Постпозиция предложного оборота после двухсложных глаголов (*Liú xuésheng xuéxí zài Bēijīng dàxué* «Иностранные студенты учатся в Пекинском университете») расценивается в лингвистической литературе как нововведение книжного языка, недопустимое в разговорной речи [Wáng Huán 1957: 25].

Предлоги *cháo*, *xiàng*, *wǎng* имеют общее значение «к, в направлении», различаясь дистрибутивно. Оборот с *cháo* употребляется только перед глаголом. [Lǚ Shúxiāng 1996: 93]: *Wǒ cháo jiāli zǒu qu* «Я направился к дому». В примерах с *cháo* возможна замена этого предлога предлогом *xiàng*. Обратная замена возможна не всегда, во-первых, потому что оборот с *xiàng* может занимать позицию после глагола (*bēn xiàng yuǎn fāng* «устремиться в дальние края»), во-вторых потому, что предлог *xiàng* может обозначать не только конечный пункт движения (или действия, реально связанного с направлением), но и адресата действия. Ср. примеры: *Dàjiā xiàng rénduīde zhōngxīn chōngqu* «Все устремились в центр толпы»; *Yào xiàng qián kàn, bùyào xiàng xiàmian kàn* «Надо смотреть вперед, не надо смотреть вниз»; *Wǒ xiàng nǐ xuéxí* «Я учусь у тебя».

Конструкция с предлогом *wǎng* употребляется после ограниченного числа односложных глаголов, вводя дополнение со значением конечного пункта; список этих глаголов приводится в [Lǚ Shúxiāng 1996: 480] *qiān* «переехать», *jí* «послать» (что куда), *fēi* «лететь», *táo* «убежать» и др. Обороты с этим предлогом могут употребляться и в предглагольной позиции, также обозначая конечный пункт: *Liǎngge rén wǎng wài ér zǒu* (1, II, 228) «Двое двинулись к выходу».

Следующий разряд пространственных предлогов составляют слова, объединенные общим значением исходной точки («от»): *cóng*, *yóu*, *zì*. Последнее из этих слов имеет книжный характер, а центральным в списке является предлог *cóng*. Его исходное значение – начальная точка в пространстве (*cóng zhuōshang diào xialái* «упасть со стола»), далее – начальная точка во времени (*cóng xiāo huó zài yìqǐ* «с детства жить вместе»), начальное состояние (*cóng wú dào yǒu* «от небытия к бытию»), вплоть до последней стадии, которую весьма условно можно охарактеризовать как основу для последующих действий, но в этом значении связь с начальным пунктом уже не просматривается: *cóng lìlùn shàng jiāng* «с теоретической точки зрения».

Конечная точка в пространстве и времени обозначается с помощью предлога *dào* «до»: *zuò dào shāfāshàng* «усесться на диване»; *kū dào tiān míng* «проплакать до утра».

Субъектно-объектный разряд китайских предлогов включает слова: *gēn* «с», *hé* «с», *gěi* «для», *tí* «вместо», *yóu* (показатель субъекта), *yí* (показатель объекта), *ba* (*jiang*) (показатель объекта).

Значение предлога *gēn* – «совместный участник» в широком смысле слова, ибо конкретизация этого участника во многом зависит от значения предикатива, к которому относится предложная конструкция: *gēn tā zǒu* «идти с ним»; *gēn tā hézìdǎo* «сотрудничать с ним»; *gēn tā zuò duì* «состязаться с ним»; *gēn tā jiè qián* «одолжить у него денег»; *gēn tā dǎtīng* «узнать у него».

Предлог *gēn* «с» в известных пределах может быть заменен предлогом *hé*, который обладает более узким по сравнению с *gēn* значением, более или менее соответствующим русскому «вместе с...». Этот предлог обозначает, что оба участника совершают одно и то же действие, тогда как *gēn*, помимо этого значения, может обозначать разную роль участников в совершении действия, поэтому одинаково возможно *Wǒ gēn/hé tā hézìdǎo* «Я сотрудничаю с ним», но если в примере *Wǒ gēn tā jiè qián* «Я одолжил у него денег» вместо *gēn* употребить *hé*, пример, скорее всего, будет понят в смысле «Я вместе с ним (у кого-то) одолжил денег».

Предлог *gēi*, обозначающий адресата действия (кому?) или заинтересованное лицо (для кого?) происходит от глагола *gēi* «давать» (*Wǒ gēi nǐ qián* «Я даю тебе деньги»), что до каких-то пределов помогает понять его значение и дистрибуцию. Прежде всего, это значение получателя при глаголах давания *sòng* «дарить», *huán* «возвращать», *mài* «продавать», *jīāo* «передавать», *lì* «оставлять», *fā* «выдавать», *jì* «посылать», *xiān* «преподносить», *péi* «возмещать» и т.д. *Tā gēi wǒ sòng zhège dōngxi* «Она подарила мне эту вещь».

За пределами глаголов давания представлены самые разнообразные глаголы действия, совместимые с идеей адресата (делать что для кого). Все они составляют некую переходную зону в употреблении предлога *gēi* «для», поскольку образуемые с его участием предложные обороты оказываются при данных глаголах двусмысленными. Например, взятая вне контекста конструкция *gēi tā dǎ diànhuà* может означать либо «позвонить ему», либо «позвонить вместо него» и двузначность снимается только контекстом [Lǚ Shúxiāng 1996: 198].

Адресатом, как правило, выступает одушевленный предмет, хотя и для неодушевленных предметов эта семантическая роль не исключена: *gēi huāping huàn shuǐ* «сменить воду в цветочной вазе» (для цветочной вазы), *gēi wūzi shēng huǒ* «в комнате (для комнаты) развести огонь».

Дальнейшее развитие значения предлога *gēi* «для» ведет к завершающему шагу в последовательности «получатель – адресат – заинтересованное лицо». Заинтересованное лицо – это тот, в чью пользу (реже – против чьей пользы) совершается действие: *Gēi wǒ ba dēng niǎn xiāole ba!* (2, 516) «Уменьшите мне свет в лампе».

В повелительных предложениях достаточно часто встречается оборот *gēi wǒ* букв. «для меня», передающий именно значение заинтересованного лица, более или менее соответствующее русским примерам типа *Ты мне поговори!*, *Смотри у меня!* В литературе отмечается семантическая опустошенность данного оборота [Liú Yuèhuā 1989: 169], несущественность для общего смысла высказывания [Yáng Xīn'ān 1960: 67], что не противоречит его модальной нагруженности: *Nǐ kuài gēi wǒ bì zuǐ!* (1, VI, 544) «Ты мне заткнись!»; *Nǐ gēi wǒ chūgù!* (8, 396) «Убирайся, кому говорят!».

Последний шаг, причем даже не в «семантическом самодвижении» предлога *gēi* «для», а скорее в его дистрибутивных особенностях – употребляясь без зависимого имени, лишь намекать на наличие заинтересованного лица, которое в таких случаях узнается только из контекста, а само слово *gēi* обретает статус показателя некоторой, довольно расплывчатой, глагольной категории (бенефактив?): *Wǒ qǐng ge jià, bàn diǎn sīshì. 204 cì chē, nín gēi jiēyījīe ba* (11, 501) «Позвольте мне отлучиться по личным делам. 204-й рейс Вы уж встретьте за [меня]».

Предлог *tì*, до известных пределов синонимичный предлогу *gēi*, не обладает, однако, семантическим и дистрибутивным многообразием последнего. Он имеет только два значения: «вместо» (основное) и «для» (менее характерное). В силу двузначности упоминавшегося выше примера *gēi tā dǎ diànhuà* «позвонить ему / вместо него» для однозначной передачи второго значения часто отдают предпочтение предлогу *tì*. В данном случае однозначность действительно снимается, однако сам по себе предложный оборот с *tì*, всегда располагающийся в предглагольной позиции, в принципе, может иметь и значение адресата. В первом из приводимых ниже примеров *tì* имеет отчетливое значение замещаемого лица, во втором – значение замещаемого лица и адресата выглядят в равной мере убедительно, тогда как в третьем представлено отчетливое значение адресата: 1) *Mèi, wèi shénme yào wǒ tì nǐ xiě?* (1, I, 244); «Сестра, почему нужно, чтобы я писал вместо тебя?»; 2) *Wǒ ba shā dū tì nǐ xiānghäole* (9, 23); «Я за тебя/для тебя все продумал»; 3) *Jiějiemen dū hǎo, kěxī jìù wèi xiǎo háimén mángde hěn, bù néng duō tì wǒ xiě xìn* (7, 19) «Сестры у меня все хорошие, жаль только, из-за детей заняты очень, не могут мне часто писать».

Специфическая особенность предложенных оборотов с *tì* – их употребление в значении заинтересованного лица при глаголах, обозначающих внутреннее состояние

человека: *tì tā gāoxìng* «радоваться за него», *tì tā dānxīn* «переживать за него», *tì tā kěxi* «испытывать обиду за него».

Если отвлечься от предлога *uǐ*, имеющего широкий спектр значений и употребляющегося исключительно в книжной речи, то из числа субъектно-объектных предлогов осталось упомянуть разве что предлог *uói*, вводящий агентивное дополнение (кем?): *Wǒde qīnshì uói wǒ zìjǐ zuò zhǐ* (1, IV, 336) «Мои личные дела решаются мной самим».

Следующий разряд предлогов можно назвать «инструмент – материал – сопровождающий фактор». Центральное место среди них занимает предлог *yòng*, могущий принимать любое из перечисленных значений: *yòng yàoshi kāi mén* «открыть дверь ключом»; *yòng máobù zuò xīfú* «сшить костюм из шерсти»; *yòng kǒuyīn shuō huà* «говорить с акцентом».

Предлог *ná* может иметь ослабленное инструментальное значение (*ná xiào dàití kū* «смехом заменить слезы»), но дистрибутивное пространство соответствующих предложных оборотов намного уже по сравнению с *yòng*. При ограниченном числе предикативов, обозначающих внешние проявления психической деятельности, предложные обороты с *ná* обозначают *п о в о д* для соответствующего действия: *ná tā kāiwánxiào* «подшучивать над ним»; *ná tā chīqì* «сорвать гнев на нем»; *ná tā kāixīn* «подтрунивать над ним».

К предлогам, обозначающим инструмент – материал – сопровождающий фактор, примыкают такие, которые обозначают основание, мотив, способ в широком смысле слова: *ànzhào jìhuà gōngzuò* «работать в соответствии с планом»; *gēnjù qíngkuàng juédìng* «решать по обстановке»; *kào fùtǐ shēnghuó* «живь за счет родителей».

Далее мы можем выделить небольшую группу делиберативных предлогов, обозначающих относительно чего или исключая что, делается сообщение: *guānyú* «относительно», *duìyú* «о», *zhìyú* «что же касается», *chíle* «кроме», *duì... (láishuō)* «относительно». Предлог *guānyú* «относительно», обозначая сферу действия, в более частном случае – предмет беседы, отличается от предлога *duìyú*, обозначающего объект отношения; это различие хорошо видно из сопоставления двух следующих примеров: *Guānyú wǒmende xuéxí fāngfǎ, lǎoshi shuō yǒu hěn duō máobing* [Tóng Huijūn 1986: 86] «Относительно нашей методики обучения учитель заметил, что в ней много недостатков»; *Duìyú wǒmende xuéxí fāngfǎ, lǎoshi hěn mǎnyì* [Там же] «Нашей методикой обучения учитель вполне доволен».

Предлог *zhìyú* «что же касается» маркирует переход к новой теме, которой, как правило, сопутствует и новая рема. Эпизодически синтаксическим выражением темы может оказаться предложение.

Относительно предлога *chíle* «кроме / исключая» следует прежде всего заметить, что он может существовать в различных морфологических вариантах, в частности, в сложной форме, допуская различные комбинации первых и вторых компонентов: *chí* (*chíle, chíkai, chíku*)... *wài* (*yǐwài, zhīwài, érwài*). При позиции в начале предложения или перед сказуемым предложный оборот может обозначать как добавление, так и исключение. Первое значение поддерживается словами *hái* «еще» и *yě* «также» перед сказуемым, второе – соответственно словами *du* «все», *quán* «все» [Tóng Huijun 1986: 76]; ср.: *Cānjiā zhècì yìwù láodòngde, chíle sānbān, hái yǒu érban* [Zào jù cídiǎn 1991: 174] «На этот раз в добровольном труде, кроме третьей группы, приняла участие еще и вторая»; *Chí tā zhīwài, sìbùdǐ nǚrén tā dū néng zhēnjìngde lǐzhìde duidài* (13, 566) «За исключением ее, ко всем остальным женщинам он мог относиться спокойно и рассудительно».

При постпозиции к предикативу предложный оборот с *chíle* имеет только значение исключения (не считая ...), приобретая при этом оттенок некоторой оговорки по ходу дела: *Méiyǒu biéde shēngyīn chíle shuǐ dànde dīyǐ* (1, IV, 84) «Никаких звуков не было, кроме тихого плеска воды».

Предлог *duì* «в отношении» синонимичен предлогу *duìyú*, отличаясь от последнего преимущественно дистрибутивно. При глаголах с общим значением обращения к другому лицу семантика предложного оборота с *duì* варьируется от адресата до совмест-

ного участника, допуская в ряде случаев замену предлогами *gēi* «для» или *gēn* «с»: *duì tā tān zhège* «рассказать ему это»; *duì nǐ shāngliang zhèjian shì* «обсудить с тобой это дело»; *duì tā wēixiào* «улыбнуться ему». В остальных случаях этот предлог имеет значение, которое можно охарактеризовать как объект некоторого отношения: *duì tā kèqì* «быть вежливым с ним»; *duì tā yǒu yì* «быть неравнодушным к ней»; *duì qí gǎn xìngqu* «испытывать интерес к шахматам». При некоторых глаголах (*liǎojiē* «понимать», *zhùyì* «обращать внимание», *rènzhēn* «серезно воспринимать», *xiāngxìn* «верить», *guānxīn* «заботиться», *liúlian* «вспоминать») возможна инверсия дополнения с помощью предлога *duì* по следующей модели: *Wǒ hěn xiāngxìn tā* «Я очень верю ему» → *Wǒ duì tā hěn xiāngxìn* «Я ему очень верю».

Предлог *duì* обеспечивает предложному обороту возможность выступать в функции определения к существительному: *duì nǐde qǐngqǐ* «просьба к тебе», *duì tāde wūru* «оскорбление для нее», *duì tāde àiqing* «любовь к ней», *duì kǎoshide jīngyàn* «опыт по части экзаменов», *duì tāde yìnxìàng* «впечатление о нем».

Предлог *ba* как по своей роли в синтаксической организации предложения, так и ввиду явной «экстравагантности» образуемых с его помощью предложных оборотов, заслуживает особого разговора. Наиболее типичный и сравнительно простой случай употребления данного предлога – инверсия дополнения в предглагольную позицию по модели: *Wǒ xiě xìn* «Я пишу письмо» → *Wǒ ba xìn xiěhăole* «Я письмо написал». Хорошо известны и основные условия такой инверсии – детерминированность дополнения и финитность глагола: *Tā ba nèige chúnjiéde shàonǚde àiqing wánquán wàngdiàole* (1, IV, 246) «Он любовь этой чистой девушки совершенно забыл»; *Tā ba zhège rén kànle xījī* (1, I, 408) «Он этого человека долго разглядывал».

В коммуникативном плане назначение рассматриваемой инверсии – выдвижение в речь сообщения сказуемого, чем и обуславливается требование его финитности. Возможны примеры, когда глагол в конструкции с *ba* оказывается нефинитным, например, если исходное комплетивное сочетание располагается после модального глагола, однако и в подобных примерах соответствующий коммуникативный эффект полностью сохраняет свою силу: *Zìjǐ juéxìng yào wàngjì tā, ér tóngshí zìjǐ yǒu pīntìng bù kěn ba tā wàngjì* (1, I, 412) «Сам решил, что нужно забыть ее, и вместе с тем сам же никак не хотел ее забыть». Что касается детерминированности инверсируемого дополнения, то это требование может нарушаться, если высказывание в целом обозначает нечто неожиданное, непроизвольное, неконтролируемое: *Wǒ ba yīge huāping pèng dǎo le* «Я какую-то вазу разбил [Mǎ Xīwén 1987: 440]. Ср.: *Nǐ xiāng zài zhèr ba jiào shuì gòu, huījia qù kàn shū* (13, 279) «Ты думаешь здесь спать [букв.: сон – спать – вдоволь, инверсия «пустого» дополнения], а домой идти книги читать?».

Помимо рассмотренных преобразований существуют регулярные преобразования конструкций с участием слов со значением неотчуждаемой принадлежности, выступающих в функции определения. В таких случаях инверсии в предглагольную позицию подвергается не дополнение, а определение к дополнению по образцу: *bō júzide pí* «очистить кожуру мандарина» → *ba júzi bō pí* «мандарин очистить от кожуры». Аналогичные примеры: *ba huāshēng bōdiào kē* «арахис очистить от скорлупы», *ba guōzi pēishàng gài* «кастрюлю накрыть крышкой», *ba tóngzi zhàchu yóu* «из тунга выжать масло», *ba xìnfēng tiēshàng yóu piào* «на конверт наклеить марку» [Xiào Fǔ 1956: 378]. Иногда подобные преобразования оказываются применимы к атрибутивным сочетаниям без участия слов со значением неотчуждаемой принадлежности: *ba shìqing xiě bàogào* «о событии написать доклад», *ba huāping huàn shuǐ* «в цветочной вазе сменить воду». Видимо, к данным примерам примыкает и нижеследующий, менее «прозрачный»: *Nǐ xiān ba zhè gāng xiǎng ge bànfǎ ba, zánten yǐwèi shìge xiǎo gāng, yě méi dài gēn shéng lái* (3, 440) «Ты бы придумала, как быть с этим чаном [букв.: этому чану придумай способ], мы думали, что он маленький, даже веревки не захватили».

Рассмотренные нами инверсии дополнений и определений являются инверсиями «справа налево», из послеглагольной позиции в предглагольную, точнее – в позицию между подлежащим и сказуемым. Существуют, однако, конструкции, применительно к

которым возможна постановка вопроса об инверсии «слева направо», из абсолютного начала предложения в позицию между подлежащим и сказуемым. Это происходит в тех случаях, когда в силу формальных особенностей предикатива соответствующий семантический актант может на синтаксическом уровне быть представлен как слово-тема. Например, в отличие от русского двухместного глагола «скрывать» (что от кого) китайский глагол *máng* является одноместным (*mángzhe tā* «скрываю от него»). Объект (что скрывается?) может быть выражен с помощью слова-темы, которое при изменении актуального членения высказывания допускает перемещение с помощью *ba* в позицию между подлежащим и сказуемым, обретая при этом грамматический статус дополнения: *zhè jiàn shì wǒ mángzhe tā* «Это дело я скрываю от него» → *wǒ ba zhè jiàn shì mángzhe tā* «Я это дело скрываю от него». Еще примеры: *tā ba liǎn kàozhe tāde liǎn* (1, II, 263) «Она свое лицо придвинула к его лицу»; *zhǐxí mǎshàng ba zhège tiān fù biǎojué* (1, I, 357) «Председатель сразу же этот вопрос поставил на голосование».

Предлог *ba* может также вводить факультативное дополнение с инструментальным значением, выступая в данном случае синонимом предлога *yòng*. Такое своеобразное употребление *ba* уже отмечалось в литературе [Liú Shírú 1960: 172]: *nǐ jiù ba ài nǐ nǐ de xīn qù ài tāmen dàjiā ba* «Ты любовью к своей женшине люби всех» [Там же]. Еще примеры: *wǒ ba liǎng shǒu zhēzhù liǎn* (1, I, 289) «Я закрыл лицо руками»; *zūfū ba shǒu zài fuqinde jiān pāile liǎng xià biàn yānle qì* (14, 3) «Дедушка пару раз похлопал рукой по плечу отца и перестал дышать».

Предлог *ba* может выступать в качестве факультативного оформителя дополнений со значением места при их расположении между подлежащим и сказуемым. В этих случаях предлог *ba* до известных пределов синонимичен предлогу *zài* «в». Ср.: *tā zài zhuōzishang huàle hǎoduō dàoyìnzi* «Он на столе изобразил много узоров» (*zài zhuōzishang* «на столе» обозначение места «в чистом виде», возможный вопрос к высказыванию – «что он сделал на столе?»); *tā ba zhuōzishang huàle hǎoduō dàoyìnzi* перевод тот же, однако предложный оборот с *ba* явно тяготеет к объектной семантике – «что он сделал со столом?». Как видим, различия весьма тонкие. Ср. еще примеры: *Wǒ ba liǎnshàng guāle yī dào dà kǒuzi* «Я на лице во время бритья оставил большую рану» (что я сделал с лицом?); *Tāmen ba dìshang cǎile xǐduōde kèng* «Они на земле затоптали много ямок» (что они сделали с землей?); *Wǒ ba chuānghushang tōngle liǎngge yānr* «Я на окне проткнул два отверстия» (что я сделал с окном?) (примеры из [Lí Líndīng 1989: 299]).

Пожалуй, наиболее интересный и наиболее дискуссионный случай в употреблении предлога *ba* – факультативное оформление подлежащих в конструкциях с некоторыми непереходными глаголами по образцу: *tā bìngle* «Он заболел» → *ba tā bìngle* «≈ Его настигла болезнь». В литературе отмечается, что подобные конструкции с *ba* имеют каузативный оттенок и сам предлог допускает замену каузативными глаголами [Yán Kāidi 1983: 95; Jiāng Shàoyú 1997: № 4]. Тань Аошуан пытается следующим образом передать специфику данных конструкций с помощью русских переводов: *Zěnme ba fānrén pāole?* «Что сделали с заключенным, [что он смог] убежать?» [Тань Аошуан 1995: 44]; *tā xiàqùle. Shěnme a, ba tā xiàqùle* «– Он ушел (с политической сцены) – О чем ты говоришь, его ушли!» [Там же: 45].

В приводимых ниже примерах первые два довольно отчетливо демонстрируют каузативный оттенок рассматриваемых конструкций, т.к. содержат явное упоминание каузирующего фактора; последний пример менее определен в этом плане: *Záihui jiù shì shíjí lì lù, bù ba nǐ lèisile* (7, 419) «Туда-сюда будет десять с лишним ли, не утомит ли тебя?»; *Shěnme shir ba nǐ lè de?* «Что за дело тебя радует?»; *A, ba wǒ hún dū xià zǒule!* (5, 327) «Ой! Душу мою в пятки загнали!».

В настоящее время можно считать более или менее установленным круг глаголов, подлежащее которых, при его препозиции к глаголу, допускает оформление с помощью *ba* – это непереходные бытийные глаголы, в принципе допускающие постпозицию подлежащего: *lái* «приходить» (*lái kérén* «пришли гости»), *bìng* «заболеть», *sí* «умереть», *xiā* «ослепнуть», *lòu* «просочиться», *zhǒng* «опухнуть», *tā* «обвалиться»,

lán «сгнить», *duàn* «порваться» и др. [Chén Yáng 1997: 404]. Представляется вполне очевидным, что конструкции с *ba* при подлежащем не имеют отношения к трансформационным преобразованиям, тем не менее предпринимались попытки интерпретировать их «по общему правилу» как особого рода инверсии. Конструкции с предподлежащим *ba* предлагается рассматривать как результат «возврата» подлежащего в предглагольную позицию, так что трансформационная история подобных конструкций имеет вид: *nà sānge háizi bìng* «Те три ребенка заболели» → (*jīntiān bānlí*) *bìng sānge háizi* «(Сегодня в группе) заболели три ребенка» → *Ba sānge háizi dū bìng* «Три ребенка заболели» [Chén Yáng 1997: 404]. Данная интерпретация не представляется убедительной. Если исходной считается конструкция с предглагольным подлежащим, как это можно заключить из представленной схемы, то вопрос о «возврате» подлежащего в эту позицию вообще не возникает. Если за исходную бытийную конструкцию принять структуру с послеглагольным подлежащим, то «возврат» подлежащего в предглагольную позицию, для всех без исключения глаголов, осуществляется простым перемещением подлежащего, и только для части глаголов оказывается допустимым, но вовсе не обязательным, наличие предлога *ba* при подлежащем.

Если в рассмотренных примерах с предподлежащим *ba* мы имеем дело с выражением факультативного квазикаузативного значения, то обязательное выражение этого же значения представлено в конструкциях с результативными глаголами, не допускающими послеглагольной позиции именного дополнения, в связи с чем данные конструкции также не подпадают под понятие трансформов: *zhè bāo yīshāng ba wō xǐlèile* «Эта кипа одежды меня утомила стиркой» (букв.: ...меня – стирать – утомлять) [Mǎ Xīwén 1987: 428]; *zhè huà ba sānge rén dū tīngdāile* (8, 181); «От этих слов все трое остолбенели» (букв.: эти – слова – трех – человек – слушать – остолбенеть); *wō méi fǎzi ba bàodòng gǎo chénggōng* (4, 62) «У меня нет способа привести восстание к успеху».

Для полноты картины нам осталось упомянуть еще один тип конструкций с *ba*, применительно к которым также не возникает вопрос о трансформационных отношениях. Такие конструкции образуют глаголы с общим значением «считать что чем» или «сделать что чем». В их составе дополнение с предлогом *ba* (или синонимичными ему в данном употреблении предлогами *ná*, *jiāng*) всегда предшествует глаголу и входит в его оптимальное окружение [Zhāng Zhīgōng 1954: 60]: *nǐ ba shìqing kànde tài jiǎndānle* (6, IV, 152) «Ты слишком просто смотришь на вещи»; *tā ba wǒmen dū dāngzuò cǎobāo* (1, VIII, 132) «Он нас всех соломенными тюфяками считает»; *wō hǎo bāngzhù nǐ ba tā nòng dào shǒu* (11, 252) «Я помогу тебе прибрать ее к рукам».

В общелингвистическом плане весьма любопытны конструкции с некоторыми из рассматривавшихся выше предлогов отглагольного происхождения, привычно именуемых «глаголы–предлоги»: *zài* «находиться / в», *wǎng* «направляться / по направлению к», *xiàng* «направляться / в направлении», *dào* «приходить / до», *gěi* «давать / для». При употреблении перечисленных слов после глаголов, особенно односложных, возникает вопрос об их грамматическом статусе. Речь идет о конструкциях типа *tā zuòzài chuángshàng* «Он сел на кровать» (букв.: он – садиться – *zài* – показ. перфекта – кровать – верх). В подобных конструкциях глагол в сочетании с послеглагольным элементом могут быть истолкованы либо как результативная конструкция, в которой второй глагол обозначает результат действия, выраженного первым (сел [и] оказался на ...), либо как сочетание глагола с предложной конструкцией в постпозиции. Иными словами, элемент *zài* в приведенном нами примере может быть истолкован либо как глагол, либо как предлог. Это относится и к остальным словам из приведенного списка. Существуют доводы в пользу как глагольного, так и предложного характера рассматриваемых элементов. Эти доводы хорошо подытожены в [Янкивер 1965] и в несколько сокращенном виде могут быть представлены следующим образом.

В пользу предложного характера:

1) рассматриваемые элементы, стоящие в сочетании с именем перед глаголом, суть предлоги, поэтому и в позиции после глагола также являются предлогами;

2) рассматриваемые элементы в сочетании с именем можно переместить из постпозиции к глаголу в препозицию, где их принадлежность к предлогам не вызывает сомнений [Янкивер 1965: 99].

В пользу глагольного характера:

3) после рассматриваемых элементов может стоять глагольный суффикс *le* (см. приведенный пример);

4) рассматриваемые элементы составляют одну фонетическую единицу с предшествующим глаголом, пауза следует после этих элементов [Там же: 100].

Представляется, что все перечисленные доводы в той или иной степени уязвимы для критики.

Первый довод не безупречен чисто логически. С равным основанием можно сказать, что рассматриваемые элементы в позиции после глагола суть глаголы, поэтому и в предглагольной позиции также должны рассматриваться в качестве глаголов. Первый довод, видимо, исходит из предпосылки, что инверсия не может изменять категориальной (частеречной) отнесенности слова. Это представляется убедительным, если речь идет о сформировавшейся грамматической системе с ясно очерченными категориальными границами, но не применительно к процессу грамматикализации.

Второй довод является вариантом первого, подразумевая наличие сильной диагностической позиции, постановкой в которую проясняется природа сомнительных грамматических явлений. Однако, как первый, так и второй довод, по сути дела сводятся к постановке вопроса: может ли синтаксическая инверсия менять категориальную (частеречную) принадлежность слова? Применительно к процессу грамматикализации положительный ответ на этот вопрос не может быть категорически исключен. Правда, применительно к подобным случаям более корректно было бы говорить не об инверсии как таковой, а о различной позиции различных грамматических конструкций.

Третий довод можно было бы, в принципе, считать сильным свидетельством в пользу глагольного характера рассматриваемых элементов, однако приняв этот довод, мы должны либо признать, что линейное преобразование конструкции может вести к изменению категориальной отнесенности ее компонентов, либо отвергнуть трансформационные отношения в примерах типа: *wǒ jiāo gěi nǐ zhège rènwù* «Я поручаю тебе эту задачу» → *wǒ gěi nǐ jiāo zhège rènwù* «Я тебе поручаю эту задачу».

Что касается четвертого довода, то, пожалуй, он не слишком убедителен фактически: тесное фонетическое примыкание предлога к предшествующему глаголу – явление вполне возможное, хотя и свидетельствующее о некоторой специфике подобных предлогов: *wǒ wánquán méi yōu xiǎngdào!* (12, 137) «Я совсем и не думал об [этом]!». В данном примере едва ли можно усмотреть результативную или иную связь между составляющими комплекса *xiǎngdào* «думать о...».

Поскольку в нашем материале явно представлен процесс грамматикализации некоторых знаменательных слов, целесообразно рассмотреть все стадии этого процесса.

I. Рассматриваемые слова могут быть самостоятельными глагольными сказуемыми: *tāde zuòwei zài diyī pái* (1, I, 358) «Ее место находится в первом ряду»; *diànché dàole zhōngdiǎn* (1, III, 146) «Трамвай прибыл на конечную станцию»; *wǒ gěi nǐ qián* «Я даю тебе деньги».

II. Рассматриваемые слова употребляются после односложных глаголов, обнаруживая с ними семантическое согласование, что дает в итоге сочетание с результативным типом связи между составляющими [Янкивер 1965: 101]: *tiào zài* «прыгнуть в» (букв.: прыгнуть – оказаться в...), *diào zài* «уронить на...», *tāng zài* «лечь на...», *zhàn zài* «встать на...», *zǒu dào* «подойти к...» (букв.: идти – прийти), *sòng dào* «проводить до», *jì dào* «послать куда», *jiāo gěi* «передать» (букв.: вручить – дать), *huáng gěi* «вернуть», *sòng gěi* «подарить».

Именно в данной сфере имеет место присоединение видо-временного *le* к результативному сочетанию при описании динамических ситуаций; ср.: *qiú luòzàile shuǐ* «Мяч упал в воду», но *tā zhù zài Běijīng* «Он живет в Пекине».

III. Рассматриваемые слова, или по меньшей мере, некоторые из них, расширяя свою сочетаемость, начинают утрачивать семантическое согласование с предшествующим глаголом. Семантически здесь нет результативной связи, хотя формально допускается характерная для результативных конструкций форма возможности / невозможности: *zhǎo* «искать» → *zhǎodào* «найти» (*zhǎodedào* «иметь возможность найти»; *zhǎobudào* «быть не в состоянии найти»). Аналогично: *xiāngdào* «подумать», *fèngdào* «услышать». Невозможно истолковать *zài* в нижеследующих примерах как результативный член, несмотря на послеглагольную позицию этого слова: *kàn zài zhír miànshàng* (12, 61) «Посмотри на лицо своего племянника»; *ubì yīge nīgū, céngjīng diàosī zài zhèlì* (12, 72) «Когда-то одна монахиня здесь повесилась».

IV. Дальнейшая грамматикализация рассматриваемых элементов связана, во-первых, с развитием дополнительных значений, в частности, предела и степени (*dēng dào sāndiǎn* «ждать до трех часов», *hē dào bānzui* «напиться до беспамятства»), которые лишь метафорически могут быть сопоставлены с исходными пространственными значениями; во-вторых, с переносом сочетания в предглагольную позицию, типичную для предложных оборотов.

Завершением рассматриваемого процесса следует, видимо, считать то, что некоторые сочетания односложных глаголов с *zài* и *dào* превратились в единые слова, отличные от исходных глаголов [Chǔ Zéxiáng 1998: 253]. Некоторые авторы рассматривают в качестве единых слов примеры *fēngēi* «выделить (что кому)», *mài gēi* «продать (что кому)», *jī gēi* «отправить (что кому)», так что пример *gēi tā ná xíngli* «ему поднести багаж» не может интерпретироваться как трансформ примера *ná gēi tā xíngli* «поднести ему багаж» [Hú Zhú'ān 1960: 222–223]. Именно два последних трансформа, точнее – трансформы такого типа – являются поистине камнем преткновения для интерпретации рассматриваемого материала. Дело в том, что эта интерпретация не может быть окончательно сформулирована вне широкого теоретического контекста, и ключевой вопрос здесь – каков «удельный вес» трансформационных преобразований в грамматическом описании. Если исходить из того, что дескриптивный подход к китайскому материалу не может обойтись без подробной разработки трансформационного аспекта, то крайне нежелательны подходы, ведущие к отрицанию очевидной соотносительности конструкций. В конфликте теории и очевидности предпочтительнее попытаться скорректировать теорию. В нашем случае это можно сделать за счет терминологического уточнения. Введем понятие «включаемый предлог» – по аналогии с отделяемыми приставками немецкого языка. Логика данного подхода – та же самая, что и в нижеследующем рассуждении. Переходные глаголы выделяются по способности иметь дополнение, но в пассивных конструкциях переходный глагол утрачивает это свойство, продолжая оставаться переходным. Так и служебное слово: его главный признак – отделяемость, но из этого не обязательно следует, что данный признак сохраняется во всех ситуациях [Кассович 1988: 147].

Включаемый предлог – это такой предлог, который при описании динамических ситуаций способен столь тесно прымывать к односложному глаголу, что видо-временные показатели располагаются после этого двусложного сочетания. Немецкие отделяемые приставки, отделяясь от глагола, самостоятельно перемещаются по предложению, сохраняя при этом свой исходный грамматический статус. Приняв аналогичный подход к китайским включаемым предлогам, можно значительно упростить описание и обойти ряд вопросов, решение которых затруднительно с помощью традиционного понятийного аппарата. Подход, очень близкий к изложенному, но в менее строгом терминологическом оформлении, представлен в [Liú Dānqīng 2001: 397].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Есперсен 1958 – *O. Есперсен*. Философия грамматики. М., 1958.
- Касевич 1988 – *В.Б. Касевич*. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Никитина 1959 – *Т.Н. Никитина*. Предлоги и союзы в древнекитайском языке // Проблемы востоковедения. 1959. № 4.
- Панфилов 1993 – *В.С. Панфилов*. Грамматический строй вьетнамского языка. СПб., 1993.
- Панфилов 2003 – *В.С. Панфилов*. Формализованный подход к выделению грамматических классов слов в китайском языке // ВЯ. 2003. № 6.
- Санников 1986 – *В.З. Санников*. Значение союза НО: нарушение «нормального» положения вещей // ИАН СЛЯ. 1986. № 5.
- Тань Аошуан 1995 – *Тань Аошуан*. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка). М., 1995.
- Черемисина, Колосова 1987 – *М.И. Черемисина, Т.А. Колосова*. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987.
- Янкивер 1965 – *С.П. Янкивер*. О грамматической природе *дао*, *цзай*, *гэй*, *сян* и *ван* в постпозиции к глаголу // Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1965.
- Chén Yáng 1997 – *Chén Yáng*. Míngcí duǎnyǔde duōzhòng yíwèi xíngshí jí bazijùde gòuzào guòchéng yǔ yǔyì jiěshì // Zhōngguó yǔwén. 1997. № 6.
- Chǔ Zéxiáng 1998 – *Chǔ Zéxiáng*. Dòngcídé kōngjiān shìyìngxìng qíngkuàng kǎochá // Zhōngguó yǔwén. 1998. № 4.
- Hú Zhú'ān 1960 – *Hú Zhú'ān*. Dòngcíhoude «gěi» de cíxìng hé shuāng bīnyǔ wèntí // Zhōngguó yǔwén. 1960. № 5.
- Jiǎng Shàoyú 1997 – *Jiǎng Shàoyú*. Bazijù luèlùn // Zhōngguó yǔwén. 1997. № 4.
- Lí Líndìng 1989 – *Lí Líndìng*. Míngcí duǎnyǔ bǔyǔ jùxī // Zhōngguó yǔwén. 1989. № 4.
- Liú Dānqīng 2001 – *Liú Dānqīng*. Hanyǔ gěiyǔlèi shuāng jíwù jiégòude lèixíng xué kǎochá // Zhōngguó yǔwén. 2001. № 5.
- Liú Shírú 1960 – *Liú Shírú*. «Ba» hé «Yǐ» // Zhōngguó yǔwén. 1960. № 4.
- Liú Yuèhuā 1989 – *Liú Yuèhuā*. Hanyǔ yǔfǎ lùnji. Běijing, 1989.
- Lǚ Shúxiāng 1996 – *Lǚ Shúxiāng*. Xiàndài Hanyǔ bābái cí. Běijing, 1996.
- Mǎ Xīwén 1987 – *Mǎ Xīwén*. Yǔ dòngjiéshì yǒu guānde mǎuxie jùshì // Zhōngguó yǔwén. 1987. № 6.
- Tóng Huìjūn 1986 – *Tóng Huìjūn*. Wàiguórén xué Hanyǔ bìngjù fēnxī. Běijing, 1986.
- Wáng Huán 1957 – *Wáng Huán*. Shuō «zài» // Zhōngguó yǔwén. 1957. № 2.
- Xiào Fǔ 1956 – *Xiào Fǔ*. «Hái yǒu» zhi lèide zhuījiā zuòyòng (fùshuō «lián» zì) // Zhōngguó yǔwén. 1956. № 4.
- Yán Kāidì 1983 – *Yán Kāidì*. Bazijù wèiyǔzhong dòngzuòde fāngxiàng // Zhōngguó yǔwén. 1983. № 2.
- Yáng Xīn'ān 1960 – *Yáng Xīn'ān*. Shuō «gěi» // Zhōngguó yǔwén. 1960. № 2.
- Zào jù cídiǎn 1991 – *Zào jù cídiǎn*. Wáng Xìngyì zhǔbiān. Běijing, 1991.
- Zhāng Zhìgōng 1954 – *Zhāng Zhìgōng*. Hanyǔ yǔfǎ chángshí. Běijing, 1954.

© 2009 г. Ю.Я. БУРМИСТРОВИЧ

ПОЗИЦИОННЫЕ СМЯГЧЕНИЯ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обосновывается положение о том, что смягчений заднеязычных согласных, вызванных гласными переднего ряда, в истории праславянского языка было не три, как об этом пишут во всех учебниках, а не менее семи (смягчение заднеязычных, вызванное согласным [j'], – так называемая йотация или йотовая палатация, – как явление, совершенно иное по механизму осуществления, в данной статье не рассматривается), причем были они весьма неодинаковыми, а именно: две переходные палатации, одна неперходная палатация, две переходные палатализации и две неперходные палатализации. При этом обосновывается и их хронология.

Обычно, когда говорят о смягчениях заднеязычных согласных в праславянском языке, отмечают, что этих смягчений было три, и, учитывая последовательность осуществления каждого из них, их обозначают порядковыми номерами: первое, второе, третье. Первым смягчением называют изменение заднеязычных в шипящие перед так называемыми первичными гласными переднего ряда, т.е. перед переднерядными гласными исконно монофтонгического происхождения. Вторым смягчением называют изменение заднеязычных в свистящие перед так называемыми вторичными гласными переднего ряда, т.е. перед переднерядными гласными дифтонгического происхождения. Третьим смягчением называют изменение заднеязычных в свистящие же после некоторых гласных переднего ряда разного происхождения, а также после палатализованного [r'] и в то же время перед гласным непереднего ряда [ā]. Нетрудно увидеть, что все представленные здесь смягчения оказались *переходными*, т.е. изменением заднеязычных в другие типы звуков. Абсолютное большинство исследователей все рефлексы всех этих смягчений считает «мягкими» и все процессы всех этих смягчений называет одинаково – палатализациями.

Только что приведенное описание всех этих трех палатализаций, только с большей детализацией и с примерами, дается практически в каждом учебнике, где описываются праславянские фонетические процессы. Но все эти три палатализации, к сожалению, всегда рассматривались довольно односторонне – только с точки зрения *сintагматической связи* заднеязычных согласных и рядом стоящих гласных переднего ряда, конкретнее только с точки зрения синтагматических позиций их друг относительно друга. *Парадигматические связи* рефлексов (результатов) этих палатализаций вообще не рассматривались, а без такого рассмотрения настоящего понимания историко-языковых явлений получиться не может. Р.О. Якобсон еще в 1931 году писал: «Звуковое изменение нельзя понять, не выяснив его роли в системе языка» [Якобсон 1985: 117]. Из-за этой односторонности, несмотря даже на большую работу, проведенную традиционным языкознанием в области изучения синтагматических связей заднеязычных согласных и гласных переднего ряда, возникает ряд вопросов, на которые в традиционных описаниях ответов нет:

1) Если все эти процессы по самой своей сути были одинаковыми, а именно палатализациями, то почему в одних случаях они породили одни рефлексы (шипящие), а в других – другие (свистящие)?

2) Действительно ли все эти рефлексы были только «мягкими» и если это было так, то почему бы им не совпасть в одном типе – скажем, в шипящих, которые появились раньше всех других?

3) Что было причиной возникновения всех этих палатализаций? Обычно такой причиной считают действие закона сингармонизма, но в связи не с одной, а с тремя такими палатализациями и с тремя же (или хотя бы с двумя) разными их рефлексами сколько действовало таких законов – каждый раз один и тот же или каждый раз разные? И если это были разные законы, то не были ли в праславянском языке разными и сингармонизмы, причем и разными по-разному: с одной стороны, разными по отношению к разным частям фонетической оболочки слова (слог и не слог), а с другой стороны, разными по отношению к характеру взаимоотношений рядом стоящих в словах согласного и гласного звуков?¹

4) Не говоря эксплицитно о разных сингармонизмах, некоторые ученые предположили, что рефлексы так называемой 2-й палатализации были «полумягкими», а рефлексы так называемой 3-й палатализации – «мягкими». Как же эти разные рефлексы совпали: «полумягкие» перешли в «мягкие» или «мягкие» перешли в «полумягкие»? А может быть, с самого начала они были одинаковыми?

5) Если в праславянском языке действовал закон сингармонизма (неважно – какой именно или какие именно), то как быть с первыми слогами таких праславянских слов, как довольно раннее **hribitās* ‘спина’ и как довольно позднее **hērī* ‘серь, нечто серое’ (отражено в новгородских берестяных грамотах в виде *хърь* – [Зализняк 1995: 37])? Была ли тут какая-нибудь палатализация или не было никакой? Если была, то она была явно другая по сравнению с тремя вышеназванными, а именно **непереходная**. Почему же тогда она не учтена? А если не была, то не было и никакого закона сингармонизма. Но если не было законов сингармонизма, то как же объяснить возникновение всех трех палатализаций, которые в качестве переходных описываются во всех учебниках?

Все эти вопросы ставят задачу разобраться и в таких более общих вопросах:

1) Сколько же в праславянском языке было на самом деле смягчений заднеязычных согласных?

2) Какими были эти смягчения?

3) Какими были тональности рефлексов (результатов) каждого из осуществленных смягчений?

В данной статье мы и ставим задачу ответить на эти вопросы. Естественно, что эти ответы смогут иметь хоть какую-то цену лишь в том случае, если они будут даны не так, чтобы они были приняты только на веру, а так, чтобы они были обоснованы.

¹ В словарях лингвистических терминов под сингармонизмом чаще всего понимают ассимиляцию, или уподобление, аффиксальных гласных корневым гласным в словах агглютинативных языков (в частности, тюркских), т.е., по сути, речь в словарях идет лишь о межсловом уподоблении гласных звуков [Кротевич, Родзевич 1957: 151; Ахманова 1966: 405; Розенталь, Теленкова 1976: 377–378]. Иногда говорят об уподоблении и согласных звуков [ЛЭС 1990: 445]. Но если следовать этимологии этого термина (от греч. *συν* ‘с, вместе’ и *ἁρμονία* ‘связь, скрепа; правильное и прекрасное соотношение всех частей в каком-либо предмете, гармония, созвучие, соразмерность; стройный порядок’ [Вейсман 1991: 1186, 197], то термин «сингармонизм» вполне уместно понимать как любую гармонию звуков в слове, в том числе и как гармонию или просто **совместимость** соседних **согласного и следующего за ним гласного** звуков в составе одного и того же слога. Рядом стоящие в слове согласный и следующий за ним гласный естественным образом стремятся вместе составить **звукосочетание**. Но оно возможно лишь в том случае, если эти согласный и гласный в **соответствии с действующим в языке фонетическим законом совместимы** друг с другом. Если же эта совместимость (соотносительно – гармония) почему-либо оказывается нарушенной, – например, из-за того, что в языке начинает действовать новый фонетический закон, а значит, и новые основания для совместимости соседних согласного и гласного, – то в группе таких соседних звуков должны произойти какие-то изменения по приспособлению звуков друг к другу уже на этих новых основаниях. В праславистике это понимание сингармонизма, несмотря на отсутствие соответствующего определения в большинстве терминологических словарей (но, впрочем, см. [Бордунова 1988: 62]), практически всеми и используется.

Прежде чем излагать нашу точку зрения и наши обоснования по каждому из этих вопросов, напомним точки зрения, существующие в литературе. Несмотря на то, что в абсолютном большинстве работ представлена одна точка зрения, все же те вопросы, которые поставлены нами, нет-нет всплывали и перед другими исследователями, хотя и не в таком полном виде.

По вопросу о количестве смягчений заднеязычных согласных в праславянском языке пока существует лишь одна точка зрения: смягчений было три и все они были переходными. О непереходных смягчениях пока никто не говорил, и, думается, не потому, что их не было, а потому, что они пока не были замечены. А не были замечены они потому, что соответствующий материал просто не подвергался анализу. Многое старое переходило из книги в книгу без анализа.

Что касается названий (а значит, и качества) этих смягчений, то у всех авторов, кроме одного, название одно – палатализации. Единственный автор, который решил использовать другой, по его мнению, более точный термин, был белорусский учёный В.Н. Чекман, который, считая все рефлексы всех смягчений только «мягкими» (или палатальными), назвал все эти процессы **палатациями**, специально подчеркнув, что только палатации порождают «мягкие» (или палатальные) звуки, а палатализации порождают «полумягкие» (или палатализованные) звуки [Чекман 1979: 49 и сл.].

Нужно заметить, что само разграничение этих разных процессов впервые было осуществлено скандинавским учёным Б. Каллеманом, который для полусмягчения использовал немецкий термин «**Palatalisation**», а для полного смягчения – немецкий термин «**Palatalisierung**» [Calleman 1950]. В.Н. Чекман перевел эти термины на русский язык следующим образом: **Palatalisation** – палатализация, а **Palatalisierung** – палатация. Русские термины оказались явно удачнее немецких, потому что в термине «**палатация**» убрано, наконец, звукосочетание **-лиз-**, которое имеется в термине «**палатализованный**», но которого нет в термине «**палатальный**», и, следовательно, термин «**палатация**» уже не порождает ненужных, ошибочных ассоциаций. Надо заметить еще и то, что и до сих пор последний термин В.Н. Чекмана никто, кроме нас [Бурмистрович 2001; 2006: 35], не употребляет, и это, безусловно, является крупным недостатком соответствующих работ, вышедших в свет после работ В.Н. Чекмана, ибо полумягкие (палатализованные) и мягкие (палатальные) согласные – это разные согласные (и звуки, и фонемы), а значит, и процессы, которыми эти разные звуки были порождены, были разными. Следовательно, и обозначать эти разные процессы нужно разными терминами.

Переходя к существующим точкам зрения по вопросу о тональности рефлексов смягчений праславянских заднеязычных согласных, нужно заметить, что таких точек зрения имеется гораздо больше, чем точек зрения по вопросу о количестве и качестве процессов смягчения. Вообще разновидности тональности (или тонального признака) любых звуков, в частности, согласных и в их числе рефлексов смягчений заднеязычных, обозначаются различными типами терминов, а именно акустическими, артикуляционными и даже метафорическими (как это ни покажется странным, метафорические термины являются наиболее распространенными). Так как все учёные, которые высказались о тональностях рефлексов учтенных праславянских смягчений, пользовались только метафорическими терминами («мягкость», «полумягкость»), то в рассказе об их взглядах мы будем употреблять эти метафорические термины, отложив разговор об акустических и артикуляционных терминах на то время, когда мы перейдем к своему взгляду на тональности освещаемых здесь и заднеязычных согласных, и рефлексов их смягчений.

Упомянутые точки зрения по рассматриваемому вопросу сводятся к следующему:

1) Все смягчения породили **мягкие** рефлексы, но первое смягчение – шипящие, а второе и третье – свистящие. Так считает абсолютное большинство учёных.

2) **Первое** смягчение породило **мягкие** шипящие, **второе** – **полумягкие** свистящие, **третье** – **мягкие** свистящие. Так, опираясь на Н. Ван-Вейка [Ван-Вейк 1950: 306], посчитал С.Б. Бернштейн [Бернштейн 1961: 208]. Его поддержали Б.И. Скупский

[Скупский 1965: 153], С.Ю. Адливанкин [Адливанкин 1971: 115, 121], А.М. Камчатнов [Камчатнов 1998: 52], М.Л. Ремнева [Ремнева 2004: 150], а Н.Г. Самсонов [Самсонов 1991: 74] и Р.В. Алимпиева [Алимпиева 1996: 75–76] не столько поддержали эту точку зрения, сколько отметили ее, что, вообще говоря, тоже важно, ибо большинство авторов никаких других точек зрения, кроме той, согласно которой все рефлексы всех смягчений были мягкими, даже не упоминают.

3) **Первое смягчение породило мягкие шипящие, второе – полумягкие свистящие, третье – мягкие свистящие, но потом свистящие, получившиеся по третьему смягчению, перешли в полумягкие и, таким образом, совпали по тональности со свистящими, получившимися по второму смягчению.** Так считает М.Ф. Станивский [Станівський 1983: 105].

4) Все смягчения породили полумягкие рефлексы, но первое – шипящие, а второе и третье – свистящие. Так в 1974 г. считала Г.И. Климовская [Климовская 1974: 60–62]. В своем учебнике 2003 г. [Климовская 2003: 102–109] автор не подчеркивает полумягкости рефлексов всех смягчений, но обозначает все эти рефлексы обычным знаком мягкости – запятой справа и чуть выше буквы, обозначающей соответствующий рефлекс, например: [č'], [c']. Правда, у нее есть и такие транскрипции: [tðč'q], [sūš'a], но кажется, что этим Г.И. Климовская подчеркнула не столько полумягкость шипящих согласных, сколько то, что в старославянских написаниях *точк*, *соуша* буквы *ж* и *а* после букв, обозначающих шипящие согласные, не отражали оттенка переднего звучания гласных [q] и [a].

То, что существуют разные взгляды на один и тот же факт, – явление в науке обычное. Но тут плохо то, что ни один автор, кроме С.Б. Бернштейна, никак не обосновывает свою точку зрения.

Наша точка зрения и по вопросу о количестве праславянских смягчений заднеязычных, и по вопросу о качестве этих процессов, и по вопросу о тональностях получившихся рефлексов этих процессов отличается от всех приведенных выше. Так как в рассказе об этой нашей точке зрения, даже в первых строках этого рассказа, мы активно употребляем не только и не столько метафорические, сколько акустические и артикуляционные термины для обозначения тональных признаков звуков, то предварительно покажем в Таблице 1 на соотношениях всех этих терминов.

Таблица 1

Термины метафорические	Термины акустические и их символы	Термины артикуляционные
Твердость	бемольность — C° и недиезность — C	велярность и лабиовеляризованность
Полумягкость	диезность — C'	непалатализованность
Мягкость	нейтральность — C'	палатализованность
		палатальность

Обратим особое внимание на термины акустические: с одной стороны, потому, что в стандартных учебниках они употребляются реже других, с другой стороны, потому, что с их помощью легче, чем с помощью других терминов, можно показать фонетическое развитие праславянского языка. Здесь прежде всего целесообразно упомянуть, что одной из первых классификаций акустических признаков тона (или тональных признаков) звуков явилась классификация Р.О. Якобсона, Г.М. Фанта и М. Халле, представленная в их совместной работе, вышедшей впервые в 1955 г. [Якобсон, Фант, Халле 1962: 193–204]. Согласно этой классификации указанный подкласс акустических признаков включает в себя три отдельных двоичных признака, способных к разного рода взаимодействию друг с другом, а именно: а) признак высоты (низкий – высокий),

б) признак бемольности (бемольный – простой), в) признак диезности (диезный – простой). Эта классификация используется в синхронической фонемологии [Панов 1979: 52–54, 57–58; Совр. русск. яз. 1979: 38]. В диахронической же фонемологии вполне оправдала себя несколько иная классификация, согласно которой подкласс акустических признаков тона включает в себя лишь один, но зато четверичный признак тона, имеющий такие четыре разновидности, как бемольность, недиезность (она же небемольность), диезность, нейтральность. В связи с этим естественно, что при известной соотносительности этих двух классификаций полного соответствия между ними нет.

Теперь можно перейти к тому, чтобы указать, на что мы опираемся при выявлении рассматриваемых процессов и их рефлексов и в чем основные отличия нашей точки зрения от всех других.

Во-первых, вслед за Б. Каллеманом и В.Н. Чекманом мы четко разграничаем палатации и палатализации праславянских заднеязычных, считая, что палатациями порождались палатальные (нейтральные, «мягкие») звуки, а палатализациями – палатализованные (диезные, «полумягкие») звуки. Но в отличие от всех других авторов, в том числе и от В.Н. Чекмана, мы обнаруживаем, что в истории фонематической системы праславянского языка происходили не однотипные смягчения заднеязычных (т. е. или только палатации, или только палатализации), а разнотипные их смягчения (т. е. и палатации, и палатализации).

Во-вторых, мы учитываем не только переходные палатации и палатализации заднеязычных, но и неперходные.

В-третьих, мы используем теорию группофонем В.К. Журавлева [Журавлев 1961; 1963; 1965; 1966; 2005; 2007]. См. также [Бурмистрович 2007а], которая помогла не только констатировать все праславянские фонетические процессы и их рефлексы, но и объяснить их².

Прежде чем характеризовать наше представление о процессах, заставивших праславянские заднеязычные согласные переходно или неперходно и в большей или в меньшей степени смягчиться, укажем в таблице, какую была периодизация истории фонематической системы праславянского языка. Предварительно заметим, что существуют разные построения такой периодизации и что то построение, которое принимаем мы, представляется наиболее логичным, потому что оно опирается на самые важные явления в истории праславянской фонематической системы, а именно на самые глобальные процессы и на те фонетические и фонематические законы, каждый из которых господствовал на протяжении или целого периода, или достаточно самостоятельного подпериода (или этапа) внутри крупного периода (см. Таблицу 2).

Если иметь в виду все праславянские процессы смягчений заднеязычных согласных гласными переднего ряда и при этом учесть историческую последовательность всех этих процессов, то они выглядят так:

1. Первая переходная палатация в раннем периоде существования праславянского языка по фонетическому закону внутригруппофонемного сингармонизма – тип

² Следует отметить, что теория группофонем В.К. Журавлева явилась закономерным обобщением многолетних поисков в этом направлении целого ряда ученых, таких, например, как Л.В. Щерба [Щерба 1983 (1-е издание – 1912)], Р.О. Якобсон [Jakobson 1929], Д.В. Бубрих [Бубрих 1930], Е.Д. Поливанов и О.В. Плетнер [Поливанов, Плетнер 1930], Л.П. Якубинский [Якубинский 1953, реально книга была написана еще в 1930-х гг.], Р.И. Авансов [Авансов 1947], Н.Ф. Яковлев [Яковлев 1948], А. и Е. Драгуновы [Драгуновы 1955], С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1958], М.В. Гордина [Гордина 1959] и др. После того, как В.К. Журавлевым была создана теория группофонем, эта теория была использована в целом ряде работ следующих поколений ученых, в том числе и в работах учебного характера [Макаревич 1986; 2001; Попова 1996; Попова, Кретов 1996; Бурмистрович 1995; 2001; 2006; 2008; Петров 1997; 2001; Нилогов 2003]. Интерес к этой теории проявился и в ряде рецензий, вышедших в последние годы в России [Кретов 2002; Федоров 2007], Украине [Глушенко, Орел 2007], Чехии [Бранднер 2008]. Это и понятно, ибо названная теория сумела дать ответы и на такие вопросы, на которые ни одна другая теория ответить не сумела.

Таблица 2

Глобальный процесс	Фонетический или фонематический закон, который был вызван глобальным процессом и который в свою очередь вызвал частные процессы, обеспечившие осуществление глобального процесса	Период	Подпериод или этап
Формирование группофонем	Фонетический закон <u>внутригруппофонемного сингармонизма</u> (сингармонизма внутри простой группофонемы)	Ранний	—
Генерализация группофонем	Фонетический закон <u>строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем</u> внутри сложной группофонемы и подчиняющийся ему фонетический закон <u>внутригруппофонемной восходящей звучности</u>	Средний	1-й этап
	Фонетический закон <u>внутрислоговой восходящей звучности</u> (он же закон открытых слогов)		2-й этап
	Фонетический закон <u>внутрислогового сингармонизма</u> (сингармонизма и внутри сложной группофонемы, и внутри слова, совпавшего с группофонемой)		3-й этап
Разрушение группофонем	Фонематический (не фонетический!) закон <u>парадигматической передвижки гласных</u> фонем в своей подсистеме и частный фонетический закон <u>межслогового сингармонизма</u> (причем сингармонизма не между гласными разных слов, а между гласным и последующим согласным разных слов) ³	Поздний	—

h° + 'I₁ → '(§'I₁)⁴, например: *sāhētēi → *(sā)u'(§'I₁) '(t''ē)i, сп. будущее русское *сушить*, а также тип h° + 'ē → '(§'ē) → '(§'ā), например: *slāhētēi → *s(lā)u'(§'ē) '(t''ē)i → → *s(lā)u'(§'ā) '(t''ē)i 'слушать'.

2. Первая непереходная палатализация на 1-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем (C_ш C_с S ū)⁵ внутри

³ О различии фонетических и фонематических законов см. [Бурмистрович 2007б].

⁴ h° – любой заднеязычный из серии g, k, h (кружок справа и чуть выше буквы, обозначающей заднеязычный согласный, означает бемольность, сниженный тон, соответствующего заднеязычного); 'I₁ – любой гласный переднего ряда первичный, т.е. исконный, из серии I, ī, ē, ī – на эту первичность указывает цифра 1 справа и чуть ниже буквы, обозначающей гласный переднего ряда (черточка над буквой, обозначающей гласный, означает долготу этого гласного, а дужка рожками вверх над такой буквой – краткость этого гласного; точка слева и чуть выше буквы, обозначающей гласный переднего ряда, означает диезность, повышенный тон, соответствующего гласного переднего ряда); §' – любой шипящий из серии ȝ' → ž', č', š' – на эту шипящесть указывает гачек, уголок, над соответствующей буквой (запятая справа и чуть выше буквы, обозначающей шипящий согласный, означает нейтральность, нулевой, тон, соответствующего согласного, в артикуляционных терминах это палатальность); '(§'I₁) – сочетание согласной и гласной буквы в скобках означает группофонему (запятая перед скобками и запятые внутри скобок означают, что и вся соответствующая группофонема, и каждый из ее компонентов являются нейтральными, нулевыми по тону (или по тональности)).

⁵ C_ш – согласный щелинный C_с – согласный смычный, S – сонорный, ū – краткий или долгий слоговой гласный.

сложной группой фонемы – тип $\underline{h}^{\circ} + \cdot(r \cdot i_1) \rightarrow \cdot(\underline{h} \cdot r \cdot i_1)$ ⁶, например: * $\underline{h} \cdot (r \cdot i) \cdot (b \cdot i)(tā)s \rightarrow \cdot(\underline{h} \cdot r \cdot i) \cdot (b \cdot i)(tā)s$, ср. будущее древнерусское *хръбътъ* ‘спина’.

3. Вторая переходная палатация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\underline{h}^{\circ} + \cdot\bar{i}_2 \rightarrow \cdot(\underline{s} \cdot \bar{i}_2)$ ⁷, /лишь в некоторых говорах западного диалекта праславянского языка/, например: *(hā)i(rā)s → * $\underline{h}^{\circ} \bar{i}_2 (rā) \rightarrow \cdot(\underline{s} \cdot \bar{i}_2) (rā)$, ср. будущее чешское *šerý* ‘полутемный’, польское *szary* ‘серый’.

4. Первая переходная палатализация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\underline{h}^{\circ} + \cdot\bar{i}_2 \rightarrow \cdot(\underline{s} \cdot \bar{i}_2)$ ⁸ /в большинстве говоров всех диалектов/, например: *(hā)i(rā)s → * $\underline{h}^{\circ} \bar{i}_2 (rā) \rightarrow \cdot(\underline{s} \cdot \bar{i}_2) (rā)$, ср. будущие старославянское и древнерусское *сѣръ* ‘серый’. Первая переходная палатализация проходила, как видно из формулы, перед гласным $\cdot\bar{i}_2$, т.е. перед гласным переднего ряда дифтонгического происхождения. Но, очевидно, под влиянием подобных многочисленных форм в некоторых случаях она произошла в заимствованных словах и перед гласным $\cdot\bar{i}_1$, т.е. перед гласным переднего ряда недифтонгического происхождения, например: *kirký (из герм. *kirkō*) → * $\cdot(\underline{c} \cdot \bar{i}) \cdot \bar{r} (ký)$, ср. будущее древнерусское *църкы* ‘церковь’.

5. Вторая непереходная палатализация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\underline{h}^{\circ} + \cdot\bar{i}_2 \rightarrow \cdot(\underline{h} \cdot \bar{i}_2)$ /лишь в некоторых говорах восточного диалекта праславянского языка/, например: *(hā)i(rā)s → * $\underline{h}^{\circ} \bar{i}_2 (rā) \rightarrow \cdot(\underline{h} \cdot \bar{i}_2) (rā)$, ср. будущее древнерусское новгородское *хъръ* ‘серое (некрашеное) сукно’.

6. Первая (и единственная) непереходная палатация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\cdot(k' l' \cdot \bar{e}) \bar{u} \rightarrow \cdot(k' l' \cdot \bar{e}) \bar{u}_2$, например: * $\cdot(k' l' \cdot \bar{e}) \bar{u} (kā) \rightarrow \cdot(k' l' \cdot \bar{e}) \bar{u}_2 (kā)$ ‘ключка, длинная палка для опоры с загнутым верхним концом’ [Черных 1993. Т. 1: 404]⁹.

7. Вторая переходная палатализация в позднем периоде существования праславянского языка по фонетическому закону межслогового сингармонизма (но сингармонизма не между гласными, как в тюркских языках, а между гласным и последующим согласным, находящимся в следующем слоге) – тип $(C \cdot \bar{i})(\underline{hā}) \rightarrow C \cdot \bar{i} \bar{s} \bar{a} \rightarrow C \cdot \bar{i} \bar{s} \bar{a}$ ¹⁰, например: * $\cdot(w \cdot \bar{i})(\underline{hā}) \rightarrow *w \cdot \bar{i} \bar{s} \bar{a} \rightarrow *w \cdot \bar{i} \bar{s} \bar{a}$ ‘вся’; см. также: * $\cdot(s \cdot t \cdot \bar{i})(\underline{gā}) \rightarrow *s \cdot t \cdot \bar{i} \bar{z} \bar{a} \rightarrow *s \cdot t \cdot \bar{i} \bar{z} \bar{a}$, ср. будущее древнерусское *съезда* ‘стезя, дорога’.

Уже и из этих формул и примеров ясны тональности рефлексов и палатаций, и палатализаций, но, чтобы не было и тени непонимания, отметим развернуто: **переходные палатации** породили **палатальные (нейтральные, «мягкие») шипящие (и только шипящие!)** среднеязычные рефлексы, **непереходная палатация** породила **палатальный (нейтральный, «мягкий») нешипящий и несвистящий заднеязычный рефлекс, переходные палатализации** породили **палатализованные (диезные, «полумягкие»)**

⁶ Точка перед скобками и точки внутри скобок означают, что и вся соответствующая группой фонема, и каждый из ее компонентов фонематически являются диезными, повышенными по тону (или по тональности), в артикуляционных терминах для согласных это их палатализованность.

⁷ Цифра 2 справа и чуть ниже буквы, обозначающей гласный, указывает на то, что этот гласный **вторичный**, т.е. не исконный, а из дифтонга после его монофтонгизации.

⁸ s' – в данной статье любой свистящий согласный из серии $z' \rightarrow z', c', s'$, получившийся из соответствующего заднеязычного согласного вследствие палатализации этого заднеязычного; как подсказывает и термин «**палатализация**», и точка справа и чуть выше соответствующей буквы, обозначающей свистящий рефлекс этой палатализации, каждый из этих свистящих был диезным, в артикуляционных терминах палатализованным.

⁹ Строго говоря, эта непереходная палатация произошла не перед диезным (переднерядным) гласным, а перед гласным бемольным (заднерядным огубленным), но чтобы она произошла, диезному элементу дифтонга пришлось задолго до этого изменить бемольную заднеязычную фонему в диезную **непереходно**. Другими словами, хотя для данной непереходной палатации роль диезного гласного была промежуточной, однако эта роль оказалась очень важной.

¹⁰ С прописное – любой согласный.

свистящие переднеязычные рефлексы, непереходные палатализации породили палатализованные (диезные, «полумягкие») нешипящие и несвистящие заднеязычные рефлексы.

Перед нами стоит главная задача – обосновать эту точку зрения. Наверное, здесь возможны разные подходы. На наш взгляд, обоснование становится особенно убедительным, если оно ведется с разных сторон или (быть может, так точнее) если для него используются разные параметры. Для обоснования нашей точки зрения берем следующие параметры:

1) внутренние противоречия в системе как причину изменений в этой системе вообще и как то, что может предсказать, в какую сторону вероятнее всего должно пойти изменение; при этом важно учитывать и характер внутреннего противоречия, которое может быть либо синтагматическим, либо парадигматическим;

2) фонетический или фонематический закон, который действует на соответствующем этапе развития фонематической системы языка;

3) этап развития группофонем (возникают ли они, или генерализируются, или разрушаются);

4) акустические свойства сочетающихся в группофонеме согласных и гласных компонентов в связях этих свойств со свойствами артикуляционными (эти свойства, как видно и из приведенной выше таблицы, являются более разнообразными, а значит, и более богатыми, чем те свойства, которые обозначены метафорически, а потому эти акустические и артикуляционные свойства и помочь в объяснении могут больше, чем те свойства, которые обозначены метафорически).

Итак, приступим к обоснованию высказанной точки зрения.

В ранний период существования праславянского языка ради разрешения того основного противоречия, которое было в начальной фонематической системе этого языка, в нем стали возникать группофонемы – такие сочетания рядом стоящих согласного и идущего за ним гласного компонентов, которые должны были быть одинаковыми по тональности и в этом состоянии могли лишь совместно выполнять фонемную функцию. В связи с этим возник фонетический закон **внутригруппофонемного сингармонизма**, который был призван ускорить процесс формирования группофонем и, главное, всячески сблизить до одинаковости тональности рядом стоящих согласного и идущего сразу за ним гласного.

Надо иметь в виду, что перед началом формирования группофонем в фонематической системе праславянского языка были следующие фонемы: согласные **b, p, d, t, z, s, m, n, l, r, g, k, h** и гласные **ɪ, ɿ, ē, ū, ū, ă, ā**. По тональным типам согласные распределялись так: заднеязычные были **бемольными** (**B** – сниженного тона), а все остальные были **недиезными** (**neD** – среднего тона), а гласные распределялись так: гласные **переднего ряда** были **диезными** (**D** – повышенного тона), а все остальные были **недиезными** (**neD** – среднего тона). Соотношение этих тональностей можно схематически изобразить так: **D ← neD → B**. Из этого следует, что диезность и bemольность по отношению к недиезности были направлены в одну сторону и отстояли от недиезности на один шаг, а диезность и bemольность по отношению друг к другу были направлены в **противоположные** стороны и отстояли друг от друга на два шага. Можно сказать и так, что **D = -B, а B = -D**.

При объединении согласного и гласного в одну группофонему происходило следующее. Если соединялись согласный и гласный одинаковой тональности, т. е. недиезный согласный и недиезный гласный, то никаких изменений в тональности согласного и гласного не происходило – именно потому, что эти тональности были одинаковыми. Если же соединялись согласный и гласный неодинаковой тональности, т. е. недиезный согласный и диезный гласный или bemольный согласный и недиезный или диезный гласный, то изменения в тональности внутри группофонемы, естественно, происходили, но здесь происходило следующее. Если тональности согласного и гласного отстояли друг от друга только на один шаг, то побеждала тональность гласного и оба компонента группофонемы становились по тональности такими, каким был гласный, например: **d + 'ɪ → '(d'')'ɪ** или

$k^\circ + \bar{y} \rightarrow (k \bar{y})$. А если тональности согласного и гласного отстояли друг от друга на два шага и эти тональности, как мы видели выше (с. 97), были **прямопротивоположными** (а это значит, что в данном случае пытались объединиться бемольный согласный и диезный гласный), то эти тональности взаимно погашали друг друга и возникала общая тональность, нулевая, нейтральная по отношению к бемольности согласного, и к диезности гласного: $B^\circ + 'D = B^\circ + (-^{\circ}B) = '(Ø''Ø)$ ¹¹ (обе квазифонемы – и согласная, и гласная – нули). Не забудем, что акустическая нейтральность согласного в артикуляционных терминах означает палатальность («мягкость»), а акустическая нейтральность гласного в артикуляционных терминах означает безразлично какой ряд – передний или непередний. Если не забывать, что бемольным в данном объединении был заднеязычный согласный компонент, а диезным – гласный компонент переднего ряда и что это объединение стало нейтральной группой фонемой, то вышеприведенная формула может быть представлена и в таком виде: $C^\circ + 'V \rightarrow '(C''V)$.

Когда в раннем периоде существования праславянского языка начал действовать фонетический закон **внутригруппофонемного сингармонизма** и рядом оказывались заднеязычный (бемольный) согласный и переднерядный (диезный) гласный, то их сочетание противоречило требованию закона, и это было слишком большое **синтагматическое** противоречие. (Слишком большого парадигматического противоречия в это время не было.) Это противоречие и было разрешено 1-й переходной палатацией заднеязычных согласных, в результате которой возникли нейтральные (палатальные) среднеязычные шипящие: *kritkiht (из *krikisit) → *k '(r' t) '(č't) '(š't)¹². В принципе здесь могла бы осуществиться и непереходная палатация, но обязательно **палатация**, а не что-либо иное (не палатализация, например). Тот факт, что в это время произошел процесс не непереходной, а переходной палатации можно объяснить тем, что никаких непереходных палатальных, на которые можно было бы ориентироваться, еще не было, а резкое взаимодействие бемольных заднеязычных согласных и диезных переднерядных гласных, т.е. резкое движение языка (как органа речи) от заднего положения к переднему положению и возникновение преграды в районе высшей точки твердого неба (палатума) вызвало фрикцион (трение, и к тому же сильное) и как ее результат шипящий призвук, который превратился в полноценный шипящий звук. Важно отметить, что почти сразу после первой переходной палатации звук [ē], который вызвал переходную палатацию заднеязычных, после получившегося палатального шипящего перешел в [ā]. Тем самым новые палатальные шипящие **фонемизировались**, т.е. получили относительную самостоятельность. Мы говорим об относительной, а не о полной фонемной самостоятельности потому, что все эти новые палатальные шипящие вошли в группу

¹¹ Несмотря на то, что буквы **B** и **D** уже сами по себе хорошо обозначают соответственно бемольность и диезность, а знак **Ø** не менее хорошо обозначает нуль (или нейтральность), мы для еще большей наглядности вместе с этими знаками дополнительно используем и специальные диакритические знаки, обозначающие указанные тональности. При этом при букве, обозначающей согласную фонему (или квазифонему), диакритический знак ставится справа от этой буквы, а при букве, обозначающей гласную фонему (или квазифонему), диакритический знак ставится слева от этой буквы.

¹² Нередко говорят, что 1-я переходная палатация возникла благодаря действию закона внутрислогового сингармонизма (см., например [Ремнёва 2004: 148]), но это явная источность. Достаточно проанализировать любое слово типа *kēndā (из более раннего *kēndō), которое после процесса 1-й переходной палатации приобрело вид *'(č'ē)n (dā). Легко увидеть, что в первый слог этого слова входило до процесса три звука [k], [ē] и [n] и осталось после процесса также три звука. Однако в процессе приняли участие лишь два первых звука, которые приобрели единую – в данном случае нейтральную – тональность, и, таким образом, сочетание этих звуков стало явно сингармоничным. Последний же, третий, звук [n] не просто остался в том же слоге, но и остался со своей прежней недиезной тональностью и, таким образом, оказался явно несингармоничным по отношению к своим первым двум соседям. Ясно, что внутрислоговой сингармонизм был здесь ни при чем. Еще в 1958 году румынский ученый Э. Петрович [Петрович 1958] назвал его групповым. Но после открытия В.К. Журавлевым группофонемы его уместней называть **внутригруппофонемным**.

фонемы и стали не настоящими, а условными фонемами, для которых Д.Д. Беляевым [Беляев 1980: 14] придуман особый термин «квазифонемы».

О том, что, сочетаясь с гласными переднего ряда, заднеязычные согласные превратились именно в палатальные («мягкие») шипящие согласные, пишут почти все, кто рассматривал этот процесс, – независимо от того, использует ли исследователь теорию группфонем или нет¹³. Однако если те, кто теорию группфонем не использует, тезис о мягкости новых шипящих согласных никогда не доказывают, то те, кто использует теорию группфонем, могут этот тезис и доказать. Эти доказательства можно свести к трем моментам:

1) в указанном сочетании заднеязычных согласных и гласных переднего ряда разрешалось прежде всего **синтагматическое** противоречие соединения прямоопротивоположных по тональности бемольного согласного и диезного гласного, что должно было дать именно нуль, т. е. нейтральность-палатальность;

2) конечные результаты этой палатации вели себя так, как вел себя абсолютно палатальный [j'], в частности, после шипящих согласных, получившихся по 1-й переходной палатации заднеязычных согласных, звук [ě], как и после [j'], переходил в [ā]: *krīkētēi → в конечном итоге *k '(r 't) '(č "ā) '(t 'ě)i, как и *stāj'ětēi → *s(tā) '(j "ā) '(t 'ě)i; если даже допустить, что в начальной стадии этого процесса шипящие согласные, в которые перешли заднеязычные согласные, были, как предположила Г.И. Климовская, не палатальными, а палатализованными, то в конечной стадии этого процесса, а именно после перехода после таких шипящих гласного [ě] в гласный [ā] эти шипящие уже безусловно стали палатальными, потому что сама возможность употребляться и перед гласными переднего ряда, и перед гласными непереднего ряда является специальным, можно сказать, классическим показателем именно палатальности согласного (крич 'ит – крич 'ат), в то время как классическим показателем палатализованности согласного является его употребление только перед гласными переднего ряда, а классическим показателем непалатализованности согласного является его употребление только перед гласными непереднего ряда;

3) на следующем этапе развития праславянского языка заднеязычные согласные в позиции перед абсолютно палатальным [j'] превратятся в палатальные шипящие: *(tā) nk'(j "ā) → *(tā)n'(č "ā) ‘туча’. Вполне правдоподобно предположить, что те шипящие, которые произошли из тех же заднеязычных по 1-й переходной палатации, были такими же палатальными («мягкими»).

В связи со сказанным следует заметить, что писать о 1-й переходной палатации как о 1-й переходной палатализации уже некорректно, так как, во-первых, это явно разные процессы, а во-вторых, различие этих процессов было открыто более 50 лет тому назад и сегодня должно быть известно уже всем.

На 1-м этапе среднего периода началась генерализация группфонем (распространение группфонем на все пространство каждого слова) и вместе с нею начал действовать фонетический закон строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группфонемы, а именно такой закон, который требовал, чтобы структура сложной группфонемы была следующей: (C_шC_сS Ÿ), т.е. чтобы компоненты внутри группфонемы шли в таком порядке: согласная щеличная, согласная смычна, сонорная, слоговая гласная квазифонемы. (Эта формула включает в себя все возможные компоненты, но вообще группфонемы могли включать в себя и не все возможные компоненты. Главное требование закона заключалось в том, чтобы компоненты сложной группфонемы шли именно в таком порядке, а будут ли в ней все четыре компонента или три с пропуском какого-либо одного из них, – конечно, гласного компонента, – было неважно.) Пожалуй, наиболее ярким примером того, как действовал этот закон, является такой: *'(m 'ě)t '(t 'ě)i →

¹³ Впрочем, в учебном пособии Г.И. Климовской [Климовская 1974], как уже было отмечено, утверждается, что шипящие согласные, получившиеся по рассматриваемому процессу из заднеязычных согласных, были полумягкими.

→ *'(m^{..}ě) '(s^{..}t^{..}ě)i 'мести'. Мы хорошо видим, как смычна недиезная согласная фонема **〈t〉**, входя в последующую диезную группофонему и делая ее сложной, заменяется своим и диезным, и щелинным оппозитом "⟨s'⟩"¹⁴ и как, таким образом, требование указанного закона полностью выполняется. В соответствии с требованием этого закона заднеязычная согласная фонема, стоявшая перед диезной группофонемой, начинавшейся с диезного же сонорного компонента, должна была войти в эту группофонему. Так как заднеязычная согласная фонема была бемольной, то, входя в прямопротивоположную по тональности диезную группофонему, она могла бы превратиться в нейтральную (палатальную) шипящую квазифонему, которая и всю группофонему сделала бы нейтральной. Но этого не произошло. Почему? Можно предположить, что, несмотря на появившиеся в ранний период развития праславянского языка по 1-й переходной палатации две палатальные шипящие аффрикаты "⟨ž'⟩" и "⟨č'⟩" из трех палатальных шипящих вообще ("⟨ž'⟩", "⟨č'⟩", "⟨š'⟩"), аффрикаты воспринимались праславянами как не совсем типичные для их языка квазифонемы, и, видимо, не случайно тогда же в ранний период произошел процесс "⟨ž'⟩" → "⟨ž⟩", т.е. переход одной из аффрикат в щелинную квазифонему (переход же "⟨č'⟩" → "⟨š⟩" не произошел из-за того, что клетка для "⟨š'⟩" уже была занята квазифонемой "⟨š'⟩" как рефлексом 1-й переходной палатации заднеязычной фонемы **〈h〉**). На 1-м же этапе среднего периода формула строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группофонемы, а именно **C_щC_čS̄V**, препятствовала появлению новых аффрикат, ибо аффриката, будучи слитным сочетанием смычности и вслед за ней щелинности, могла бы нарушать эту формулу, превращая ее в **C_čC_щS̄V**. Возможно, поэтому заднеязычные согласные, входя в стоявшие после них в словах диезные группофонемы, начинавшиеся сонорным компонентом, и не изменились в палатальные шипящие. Но так как в это время начался глобальный процесс генерализации группофонем и, в частности, процесс втягивания отдельных согласных, стоявших в словах перед группофонемами, в эти группофонемы, то заднеязычные не могли не войти в указанные группофонемы, а коль скоро формула мешала заднеязычным изменяться в палатальные шипящие, то они должны были, по меньшей мере, принять тональность группофонемы, ибо сама суть группофонемы состоит в единой тональности всех ее компонентов. Так как группофонемы, в которые входили заднеязычные, в данном случае имели диезную тональность, то заднеязычным ничего не оставалось как принять именно эту диезную тональность. А так как все другие типы фонем, входивших в диезные группофонемы, становились диезными **непереходно**, т.е. без изменения качества соответствующего звука (*b → *b', *d → *d' и т.п.), то и заднеязычные стали диезными **непереходно**, т.е. без изменения заднеязычного качества звука (*g → *g' и т.п.). Как бы ни звучал заднеязычный, который оказался в группофонеме перед диезным (палатализованным) сонорным, лингвистически (фонематически) он стал также диезным, ибо в противном случае (т. е. если бы он остался недиезным, непалатализованным, «твердым») он нарушил бы требования продолжавшего действовать закона внутригруппофонемного сингармонизма (как, кстати, и более позднего закона внутрислогового сингармонизма). Следовательно, в первой группофонеме слов типа *g '(l^{..}ī)(nā) → *'(g'l^{..}ī)(nā), *k '(l^{..}ě)(nā)s → *'(k'l^{..}ě)(nā)s, *h '(r^{..}ī) '(b^{..}ī)(tā)s → *'(h'r^{..}ī) '(b^{..}ī)(tā)s произошла 1-я непереходная палатализация. Каждый исследователь, который выступит против того, что она произошла, должен выступить и против закона внутригруппофонемного (а позже и внутрислогового) сингармонизма. А это сделать нелегко не только из-за того, что под знаком тонального сингармонизма (сначала в составе групп **CV**, позже в составе групп **CCSV**) вся история фонематической системы праславянского языка изучалась более 100 лет, но и из-за того, что останутся без какого-либо объяснения переходы типа **h → Š'** и **h → s'**. А между тем теория тональных сингармонизмов все эти годы работает, и работает она успешно. Единственное, что здесь необходимо, так это четко разгра-

¹⁴ Этими кавычками мы подчеркиваем, что статус фонемы изменился, а именно: она превратилась в квазифонему как компонент группофонемы.

ничивать сингармонизм внутригруппофонемный и сингармонизм внутрислоговой, что в науке было сделано впервые еще 50 лет тому назад (имеем в виду уже упомянутую работу Э. Петровича [Петрович 1958]).

На 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка, а именно после того, как действовавший на предыдущем этапе фонетический закон открытых слогов монофтонгизировал дифтонги и в том числе дифтонги ai и ai , превратив эти последние в t_2 , заднеязычные согласные, которые когда-то стояли в словах перед указанными дифтонгами, оказались перед этим t_2 , и опять возникло серьезное синтагматическое противоречие соседства заднеязычного согласного перед переднерядным гласным (пусть и дифтонгического, а не монофтонгического происхождения, но, главное состояло в том, что тональность его была диезной), тем более что на этом 3-м этапе среднего периода – после того, как на предыдущем этапе благодаря закону открытых слогов все закрытые слоги открылись и группофонемы по протяженности совпали со слогами (или, наоборот, все слоги совпали с группофонемами), – закон внутригруппофонемного сингармонизма преобразовался в закон **внутрислогового сингармонизма**, и, таким образом, сингармонизм внутри слога должен был сохраняться.

В некоторых говорах праславянского языка (в частности, в тех говорах западного диалекта, из которых много позже возникнут чешский и польский языки) разрешение этого противоречия пошло по тому же пути, по которому оно шло в раннем периоде существования праславянского языка, когда в подобных условиях прошла 1-я переходная палатация заднеязычных. В этих говорах теперь прошла 2-я переходная палатация заднеязычных, например: * $\underline{h}^{\circ}\text{t}_2(rā)$ /из *($\underline{hā}i$) $\dot{r}(rā)s/ \rightarrow *'(š''\text{t}_2)(rā)$, ср. будущее чешское *šerý* ‘полутемный’, польское *szary* ‘серый’.

Но верно ли, что здесь прошла именно **палатация**, т.е. что были порождены именно **палатальные** (нейтральные, «мягкие») шипящие? Ведь эти шипящие появились только перед переднерядным гласным [t_2], а палатальные согласные в принципе могут употребляться и перед переднерядными, и перед непереднерядными гласными (польское *szary* явно поздняя, уже собственно польская, а не праславянская форма). Не получились ли здесь не палатальные, а палатализованные (диезные, «полумягкие») шипящие звуки?

Думается, что здесь получились все-таки палатальные шипящие. Почему?

Прежде всего потому, что в праславянском языке уже были шипящие и они были палатальные. Палатализованных шипящих в этом языке не было. Значит, языку проще всего было ориентироваться на уже имеющиеся палатальные, чем порождать новые отсутствующие звуки (разумеется, ориентироваться пришлось не языку, а людям – носителям языка, но, вообще говоря, такое олицетворение здесь вполне допустимо, ибо язык своей системой, конечно, влиял на сознание, а точнее, на подсознание говорящих). Если бы здесь возникли палатализованные шипящие, то для их нормального и долгого существования им нужно было бы **фонемизироваться**, т.е. начать употребляться не только перед переднерядным, но и хотя бы перед одним непереднерядным гласным. Но [t_2] в непередний ряд не переходил. А если бы он даже перешел в непередний ряд и фонемизировал палатализованные шипящие звуки, то возникла бы довольно тяжелая ситуация. Дело в том, что палатализованные звуки, будучи **функционально**, иначе, **фонематически**, весьма отличными от палатальных (палатализованные выступают вариантами непалатализованных (недиезных, «твердых») фонем), **акустически и артикуляционно**, иначе, **фонетически**, весьма близки к палатальным, похожи на них [Колесов 1980: 88] и поэтому имеют тенденцию к смешению с ними. Но фонетическое смешение палатализованных с палатальными волей-неволей вело бы и к фонематическому их смешению, а это уже создавало бы помехи в общении. Смешение же [$\dot{š}'_2$] и [$\dot{š}'_1$] помех в общении создавать не могло, потому что эти разные по происхождению, но одинаковые по качеству звуки должны были бы принадлежать одной и той же фонеме (или – в данном случае – квазифонеме). Как принадлежащим одной фонеме (или квазифонеме) им и не надо было различаться. Таким образом, рассматриваемый процесс действительно был **палатацией**, который породил шипящие именно **палатальные** (нейтральные, «мягкие»), такие же, какие уже были в языке. А так как эта палатация была второй

после первой, осуществившейся в ранний праславянский период, то мы ее и называем **2-й переходной палатацией** заднеязычных.

Однако такой процесс даже в указанных говорах западного диалекта прошел не стопроцентно. В южном и восточном диалектах праславянского языка, частично и в западном диалекте (даже в названных же говорах), разрешение этого противоречия пошло иначе: именно тональности компонентов не погасили друг друга, диезный гласный компонент повлиял на заднеязычный согласный компонент таким образом, что превратил его в диезный же, а вместе с этим и всю группофонему сделал диезной, т. е. здесь произошла не палатация, а **палатализация**. При этом в большей части говоров палатализация заднеязычных произошла **переходная** – диезные рефлексы заднеязычных согласных были образованы с ориентацией на существовавший нейтральный шипящий ряд, но только сейчас появились не шипящие, а свистящие звуки: $g \rightarrow z'$ с позднейшим переходом $z' \rightarrow z$, $k \rightarrow c'$, $h \rightarrow s'$, и она была **1-й переходной палатализацией** заднеязычных¹⁵. А в меньшей части говоров, в частности, в некоторых северо-западных говорах восточного диалекта праславянского языка, палатализация заднеязычных прошла **непереходная** – диезные рефлексы заднеязычных были образованы с ориентацией на существовавший бемольный нешипящий ряд: $g \rightarrow g'$, $k \rightarrow k'$, $h \rightarrow h'$, и она была **2-й непереходной палатализацией** заднеязычных.

Прежде чем объяснить причину этих двух – переходной и непереходной – палатализаций, нужно обратить внимание и на такие примеры, как $*(gwā)i(zdā)$ ‘звезда’ и $*(kwā)i(tā)s$ ‘цвет’. После действия закона открытых слогов и вызванных им монофтонгизаций дифтонгов звукосочетания $*gw$ и $*kw$ с согласными заднеязычными (фонетически – бемольными, а фонематически – недиезными) оказались перед гласным переднего ряда (и фонетически, и фонематически – диезным) I_2 , т.е. I дифтонгического происхождения. Соответствующие группофонемы, естественно, разрушились, потому что (напомним) группофонема – это объединение согласного и гласного компонентов, **одинаковых** по тональности. Однако тенденция к генерализации группофонем действовать продолжала. Поэтому в сочетаниях $*gw + I_2$ и $*kw + I_2$ при объединении консонантных элементов с вокальным в группофонему обязательно должны были произойти какие-то изменения. В этих сочетаниях главную роль сыграл диезный вокальный элемент, а потому в них произошли такие изменения, в результате которых получились диезные группофонемы.

Естественно, что в этих группофонемах консонантные элементы стали такими же диезными, как и вокальный элемент, но в разных диалектах праславянского языка рефлекс бывшего недиезного заднеязычного консонантного элемента оказался неодинаковым: в южных и восточных диалектах он стал диезным, палатализованным переднеязычным свистящим, а в западном – диезным же, палатализованным же, но не переднеязычным свистящим, а заднеязычным же.

$*(gwā)i(zdā) \rightarrow gw\bar{i}_2(zdā) \rightarrow$	юг и восток $*'(d'z'w''I_2) (zdā)$, ср. ст.-сл. звѣзда , др.-русск. звѣзда .
	запад $*'(g'w''I_2) (zdā)$, ср. польск. <i>gwiazda</i> , чешск. <i>gvězda</i> .
$*(kwā)i(tā)s \rightarrow kw\bar{i}_2(tā) \rightarrow$	юг и восток $*'(c'w''I_2) (tā)$, ср. ст.-сл. цвѣтъ , др.-русск. цвѣть .
	запад $*'(k'w''I_2) (tā)$, ср. польск. <i>kwiat</i> , чешск. <i>květ</i> .

¹⁵ О том, что этот процесс дал именно палатализованные, а не палатальные свистящие рефлексы, пишет, опираясь на А. Лескина, Р. Нахтигала, Н. Ван-Вейка, С.Б. Бернштейн [Бернштейн 1961: 200–204], но объяснения, почему в данном случае возникли именно палатализованные («полумягкие») свистящие, практически не дает.

Нетрудно увидеть, что в первом случае перед нами результаты **1-й переходной палатализации**, а во втором случае перед нами результаты **2-й непереходной палатализации** недиезных заднеязычных.

Необходимо отметить, что бывшие группофонемы типа '(с' Т₂) и '(с' w' Т₂), с одной стороны, и '(k' Т₂) и '(k' w' Т₂), с другой стороны, вовсе не зеркально отражаются в современных славянских языках. Но это реалистичнее всего можно объяснить поздними заимствованиями из языка в язык. Так, украинское *квітка* по сравнению с русским *цветок* – скорее всего позднее заимствование из западнославянских. Аналогично это объясняет С.Б. Бернштейн, с которым мы в данном вопросе полностью солидаризируемся.

Почему же произошли эти палатализации? Здесь сыграло свою роль то, что в фонематической подсистеме праславянских согласных в это время (на 3-м этапе среднего периода) было и серьезное **парадигматическое противоречие**. Оно заключалось в том, что если губные и переднеязычные согласные квазифонемы (компоненты группофонем) имели в группофонемах по три соотносительных тональных представителя, например: [b] – [b'] – [b'l'], [z] – [z'] – [ž'] и т.п. /* '(l'ē)i(b)y – *'(l'ē)i(b'l') '(l'ē)i – *'(l'ē)i'(b'l'a)n, *'(w'ē)(zā)n – *(wā) '(z'l') '(l'ē)i – *(wā) '(ž'l'a)n/, то заднеязычные согласные квазифонемы имели в группофонемах только по два соотносительных тональных представителя, например: [g] – [-] – [ž'] /* '(b'ē)(gā) (им. пад. ед. ч.) – [-] – *'(b'ē)'(ž'l'a)'(l'ē)i/, иначе говоря, у заднеязычных согласных квазифонем **соотносительно-го диезного представителя** не было: в словах типа *'(g'r'l') '(m'ē)'(t'ē)i квазифонема “⟨g’⟩” была **несоотносительной**, не чередующейся со своими «родственниками». Таким образом, палатализации заднеязычных позволили заполнить пустую диезную нишу и тем самым устранили парадигматическое противоречие. Но почему именно парадигматическое? И как обстояло дело с противоречием синтагматическим? Ответ на эти вопросы таков. Если бы в первую очередь устранилось синтагматическое противоречие, то парадигматическое противоречие при этом осталось бы и даже усилилось бы, ибо при продолжающемся отсутствии диезного варианта у квазифонем, возглавляемых **заднеязычным фонетически бемольным, а фонематически немиезным** вариантом, на месте нейтрального (палатального) варианта появилась бы не одна, как во всех других случаях, квазифонема, а две, например: [g] – [-] – [ž']/[z']. При устранении же в первую очередь парадигматического противоречия заодно устранилось и синтагматическое противоречие, т.е. получилось: [g] – [z'] – [ž']. Само же заполнение диезной ниши, т.е. осуществление палатализаций, а не палатаций было вызвано **сильным давлением системы**, которое заставило заполнить именно диезную пустую клетку, а не какую-либо иную.

Но какие аргументы могут подтвердить, что в этих случаях произошли именно палатализации, а не палатации и что рефлексами этих палатализаций явились именно палатализованные (диезные, «полумягкие») звуки?

Собственно говоря, указание на давление системы как на главное, что дало при палатализациях – и переходной, и непереходной – палатализованные, диезные («полумягкие») результаты, является достаточным обоснованием именно диезности этих результатов. Но в связи с тем, что вокруг тональных результатов **1-й переходной палатализации**, которую из-за смешения палатаций и палатализаций чаще всего называют неточно 2-й палатализацией, ведутся споры, целесообразно привести и дополнительные аргументы в пользу того, что эта палатализация (как, впрочем, и все другие палатализации) дала, как здесь показано не какие-либо другие, а именно палатализованные, диезные («полумягкие») результаты, в данном случае – свистящие. Этими аргументами может быть следующее:

1. Все другие согласные, кроме заднеязычных, оказавшиеся перед переднерядными гласными монофтонгами, возникшими из дифтонгов āi и ī, становились только **палатализованными, диезными**, например: *(plā)(dā)āi → *(plā)'(d'l') /будущее древнерусское плодъ/. Почему же свистящим рефлексам заднеязычных, оказавшимся в той же позиции, становиться не палатализованными, как [d'] в предыдущем примере,

а палатальными? Ср. с предыдущим примером: $*(stā)(gā)āi \rightarrow *(stā) \cdot (\zeta \cdot ī)$ /будущее древнерусское *сто зъѣ*/.

2. Указанные рефлексы рассматриваемой 1-й переходной палатализации заднеязычных появились перед гласными переднего ряда, которые после этого процесса не переходили в непередний ряд (как это было в одном случае после 1-й переходной палатации заднеязычных, когда после палатальных шипящих переднерядный гласный [ē] перешел в непереднерядный [ā]), а значит, эти рефлексы и в дальнейшем оставались в позиции только перед гласными диезными, т.е. перед гласными переднего ряда. Следовательно, при любой степени «смягчённости» этих рефлексов в устах носителей праславянского языка в это время названные рефлексы лингвистически (фонематически) могли быть **только палатализованными, диезными**, ибо самой сутью палатальности, нейтральности согласных является то, что палатальные, нейтральные согласные, в отличие от палатализованных, диезных, в принципе могут употребляться как перед переднерядными, так и перед непереднерядными гласными.

3. Можно использовать доказательство и от противного. Если допустить, что диезная ниша для заднеязычных осталась пустой, а получившиеся по рассматриваемой 1-й переходной палатализации заднеязычные свистящие переднеязычные рефлексы оказались не диезными (не палатализованными, не «полумягкими»), а нейтральными (палатальными, «мягкими»), то возникает естественный вопрос, почему язык оставил два противоречия (недобор в нише диезных и перебор в нише нейтральных). Кроме того, именно потому, что любые противоречия в языке не остаются в нем навсегда, а рано или поздно устраняются, нужно было бы ожидать, что среди многочисленных нейтральных (палатальных, «мягких») рефлексов рассматриваемой 1-й палатализации заднеязычных начались бы конвергенции (слияния) типа $\š' \times s' \rightarrow \š'$ или $\š' \times s' \rightarrow s'$, но скорее всего в пользу палатальных шипящих как более древних и уже давно фонемизировавшихся, однако это в дальнейшей истории праславянского языка и его потомков не наблюдается.

4. Наконец, тот факт, что до монофтонгизации дифтонгов *āi* и *āj* заднеязычные согласные, стоявшие в словах перед этими дифтонгами, входили не в какие-либо иные, а в недиезные группофонемы и, следовательно, фонематически были тоже недиезными, возможно, тоже сыграл определенную роль в том, что при объединении таких заднеязычных согласных с диезным гласным *I₂* доминировать в этом объединении стал именно диезный гласный компонент. Вспомним, что если расстояние между тональностями согласного и гласного компонентов было равно одному шагу, то доминирующую роль в этом объединении играл гласный, т.е. именно его тональность побеждала тональность согласного и организовывала тональность всей группофонемы. (В тех же говорах, где в подобных случаях возникали не диезные, а нейтральные группофонемы, на первый план вышла, очевидно, не фонематическая (недиезная), а фонетическая (бемольная) тональность заднеязычных. Впрочем, фонетическая тональность сыграла большую роль все же ограниченно: не случайно исследователи дружно указывают на сочетание *š''I₂*, но не указывают на сочетания *ž''I₂* и *č''I₂*).

После 1-й переходной палатализации заднеязычных все три ниши, как и у других согласных, получаются заполненными: *g : ū : ž'*; *k : c' : č'*; *h : s' : š'*. Заметим, что в этом случае из трех получившихся палатализованных (диезных, «полумягких») свистящих звуков оказалось две аффрикаты, хотя, правда, одна из них, как и ее предшественница *ž'*, постепенно изменилась в щелинную (*ž' → z'*). Это означает только то, что закон строгой (или предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группофонемы, который действовал на 1-м этапе среднего периода, на 3-м этапе среднего периода, довольно сильно сдал свои позиции, уступив их фонетическому закону **внутрислогового сингармонизма**.

Вообще основной позицией, в которой произошла 1-я переходная палатализация заднеязычных, была позиция заднеязычного перед диезным, переднерядным гласным дифтонгического происхождения. Но процесс этот прошел настолько мощно, что захватил и ряд заимствований, в которых заднеязычный стоял перед диезным, передне-

рядным гласным и недифтонгического происхождения, например, на базе германского *kirkō* у славян образовалось слово **църкы** ‘церковь’.

Те же самые доказательства достаточны и для объяснения тональности рефлексов **2-й непереходной палатализации**. Ведь в конечном итоге важно было заполнить пустую для группы заднеязычных **диезную нишу**, а какими именно диезными звуками – свистящими переднеязычными или несвистящими заднеязычными – было не так уж и важно. Главное заключалось лишь в том, что система ожидала **диезного** (палатализованного, «полумягкого») представителя заднеязычных, а не какого-либо иного.

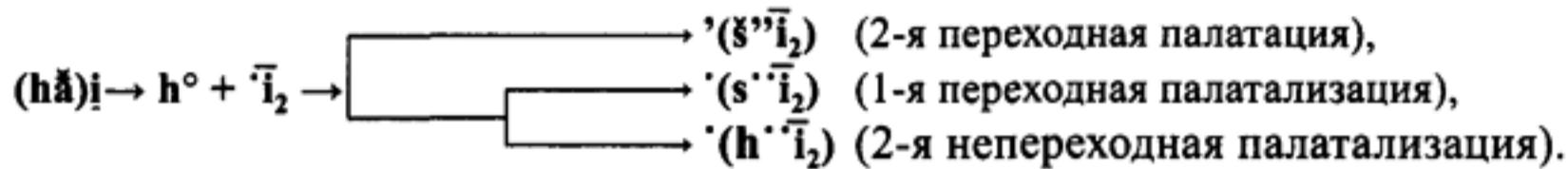
Но есть один момент, который заставляет на 2-й непереходной палатализации заднеязычных и на диезных заднеязычных результатах ее остановиться несколько дольше и подробнее.

Дело в том, что встречаются высказывания о том, что в словах типа древненовгородского *к'ёвъ* ‘шпулька’ так называемая 2-я палатализация не произошла, но затем ничего не говорится о том, а произошла ли в таких словах какая-нибудь другая палатализация, и читатель соответствующих работ легко может подумать, что в подобных словах вообще никакая палатализация не проходила. Вот несколько соответствующих цитат: «Исследования последнего времени показали, что II палатализация не была пережита северо-западными русскими говорами... об этом свидетельствуют данные новгородских берестяных грамот XI–XIV вв. и современных псковских говоров, сохранивших эту архаическую систему: ср. древненовгор. *к'ёль* – рус. *целый*» [Шевелева 1990: 36], «...данные, извлеченные из новгородских грамот, явно свидетельствуют о том, что вторая палатализация в древненовгородском диалекте отсутствовала: в некнижных словах до середины XIII в. нет ни одного примера с эффектом второй палатализации внутри корня. Нет в некнижных текстах и отражения результатов палатализации на стыке основы и окончания: *къ Лоук'ё, моги, сапоги* и под.» [Ремнёва 2004: 151]. При этом процитированные авторы ссылаются на работы А.А. Зализняка, который в обобщающей работе по древненовгородскому диалекту, в частности, написал: «В северокривичском диалекте не осуществилась так наз. вторая палатализация заднеязычных, точнее *k, *g, *x в позиции перед ё и і лишь смягчились (т.е. дали [k'], [g'], [x']), но не перешли в свистящие» [Зализняк 1995: 37]. Но в этом последнем высказывании начальная и конечная его части в каком-то смысле противоречат друг другу: ведь если палатализация заднеязычных не произошла, то никакого смягчения этих согласных быть не может, а если какое-то смягчение заднеязычных согласных произошло, то какая-то палатализация их тоже произошла. А раз, по Зализняку же, заднеязычные смягчились, то остается только точнее охарактеризовать эту палатализацию. Конечно же, правильным в этом случае было бы такое высказывание: «В северокривичском диалекте **переходной палатализации** заднеязычных согласных не произошло, а произошла **непереходная палатализация** их». А вот то, что смягчение заднеязычных по непереходной палатализации дошло до степени абсолютной палatalности, «мягкости», сомнительно. И дело здесь не только и не столько в том, что мы сегодня не можем с полной уверенностью говорить, до какой степени доходило реальное смягчение заднеязычных звуков перед гласными переднего ряда в устах древних восточных праславян, сколько в том, что, находясь только перед гласными переднего ряда, смягченные заднеязычные звуки оставались аллофонами «твердых» заднеязычных квазифонем, а не становились аллофонами «мягких» заднеязычных квазифонем. Вот и получается, что с фонематической точки зрения заднеязычные звуки в указанной позиции были только палатализованными, «полумягкими», диезными, и их точнее показывать в виде [k'], [g'], [x']¹⁶. Не замечать

¹⁶ Любопытно заметить, что, говоря о древненовгородских и древнепсковских рефлексах этой 2-й непереходной палатализации заднеязычных, Ю.С. Кудрявцев обозначает их знаками ū, ū, ū, но помещает древненовгородские звуки в один ряд с б̄, п̄, в̄, м̄ и т. д., а аналогичные древнепсковские звуки в один ряд с б̄, п̄, в̄, м̄ и т. д. [Кудрявцев 1996: 50–51]. Вполне очевидно, что различие в звучании древненовгородских и древнепсковских рефлексов 2-й непереходной палатализации – явление гораздо более позднее, чем первоначальные рефлексы праславянские, о которых у нас идет речь.

же совсем этой непереходной палатализации нельзя, ибо если так поступать, то это будет означать фактически выступление против фонетического закона внутрислогового сингармонизма, который как раз на 3-м этапе среднего периода, во-первых, начал действовать, а во-вторых, действовал очень активно.

Все три процесса, которые сейчас были рассмотрены, произошли примерно в одно и то же время – на 3-м этапе среднего периода. Собственно говоря, язык предоставил людям – носителям праславянского языка – разные возможности видоизменения заднеязычных, оказавшихся перед новым (дифтонгическим) диезным гласным [I₂], и все они были испробованы, но, как всегда бывает в подобных случаях, в разных группах говоров были выбраны и, следовательно, победили, разные возможности:

Смешивать все это и называть одним термином «2-я палатализация» явно некорректно, потому что, как мы видим, все это представляет собой весьма разные явления.

На 3-м же этапе среднего периода, а следовательно, после монофтонгизации дифтонгов, произошла и непереходная палатация заднеязычных, первая и она же единственная в праславянском языке. До монофтонгизации дифтонгов в словах типа *'(k'l'ē)u(kā) фонема **к**, которая раньше стояла перед диезной группой *'(l'ē), еще на 1-м этапе среднего периода вошла в эту диезную группу и стала непереходно диезной же квазифонемой. Когда же произошла монофтонгизация дифтонгов и, в частности, дифтонгов ёи и ёи, то диезная консонантная группа компонентов k'l' оказалась перед бемольным вокальным монофтонгом °ū₂. Диезность и бемольность, как уже говорилось, – это такие тональные признаки, которые являются **прямопротивоположными**: D = -B, B = -D. Сложение прямопротивоположных величин естественным образом давало нулевую, нейтральную группуфонему: D' + °B → D' + (-D) → '(Ø'Ø), т. е. и диезная консонантная группа компонентов, и бемольный вокальный компонент становились нулями, иначе, нейтральными и по отношению к диезности, и по отношению к бемольности компонентами. Для согласных это, как мы уже знаем, палатальность. При этом диезный (палатализованный) заднеязычный компонент изменялся в нейтральный (палатальный) компонент **непереходно**. Потому и процесс этот был непереходной палатацией: '(C'S'ū₁)°v₂ → C'S' + °ū₂ → '(C'S"ū₂), например: *'(k'l'ē)u(kā) → *'(k'l"ū₂)(kā); *'(k'l'ē)u(nā)n'(t'ē)i → *'(k'l"ū₂)(nā)n'(t'T₂) 'клюнуть'¹⁷.

¹⁷ Примеров такого типа зафиксировано гораздо меньше, чем других, но все же они имеются. Более или менее уверенно можно говорить лишь о таких словах, как **клюка** и его производное **ключ** 'отмычка', **клюнуть** и его производное **клюн** (например, в сербскохорватском языке **къјун**), а также **клюю** (из *'(k'l'ē)u('j"ā)n → *'(k'l"ū₂) 'j"ān → **клюж**). Говоря о старославянском слове **ключ**, С.Б. Бернштейн пишет: «Сонанты [r], [l], [n] (даже мягкие) не оказывали воздействия на задненёбные...» [Бернштейн 1961: 203]. Если считать, что в старославянском языке и в других потомках праславянского закон внутрислогового сингармонизма уже не действовал, то с мнением С.Б. Бернштейна можно бы и согласиться, но если считать, что в потомках праславянского, по крайней мере, периода существования старославянского языка, названный закон действовать продолжал, то с этим мнением согласиться нельзя. Что же касается самого праславянского языка, то в нем названный закон, тем более до распада группофонем, который произойдет в позднем периоде существования праславянского языка, действовал безусловно. А потому заднеязычный в словах указанного типа независимо от степени фонетической смягченности **фонематически** безусловно же был нейтральным, палатальным.

Следует отметить, что непереходная палатация заднеязычных звуков, которую можно видеть в слогах гы, кы, хы (→ г'и, к'и, х'и) – см. буквально на одной странице: *Принде Олегъ къ Кыеву и Игорь же съдяше в Кневѣ* [Н1ЛСиМИ 2000: 109], – произошла не в праславянском языке, а гораздо позже в языке древнерусском. Что же касается **фонемизации** палатальных заднеязычных звуков, получившихся в результате этой, уже древнерусской, палатации, то она произойдет еще позже – после процесса тк'єт → тк'от.

И, наконец, в позднем периоде существования праславянского языка группофонемы, – ради устранения тех противоречий, которые накопились уже внутри самих группофонем, – распались, и бывшие компоненты группофонем квазифонемы превратились в настоящие фонемы. Но распределение бывших согласных квазифонем по фонемам произошло следующим образом. Каждая пара соотносительных недиезных и диезных губных и переднеязычных квазифонем объединилась в одну фонему, потому что недиезные и диезные губные и переднеязычные звуки употреблялись только в разных позициях: недиезные согласные перед недиезными (непереднерядными) гласными, а диезные согласные перед диезными (переднерядными) гласными. Иными словами, недиезные и диезные губные и переднеязычные согласные звуки оказались только в позициях дополнительного распределения, а не в позиции контраста, где только и проявляется самостоятельный фонемный статус разных звуков, поэтому каждая пара соотносительных звуков из указанных разрядов и объединялась в одну фонему. При этом важно подчеркнуть, что недиезные и диезные варианты губных и переднеязычных согласных фонем были однородными по месту и способу образования: и [b], и [b'] – губные смычные, и [d], и [d'] – переднеязычные зубные смычные, и [z], и [z'] – переднеязычные зубные щелинные и т.д. В разряде же заднеязычных согласных положение было другое. Соотносительные недиезные и диезные квазифонемы, восходящие к заднеязычным, как и соотносительные недиезные и диезные квазифонемы, восходящие к губным и переднеязычным, также употреблялись в разных позициях – соответственно недиезные согласные перед недиезными гласными, а диезные согласные перед диезными гласными, и в связи с этим каждая пара соотносительных недиезных и диезных квазифонем, казалось бы, тоже могла объединиться в одну фонему, но дело в том, что в отличие от губных и переднеязычных недиезные и диезные квазифонемы, восходящие к заднеязычным, были неоднородными по месту и способу образования: “⟨g⟩” – заднеязычная смычная, а “⟨z⟩” – переднеязычная аффрикативная (если же “⟨z⟩” уже перешла в “⟨z’⟩”, то эта “⟨z⟩” была переднеязычной щелинной), аналогично обстояло дело и с парой “⟨k⟩” и “⟨c⟩” (но без перехода “⟨c⟩” в “⟨s⟩”); несколько иначе, но опять-таки не так, как с губными и переднеязычными, обстояло дело и с парой “⟨h⟩” и “⟨s⟩”: “⟨h⟩” – заднеязычная щелинная, а “⟨s⟩” – переднеязычная щелинная. Иными словами, диезные переднеязычные свистящие квазифонемы, восходящие к заднеязычным, весьма сильно отличались от недиезных заднеязычных несвистящих и вполне могли претендовать на статус представителей самостоятельных переднеязычных свистящих фонем. Но для этого им не хватало их фонемизации, т. е. помещения их в такую же позицию, в которой находились недиезные заднеязычные. Вторая переходная палатализация, называемая также бодуэновской, которая произошла после некоторых диезных гласных и диезного [r'] и одновременно перед недиезным [a] /* '(s t' l)(gā) → *s t' l z' ā (обратим внимание на то, что во втором слоге тональный сингармонизм исчез)/, впервых, проходя не внутри группофонем, а через границы группофонем, смогла разрушить группофонемы и подготовить переход всей фонематической системы от группофонемного состояния к фонемному, а во-вторых, смогла фонемизировать диезные переднеязычные свистящие варианты заднеязычных фонем, т. е. сделать эти варианты представителями уже самостоятельных диезных (палатализованных) переднеязычных свистящих фонем, ср.: стұға и стъз' ā, зánка и зánц' ā.

Впрочем, как известно, 2-я (бодуэновская) переходная палатализация заднеязычных прошла весьма непоследовательно не только в разных диалектах, но даже и в одном и том же диалекте, ср. русские названия одной и той же ягоды: голубика и голубица. Кроме того, здесь многое оказалось подверженным действию словообразовательных и грамматических факторов [Беляев 1986].

В связи с тем, что практически все писавшие о 2-й переходной палатализации заднеязычных (называя ее незакономерно 3-й) считают, что результатом ее были нейтральные, палатальные, «мягкие» свистящие, а мы считаем, что этим результатом были диезные, палатализованные, «полумягкие» свистящие, необходимо привести доводы сторонников палатальности этих свистящих, а затем доводы наши. Для обоснования

своей точки зрения сторонники палатальности рефлексов рассматриваемой палатализации используют, по меньшей мере, следующие два факта:

1) После свистящих, получившихся по 2-й (бодуэновской) переходной палатализации заднеязычных, как когда-то и после палатального согласного [j'], некоторые гласные непереднего ряда перешли в гласные переднего ряда, в частности, о → э, ъ → ъ¹⁸, например: *liko → *lico → *lice, *отъкъ → *отсь → *отсь (эти о и ъ оказались в словоформах, в которых 2-я переходная палатализация заднеязычных осуществилась не в соответствии с фонетической закономерностью, а по аналогии с теми словоформами, в которых 2-я переходная палатализация заднеязычных осуществилась фонетически закономерно, т.е. в которых после заднеязычного шел [а] (из а), например: *liko → *lico (им. пад. ед. числа) по аналогии с *lika → *lica (род. пад. ед. числа), *отъкъ → *отсь (им. пад. ед. числа) по аналогии с *отъка → *отьса (род. пад. ед. числа));

2) Имена существительные «твёрдого» варианта 1-го и 2-го склонений с основой, оканчивающейся на заднеязычный, если только этот заднеязычный подвергся 2-й переходной палатализации, перешли в «мягкий» вариант, и после получившихся свистящих, как и после палатальных согласных, возникших когда-то под воздействием палатального [j'] и оканчивавших собою основу «мягкого» варианта этих склонений, во флексиях стали употребляться гласные, присущие именно «мягкому» варианту, в частности, если в «твёрдом» варианте употреблялось ё (например: словоформа др.-русск. местн. пад. множ. числа вълцъхъ, где ц из к по 1-й переходной палатализации, и эта словоформа аналогична словоформам кокотъхъ, 'петухах', плотъхъ 'оградах'), то в «мягком» варианте употреблялось і (например: словоформа др.-русск. местн. падежа множ. числа отъцихъ, где ц из к по 2-й переходной палатализации, и эта словоформа аналогична словоформам врачихъ, въпинхъ), т.е. после свистящих, получившихся по 2-й переходной палатализации заднеязычных, как бы произошел переход ё в і.

Несмотря на это обоснование, вывод о том, что рефлексы 2-й переходной палатализации заднеязычных были палатальными, нейтральными, не является единственным возможным и обязательным, ибо имеются не менее серьезные, а, по нашему мнению, более серьезные обоснования в пользу палатализованности, диезности этих рефлексов:

1) Гласные переднего ряда е и ъ употреблялись не только после палатальных, нейтральных согласных, но и после согласных палатализованных, диезных (ср. *m'edъ, *ръзъ, *g'elo и т.п.). Следовательно, почему бы и после не палатальных, а палатализованных свистящих рефлексов 2-й переходной палатализации заднеязычных z̥, c̥, s̥ гласным непереднего ряда не измениться в гласные переднего ряда, тем более что звукосочетания s̥ё и s̥ї были в праславянской речи и до всяких переходных палатализаций заднеязычных? Более того, гласные непереднего ряда, недиезные после палатализованных, диезных согласных до 2-й переходной палатализации заднеязычных вообще не употреблялись, в то время как после палатальных, нейтральных употреблялись (ср. праславянское *(I'ë)ib ' (j'ä)n → *(I"ë)ib ' (b'I"ä)n), поэтому после палатализованных, диезных свистящих как рефлексах 2-й переходной палатализации заднеязычных гласные непереднего ряда просто обязаны были измениться в гласные переднего ряда;

2) Один из переходов гласных после рефлексов 2-й переходной палатализации заднеязычных, а именно переход ё в і (ср. вълцъхъ, но отъцихъ) никак не напоминает изменений гласных непереднего ряда в гласные переднего ряда после ранних праславянских палатальных – и потому, что такого перехода в ранний и в средний периоды существования праславянского языка не было, и потому, что и ё, и і – равно передние,

¹⁸ Данная палатализация произошла в праславянском языке и к тому же до передвижки ѹ в Ѹ и до потери гласными долготы-краткости как фонематического признака. Поэтому точнее было бы здесь использовать, как это принято для праславянских примеров, такую запись: ѹ → ё, ѿ → і. Однако во всех учебниках приводят показанные здесь более поздние переходы. Для того, чтобы в этом конкретном случае легче было сравнивать изложение доконцепции и группофонемной концепций, было решено оставить хотя и неточную, но зато более известную запись.

диезные гласные (об этом еще несколько десятилетий тому назад писал югославский ученый Р. Башкович [Башкович 1984: 106]);

3) Что касается перехода имен существительных, в которых произошла 2-я переходная палатализация заднеязычных, из «твёрдого» варианта склонений в «мягкий» вариант, то нужно иметь в виду и то, что с именами существительными мужского рода мягкого варианта 2-го склонения смешивались имена существительные мужского рода 4-го склонения, где с самого начала основы слов оканчивались в абсолютном большинстве случаев только на палатализованный, диезный, «полумягкий» согласный (например: *гжс'ь*, *гост'ь*, *голжб'ь* и т. п., но *мыш'ь*). Нетрудно понять, что все это могло случиться гораздо позже, а именно тогда, когда уже не в праславянском, а в древнерусском языке палатализованные согласные слились с палatalьными в пользу палатальных и когда возникла категория палатальности–непалатальности согласных;

4) 2-я переходная палатализация заднеязычных, которая сыграла ту же роль, что и переход [ě] в [ä] после 1-й переходной палатации заднеязычных, т.е. роль процесса, который **фонемизировал** результаты предыдущей 1-й переходной палатализации, должен был бы поддержать именно **палатализованность** этих результатов, т. е. фонемизировать не какие-то другие звуки, а именно [z̥], [c̥], [s̥]. Если бы этого не произошло, если бы появились новые звуки (и фонемы) [l̥], [c̥], [s̥], то результаты предшествующей палатализации, а именно звуки [z̥], [c̥], [s̥], не фонемизировались бы, т.е. не стали бы аллофонами новых палатализованных свистящих фонем <z̥>, <c̥>, <s̥>, а остались бы аллофонами заднеязычных фонем <g>, <k>, <h>, как, например, звук [d̥] оставался аллофоном фонемы <d>. Но появление любых новых звуков в речи без последующей их фонемизации сделало бы эти новые звуки бесполезными с точки зрения смыслоразличения в языке и незаметными не только для носителей языка, но и для исследователей этого языка. Все это дает основание оставить первоначальный вывод о том, что рефлексы 2-й переходной палатализации заднеязычных первоначально были **палатализованными, диезными**. К этому нужно добавить, что здесь имеется в виду, конечно, не конкретное звучание рассматриваемых свистящих, потому что степень палатализованности их могла колебаться в значительных пределах (ср. о разных степенях палатализованности у О. Брука [Брук 1910: 24 и сл.], у В.В. Борисенко [Борисенко 1971: 50–51] и особенно у В.Н. Чекмана [Чекман 1979: 49]), а их фонемный статус. И еще здесь учитывается, что в конечном итоге рефлексы 1-й и 2-й переходных палатализаций заднеязычных сольются, а это возможно лишь при одинаковости их тональностей. Между прочим, чтобы показать эту одинаковость, М.Ф. Станивский, который считает, что рефлексы 2-й переходной палатализации заднеязычных первоначально были палатальными, следующий шаг в их развитии видит в изменении этой их палатальности в палатализованность и лишь затем уже **слияние одинаково палатализованных** рефлексов 1-й и 2-й переходных палатализаций заднеязычных [Станівський 1983: 105]. Однако, как мы пытаемся показать, приняв палатализованность, диезность, «полумягкость» рефлексов 2-й переходной палатализации, можно обойтись без этого дополнительного и больше нигде не встречающегося процесса. Кроме того, представляется справедливым следующее утверждение В.В. Борисенко: «...понятие “палатализованные” и “палатальные” в плане фонетическом и в плане фонологическом не совпадают друг с другом. Тип фонемы, ее принадлежность к палатализованным или к палатальным фонемам определяются не столько ее фонетической реализацией, сколько той фонологической системой, в которую она входит. Именно поэтому для определения типа фонемы необходимо в первую очередь установить характер фонологической системы, включающей эту фонему, ибо до такого выяснения, даже если нам известна фонетическая реализация фонемы, мы можем судить только о возможностях фонемы, допустимых этой реализацией, не зная точно, какую из этих возможностей следует предпочесть» [Борисенко 1971: 52–53].

В целом же все семь обнаруженных (реконструированных) процессов, связанных с изменением праславянских заднеязычных согласных под воздействием гласных перед-

него ряда, оказались не случайными. Каждый из этих процессов имеет свою причину, которая, как показывает анализ, может быть и выявлена, и обоснована. В связи с тем, что проанализированные процессы дали разные по тональности результаты и, следовательно, оказались глобально разными, а именно палатациями и палатализациями, мы естественным образом нумеруем их не все по порядку, а палатации отдельно и палатализации отдельно. Но так как и палатации, и палатализации дали разные по качеству рефлексы, а именно переходные и непереходные и, следовательно, оказались в своих собственных составах тоже разными, то и их мы, естественно, нумеруем не все по порядку, а переходные отдельно и непереходные отдельно. Поэтому у нас и выделены две переходных палатации, одна непереходная палатация, две переходных палатализации и две непереходных палатализации.

Поддается объяснению и дальнейшая судьба диезных (палатализованных, «половинно-мягких») фонем **⟨z’⟩**, **⟨c’⟩**, **⟨s’⟩**. В этих фонемах с самого начала скрывалось противоречие. Обычная позиция диезных согласных звуков – перед диезными же (переднерядными) гласными. А аллофоны фонем **⟨z’⟩**, **⟨c’⟩**, **⟨s’⟩**, восходящих к фонемам (точнее, к квазифонемам) заднеязычным, могли находиться в разных позициях – и перед диезными (переднерядными), и перед недиезными (непереднерядными) гласными, например: *овъц’и* и *овъц’а*. Но ведь это была обычная позиция **нейтральных (палатальных, «мягких») согласных фонем**. Поэтому можно ожидать, что в дальнейшем эти фонемы могут рано или поздно потерять свою диезность (палатализованность) и перейти в нейтральные (палатальные) или даже в недиезные (непалатализованные и непалатальные). В реальной истории древнерусского и русского языков мы наблюдаем и то, и другое, например: в слове *нельзя* и в слове *польза* мы сегодня видим на одном и том же месте две разные фонемы **⟨з’⟩** и **⟨з⟩**, но, как показывает сравнительно-генетический анализ, и та, и другая фонема восходят к одной и той же фонеме **⟨z’⟩**, восходящей в свою очередь к **⟨z⟩**, которая опять-таки в свою очередь восходит к **⟨g⟩**. С.Б. Бернштейн настаивает на том, что слова типа *нельзя* являются исконно русскими, а слова типа *польза* – заимствованиями из старославянского языка [Бернштейн 1961: 210]. Допустим, что это действительно так. Но это ничего не меняет. Ведь старославянский язык при всей искусственности его образования является таким же наследником праславянского, как и древнерусский язык. Следовательно, противоречивое положение фонем типа **⟨z’⟩** заставляло разные славянские языки так или иначе избавляться от таких противоречивых, а значит, и неустойчивых фонем. Как именно это произойдет в том или ином конкретном потомке праславянского языка – несущественно. Главное состоит в том, что любой язык постоянно стремится избавляться от имеющихся в нем противоречий и что рано или поздно это осуществляется¹⁹. Другое дело, что избавление от того или иного противоречия и, следовательно, то или иное изменение в языке может порождать и нередко действительно порождает новое противоречие. Что ж, это новое противоречие также рано или поздно будет устранено. Задача историка языка – выявлять эти противоречия и объяснять как происхождение, так и дальнейший путь любого изменения в языке. Но именно объяснять, т.е. **обосновывать** каждое выдвинутое теоретическое положение.

¹⁹ Заметим, что **свистящие** результаты и 1-й, и 2-й переходных палатализаций станут в свое время и палатальными, т.е., иначе говоря, подвергнутся палатации, но это случится гораздо позже, уже в древнерусском языке – тогда, когда в нем возникнет категория палатальности – непалатальности. И, между прочим, именно в это время произойдет объединение имен существительных мужского рода двух склонений – 4-го (с древней основой на **-и**) и «мягкого варианта» 2-го (с древней основой на **-и ё**) – в один «мягкий вариант» 2-го склонения. А свистящая фонема **⟨щ’⟩** станет в свое время и непалатальной, т.е., иначе говоря, подвергнется полной депалатации, но это случится еще позже, уже в собственно русском языке – тогда, когда такой же депалатации подвергнутся также шипящие фонемы **⟨ж’⟩** и **⟨ш’⟩**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1947 – *Р.И. Аванесов*. Из истории русского вокализма. Звуки у и і // Вестник МГУ. 1947. № 1. [Перепечатано в книге: *Р.И. Аванесов*. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.]
- Адливанкин 1971 – *С.Ю. Адливанкин*. Краткий очерк истории праславянского языка. Пермь, 1971.
- Алимпиева 1996 – *Р.В. Алимпиева*. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. Калининград, 1996.
- Ахманова 1966 – *О.С. Ахманова*. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Беляев 1980 – *Д.Д. Беляев*. Конвергентно-дивергентные процессы в фонологических изменениях (на материале истории задненебных в праславянском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Беляев 1986 – *Д.Д. Беляев*. Третья палатализация праславянских задненебных: механизм и хронология // ВЯ. 1986. № 2.
- Бернштейн 1961 – *С.Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бордунова 1988 – *Л.И. Бордунова*. Фонетический минимум в самостоятельном изучении лингвистических дисциплин. Куйбышев, 1988.
- Борисенко 1971 – *В.В. Борисенко*. О фонетической и фонологической трактовке славянских палатализаций // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. М., 1971. № 6.
- Бошкович 1984 – *Р. Бошкович*. Основы сравнительной грамматики славянских языков: фонетика и словообразование. М., 1984.
- Бранднер 2008 · *A. Бранднер*. [Рец. на кн.:] *В.К. Журавлев*. Теория группфонем. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. М., 2007 // Sborník prací filozofické fakulty Masarykovy university. Brno, 2008. A 56 (на русск. яз.).
- Брок 1910 – *О. Брок*. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910. (Энциклопедия славянской филологии; Вып. 5.2).
- Бубрих 1930 – *Д.В. Бубрих*. Несколько слов о потоке речи. К вопросу о происхождении речи // Бюллетень Ленинград. общ-ва исслед. культуры финно-угорских народностей. Л., 1930. Вып. 5.
- Бурмистрович 1995 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Домашние задания к практическим занятиям по курсу «Историческая фонемология цепочки славянских языков: протославянского (как диалекта праиндоевропейского) – праславянского – правосточнославянского (или древнерусского) в сопоставлении его со старославянским – русского». Абакан, 1995.
- Бурмистрович 2001 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями «предок – потомок», от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Абакан, 2001.
- Бурмистрович 2006 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Предыстория и история русского языка, Часть 1 – фонематическая. Абакан, 2006.
- Бурмистрович 2007а – *Ю.Я. Бурмистрович*. Теория группфонем В.К. Журавлева. Абакан, 2007.
- Бурмистрович 2007б – *Ю.Я. Бурмистрович*. Законы фонетические и законы фонематические: суть тех и других // Slavia. 2007. Roč. 76. Seš. 2.
- Бурмистрович 2008 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями ‘предок – потомок’, от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Абакан, 2008.
- Ван-Вейк 1950 – *H. Van-Veik*. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // Slavia. 1950. Roč. XIX. Seš. 3–4.
- Вейсман 1991 – *А.Д. Вейсман*. Грекско-русский словарь (репринт с V-го издания 1899 г.). М., 1991.

- Глущенко, Орел 2007 – *В. Глущенко, А. Орел*. [Рец. на кн.:] *В.К. Журавлев*. Теория группофонем. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. М., 2007 // Мовознавство. Київ, 2007. № 6 (на укр. яз.).
- Гордина 1959 – *М.В. Гордина*. К вопросу о фонеме во вьетнамском языке // ВЯ. 1959. № 6.
- Драгуновы 1955 – *А. Драгунов, Е. Драгунова*. Структура слога в китайском национальном языке // Советское востоковедение. 1955. № 1.
- Журавлев 1961 – *В.К. Журавлев*. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.
- Журавлев 1963 – *В.К. Журавлев*. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке (Опыт диахронической фонологии). Докл. на V международном съезде славистов. Минск, 1963.
- Журавлев 1965 – *В.К. Журавлев*. Некоторые теоретические и типологические предпосылки гипотезы о праславянских группофонемах // Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1965. Т. 8.
- Журавлев 1966 – *В.К. Журавлев*. Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // Исследования по фонологии. М., 1966.
- Журавлев 2005 – *В.К. Журавлев*. Очерки по славянской компаративистике / Предисл. А.А. Соколянского. М., 2005.
- Журавлев 2007 – *В.К. Журавлев*. Теория группофонем: Развитие группового сингармонизма в праславянском языке / Предисл. Ю.Я. Бурмистровича. М., 2007.
- Зализняк 1995 – *А.А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Камчатнов 1998 – *А.М. Камчатнов*. Старославянский язык. М., 1998.
- Кацнельсон 1958 – *С.Д. Кацнельсон*. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // ВЯ. 1958. № 3. [Перепечатано в книге: С.Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.]
- Климовская 1974 – *Г.И. Климовская*. Историческая фонетика старославянского языка. Томск, 1974.
- Климовская 2003 – *Г.И. Климовская*. Старославянский язык. Томск, 2003.
- Колесов 1980 – *В.В. Колесов*. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Кретов 2002 – *А.А. Кретов*. Этап лингвистического синтеза. [Рец. на кн.:] *Ю.Я. Бурмистрович*. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями ‘предок – потомок’, от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского (Абакан, 2001) // Вестник Воронежского ГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2002. № 1.
- Кротевич, Родзевич 1957 – *Е.В. Кротевич, Н.С. Родзевич*. Словник лінгвістичних термінів. Київ, 1957.
- Кудрявцев 1996 – *Ю.С. Кудрявцев*. Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии. Тарту, 1996.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
- Макаревич 1986 – *М.И. Макаревич*. Методические разработки по исторической фонологии русского языка: Праславянский период. Тамбов, 1986.
- Макаревич 2001 – *М.И. Макаревич*. Историческая фонология русского языка: Праславянский период. Тамбов, 2001.
- Нилогов 2003 – *А.С. Нилогов*. Система тестовых заданий по дисциплине «Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями ‘предок – потомок’, от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского». Абакан, 2003.
- Н1ЛСиМИ 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Т. III). М., 2000.
- Панов 1979 – *М.В. Панов*. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Петров 1997 – *А.В. Петров*. Праславянская фонология. Архангельск, 1997.

- Петров 2001 – *A.B. Петров*. Практикум по праславянской фонологии. Архангельск, 2001.
- Петрович 1958 – *Э. Петрович*. Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка – следствие славяно-румынской интерференции // *Romanoslavika*. 2. 1958.
- Совр. русск. яз. 1979 – Современный русский язык. Ч. 1 / Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1979.
- Поливанов, Плетнер 1930 – *Е.Д. Поливанов, О.В. Плетнер*. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.
- Попова 1996 – *З.Д. Попова*. Методические указания к курсу «Модели системы языка в современной лингвистике». Воронеж, 1996.
- Попова, Кретов 1996 – *З.Д. Попова, А.А. Кретов*. Слоговая природа русской фонемы // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкоznания. Воронеж, 1996. Вып. 7.
- Ремнёва 2004 – *М.Л. Ремнёва*. Старославянский язык. М., 2004.
- Розенталь, Теленкова 1976 – *Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова*. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Самсонов 1991 – *Н.Г. Самсонов*. Праславянский язык. Якутск, 1991.
- Скупский 1965 – *Б.И. Скупский*. Старославянский язык. Ч. 1. Махачкала, 1965.
- Станівський 1983 – *М.Ф. Станівський*. Старослов'янська мова. Київ, 1983.
- Федоров 2007 – *А.К. Федоров*. Об учебном пособии Ю.Я. Бурмистровича «Теория группофонем В.К. Журавлева», Абакан, 2007 // Проблемы ономасиологии и теории номинации. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения докт. филол. наук проф. И.С. Торопцева и 70-летию докт. филол. наук проф. засл. деятеля науки РФ М.С. Зайченковой 11–13 октября 2007 г. Орел, 2007.
- Чекман 1979 – *В.Н. Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: типология и реконструкция. Минск, 1979.
- Черных 1993. Т. 1 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1.
- Шевслева 1990 – *М.Н. Шевслева*. Старославянский язык. М., 1990.
- Щерба 1983 – *Л.В. Щерба*. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983 [1-е изд. – 1912 г.].
- Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Принципы исторической фонологии // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон, Фант, Халле 1962 – *Р. Якобсон, Г.М. Фант, М. Халле*. Введение в анализ речи // Новые в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Яковлев 1948 – *Н.Ф. Яковлев*. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948.
- Якубинский 1953 – *Л.П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.
- Calleman 1950 – *B. Calleman*. Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung. Uppsala, 1950.
- Jakobson 1929 – *R.O. Jakobson*. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // *TCLP*. 1929. II.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2009 г. В.М. АЛПАТОВ

РОЗАЛИЯ ОСИПОВНА ШОР

В статье рассматриваются жизнь, деятельность, научные концепции известного российского лингвиста 20–30-х годов Розалии Осиповны Шор.

Имя Розалии Осиповны Шор (1894–1939) сейчас вспоминают редко, на ее труды ссылаются немногие. Но при жизни она занимала очень замечательное место в советской науке о языке, много и активно печаталась и выступала, ее публикации затрагивали самые различные области языкоznания, а в двух из них – социологии языка и истории лингвистики – она, бесспорно, занимала ведущее место. Она много преподавала и имела немало учеников. И еще одно обстоятельство стоит отметить. Сейчас, когда среди студентов лингвистических специальностей значительно преобладают девушки, а в числе видных лингвистов процент женщин достаточно велик, уже трудно себе представить, что менее столетия назад языкоznание, как и другие науки, было чисто мужским делом. И первой женщиной в отечественной лингвистике (исключая разве что область методики преподавания языков, где несколько раньше ее начали работать К.А. Ганшина и др.) стала именно Розалия Осиповна.

Литература о Р.О. Шор невелика, следует отметить недавно изданные воспоминания ее дочери [Шор 2006], мало касающиеся ее как ученого, но содержащие много информации о ее биографии и личности.

Розалия Осиповна Шор родилась 12/24 июня 1894 г. в Ковно (ныне Каунас), но когда ей было шесть недель, семья переселилась в Москву, где Р.О. Шор прожила всю свою недолгую жизнь. Семья была интеллигентной: отец – врач и ученый-бактериолог, мать – зубной врач. Окончив гимназию, Розалия поступила на германское отделение историко-филологического факультета Высших женских курсов, преобразованных после революции во Второй МГУ. Ею она окончила в 1919 г., затем она еще год занималась на лингвистическом отделении историко-филологического факультета Первого МГУ у Д.Н. Ушакова и М.Н. Петерсона.

Интерес к научной деятельности, несомненно, был у Р.О. Шор уже в студенческие годы, но, как пишет ее дочь, «не знаю, сколько и как бы мама работала, если бы не революция. Революция, безусловно, открыла ей дорогу в науке, устранив на первых порах дискrimинацию женщин и евреев, но за это она потребовала подчинения себе» [Шор 2006: 212].

Однако в 20-е гг. женщин в лингвистической среде было совсем мало, и Шор резко выделялась. Так, она была единственной женщиной в постоянном составе Московского лингвистического общества, существовавшего в 1918–1923 гг. и объединявшего московских лингвистов, принадлежавших к школе, восходившей к Ф.Ф. Фортунатову. Как

указывал впоследствии М.Н. Петерсон, Р.О. Шор, присоединившаяся к обществу еще студенткой, заведовала общественной библиотекой и трижды за пять лет существования общества выступала с докладами [Петерсон 1943]. Одновременно она (как и ряд других лингвистов) входила и в состав другого образования: Московского лингвистического кружка (1915–1924). Там она постоянно участвовала в дискуссиях и не менее трех раз выступала с докладами [Баранкова 1999: 380]. Кроме нее, там зафиксировано эпизодическое участие еще лишь одной женщины – литературоведа Е.Н. Коншиной, сделавшей по одному докладу на одну и ту же тему. А Шор входила в ядро обоих кружков.

Темы докладов Розалии Осиповны достаточно разнообразны. На Московском лингвистическом обществе: «Перфективирующее значение приставки *ge-* в древне- и средневерхненемецком языке», «К вопросу о внутренней форме», «Актуальность и статика в языке (по поводу книги de Saussure'a "Cours de linguistique générale")». На Московском лингвистическом кружке: «Применение психологического эксперимента в лингвистике», «О реконструкции фактов индоевропейского языка», «О статье Рихарда Майера "Искусственные языки"». В списке обращают на себя внимание, во-первых, широта и разброс тематики, во-вторых, присутствие тем, которые будут волновать Розалию Осиповну и позже, особенно о Ф. де Соссюре: в 1923 г. его «Курс» в Москве знали еще немногие.

Следует отметить еще один параметр, игравший важнейшую роль именно в то время: возраст. Р.О. Шор принадлежала к поколению Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, Л.П. Якубинского. Эти яркие и талантливые ученые, тогда совсем молодые, благодаря революции заняли ведущее положение, оттеснив старую профессуру, в большинстве не хотевшую и не умевшую приспособиться к новым ситуациям. Но и это поколение лингвистов еще состояло из мужчин, Шор оказалась в нем единственной женщиной. Характерна ошибка В.Н. Волошина, не раз ссылавшегося в книге «Марксизм и философия языка» на работу [Шор 1927], но именовавшего ее «очерком Р. Шора» [Волошинов 1929/1995: 264]. Современный бахтинист счел эту ошибку намеренной, «карнавальной» [Пешков 1998: 52]. Но очевидно, что Волошинов, зная фамилию Шор лишь по публикациям, просто не мог себе представить женщину в качестве автора солидной научной статьи.

Но Шор была женщиной, и в 1926 г., за год до публикации упомянутой Волошиновым статьи, родила дочь. П.С. Кузнецов, учившийся у Розалии Осиповны санскриту как раз тогда, когда у нее был грудной ребенок, вспоминал: «когда родилась Женя Шор..., кто-то несведущий спросил: "А кто же отец?". Р.О. [Шор] ответила: "Знаете, в нашем племени вообще принято непорочное зачатие"» [Кузнецов 2003: 177]. Евгения Николаевна пишет, что так никогда и не узнала, кто был ее отцом.

В чем-то положение единственной женщины среди мужчин могло быть и выигрышным: дочь отмечает среди качеств матери умение «сочетать женственность с ученыстью» и вспоминает слова одного из ее коллег: «Розалия Осиповна была обаятельная женщина» [Шор 2006: 249]; ср. оценку П.С. Кузнецова: «Р.О. [Шор] вообще была женщина остроумная» [Кузнецов 2003: 177]. Кузнецов отмечает и то, что еще до знакомства с ней «слышал о ней много интересного и отчасти анекдотического» [Там же: 177], что свидетельствует о ее популярности. И карьера ее была успешной.

Основные вехи служебной деятельности Р.О. Шор восстанавливаются из составленного ею незадолго до смерти (в 1937 или 1938 г.) «Краткого жизнеописания», опубликованного дочерью [Шор 2006: 219–220] (приводим с сокращениями). «Оставлена при I МГУ по кафедре сравнительного языкознания. Назначена научным сотрудником I разряда Лингвистической секции Института языка и литературы РАНИОН... в 1922 г. Избрана секретарем лингвистической секции в 1925–26 гг. ...Назначена научным сотрудником Гос. академии художественных наук (ГАХН) в 1924 г. ...Назначена научным сотрудником I разряда Института народов Востока (позже – Институт национальностей, ныне Институт языка и письменности) в 1926 г. ...Утверждена действительным членом Институтов языка и литературы и народов Востока в 1929 г. Выдвинута в действительные члены ГАХН (ГАИС) при его реорганизации и слиянии с РАНИОН в

1929–1930 гг. После выделения из ГАИС н.-и. института языкоznания (1931 г.) назначена его действительным членом, которым оставалась до закрытия НИЯЗа в 1933 г. Профессор АЗГУ [Азербайджанский университет. – В.А.] по кафедре общего языковедения в 1928/29 и в 1929/30 г. Зав. кафедрой языка в Институте повышения квалификации педагогов с 1929/30 г. по 1933/34 гг. При организации Ученого комитета по языку и литературе НКПроса назначена его членом. ... Зав. кафедрой языковедения в МГПИИЯ [ныне МГЛУ. – В.А.] с 1935/36 гг. Профессор ЛИФГИ (ныне филолог. фак. ЛГУ) с 1935/36 ак. г. Назначена профессором ИФИ [то же, что МИФЛИ. – В.А.] с 1934/35 ак. г. Утверждена в звании профессора НКПросом 11/IV 1934 г., утверждена в степени доктора лингвистических (филологических) наук в феврале 1936 г., в 1936/37 и 37/38 гг. работала в качестве члена экспертной комиссии Комитета по делам высшей школы». А далее еще и список сделанного «по линии общественной работы»: консультирование, участие в научных советах, конференциях, организации выставок, доклады, оборудование кабинетов наглядными пособиями, работа в месткомах и т.д. Многое из этого было связано с постоянными командировками по стране (за границей Шор не была), а в последние годы жизни Розалия Осиповна ежемесячно должна была ездить в Ленинград, где у нее также было много обязанностей. Последний пункт «жизнеописания»: «Была одним из организаторов и участником Московской конференции женщин-ученых». В него не включена «редакторская и литературная работа», поскольку она отражена в «прилагаемом списке работ».

Е.Н. Шор публикует и заявление своей матери в Наркомпрос от 29 июня 1935 г., где она пыталась отказаться от «клестного для меня предложения занять кафедру общего языкоznания МОПИНЯ», указывая на десять уже имеющихся нагрузок [Шор 2006: 218–219]. Но из «жизнеописания» следует, что и эту должность ей пришлось взять на себя. Дела бывали самыми неожиданными. «В созданной тогда телефонной справочной по всем вопросам науки мама стала консультантом и с удовольствием, с гордостью какой-то давала [по телефону. – В.А.] объяснения по лингвистике» [Там же: 244].

Как выразился В.В. Маяковский, «нагрузки по макушку». И совершенно фантастическая работоспособность. Ничего здесь не изменило и рождение дочери. Как вспоминаст дочь, «мама обычно проводила весь день на работе и возвращалась домой поздно... Тут же она садилась за убранный обеденный стол; она всегда работала за обеденным столом... Казалось естественным, что она работает до двух, трех, четырех часов ночи... Мама работала так круглый год, в выходные дни тоже, она не брала отпуск (кроме последних двух лет), все равно ей нужно было летом писать свое или редактировать чужое» [Там же: 220–221].

Другая черта ее как ученого – огромная эрудиция. Она знала 16 языков (правда, видимо, только индоевропейских). Как свидетельствует П.С. Кузнецов, учившийся в разные учебные годы санскриту у нее и у М.Н. Петерсона, объяснения Петерсона были интереснее, но язык Шор знала лучше [Кузнецов 2003: 177]. Это, конечно, было связано с ее великолепной памятью: «До 35–36 лет у нее не было записной книжки, а номеров телефонов ей нужно было помнить очень много» [Шор 2006: 246]. Эрудиция распространялась и на знание лингвистической литературы, особенно зарубежной, в этом у нее в те годы не было равных. Например, когда значительно уступавший ей в этом отношении В.Н. Волошинов имел неосторожность написать, что специальных работ по истории философии языка до сих пор нет, Шор в рецензии перечислила сразу пять солидных трудов, опубликованных за рубежом [Шор 1929: 149].

Такие знания нашли хорошее применение: энциклопедическую деятельность. Ее вклад в первое издание Большой советской энциклопедии (БСЭ) огромен и может быть сопоставлен лишь с деятельностью С.К. Булича в энциклопедии Брокгауза и Ефона. Она написала гигантское количество больших и малых статей на самые разные темы: по теории языка, по конкретным языкам, персоналии лингвистов. Лишь в шести томах, с 17-го по 22-й, ей только среди статей, перечисляемых в особых списках крупных статей, принадлежит семь, названия которых впечатляют: Глагол, Гласные звуки, Глоттогенез, Грамматика, Гримм Я. и В., Гумбольдт В. (как лингвист), Диалектология. Отметим

и обширные статьи «Языковедение» и «Язык» (последняя в соавторстве), к которым мы еще вернемся. С 1932 г. до конца жизни Шор была редактором раздела «Языкоznание» в энциклопедии (сначала совместно с Н. Я. Марром, а после его смерти единолично). Велик ее вклад и в печатавшуюся в 20–30-е гг. и оставшуюся незаконченной «Литературную энциклопедию», куда включались и статьи по лингвистике.

Еще важнее публикаторская деятельность Шор. В 30-е гг., когда научные связи с заграницей стали уменьшаться, а иностранной науке уделялось все меньше внимания, она добилась организации серии «Языковеды Запада», где под ее редакцией в 1933–1938 гг. вышло пять книг (после смерти Розалии Осиповны серия прекратилась). Первым ее выпуском стало первое русское издание «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра в переводе А. М. Сухотина [Соссюр 1933]. Затем появились книги Э. Сепира [Сепир 1934], Ж. Вандриеса [Вандриес 1937], В. Томсена [Томсен 1938] и А. Мейе [Мейе 1938]. Лишь последняя книга была переизданием, остальные переводились на русский язык впервые. Переводчиком Сепира был тот же А. М. Сухотин, он же переработал старый перевод Мейе, до революции выполненный Д. Н. Кудрявским. Книга Томсена была переведена под редакцией Шор ее студентами. Загадку представляет собой вопрос о переводе Вандриеса: в издании фамилия заменена тремя звездочками. Так как книга была сдана в печать в конце 1936 г. и вышла в свет в 1937 г., естественно предположить арест этого человека. Рассказывают об устном свидетельстве П. С. Кузнецова, назвавшего в качестве перевода Михаила Андреевича Солонино (1885–1937), романиста и германиста, привлекавшегося Р. О. Шор и для БСЭ, действительно ставшего жертвой репрессий. Самому П. С. Кузнецову в этом издании принадлежат содержательные комментарии. К сожалению, вступительные статьи к Соссюру (Д. Н. Введенский) и Сепиру (С. Л. Белевицкий) мало удачны.

Сама Розалия Осиповна выступила как автор лишь в двух из пяти книг: к Вандриесу она написала вступительную статью, а книгу Томсена дополнила «Кратким очерком истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в.» [Шор 1938], об этих публикациях еще будет сказано ниже. История языкоznания Томсена была крайне односторонней: она сводилась почти исключительно к истории сравнительно-исторического языкоznания, игнорировались как «донаучное» языкоznание ранее начала XIX в., так и В. фон Гумбольдт и другие теоретики языка. Поэтому очерк Шор, восполнявший эти пробелы, был совершенно необходим для формирования картины развития науки.

Но и там, где Шор выступала только как редактор, ее роль была велика. И важно, что для перевода она отбирала самое существенное. Русский перевод «Курса» Соссюра был совершенно необходим. А для Сепира, на книгу которого 1921 г. она ссылалась еще в своей книге 1926 г., она стала первооткрывателем в СССР.

Количество публикаций Шор очень велико, особенно для автора, деятельность которого продолжалась недолго, менее двух десятилетий. Но преобладают «малые жанры»: энциклопедические статьи, обзоры, предисловия и послесловия, комментарии, рецензии (в этом жанре Шор тоже была очень активна). Здесь, впрочем, есть работы, достаточно большие по объему, скажем, добавления к В. Томсену или статья «Языковедение» в БСЭ. Но статей обычного типа немного. А прижизненных книг, не считая литературоведческих и изданий переводов, всего две и не слишком объемистые. Это [Шор 1926] и [Шор 1931а]. Первая из них посвящена социологии языка (сам термин «социология языка», по-видимому, в СССР употребила впервые именно она), вторая имеет в основном историографический характер.

Книга [Шор 1926], изданная за один год (как раз год рождения дочери автора) дважды, несомненно, самая интересная ее работа, удачно сочетающая научность с общедоступностью, написанная ярко, привлекающая множество любопытных и иногда забавных примеров из художественной литературы и из разговорного языка. В книге ощущается, что ее автором была «женщина остроумная». Но цель автора вполне серьезна: «изложить в доступной для русского читателя форме новейшие достижения западноевропейской научной мысли в области социологии языка» [Шор 1926: 3]. И она далее перечисляет имена: на первом месте Ф. де Соссюр, затем А. Мейе, Ш. Балли,

Э. Сепир (имя тогда для СССР совсем новое), А. Марти; в числе ученых, используемых в меньшей степени, названо еще семеро, в том числе О. Есперсен, М. Бреаль [Там же: 3–4]. Оговаривается, что И.А. Бодуэн де Куртенэ учтен лишь в связи с понятием фонемы [Там же: 4].

Сразу отметим, что в работах Шор русской науке о языке отводилось мало места. Так, в очерке мирового языковедения А.А. Потебня оценен как популяризатор Х. Штейнталя [Шор 1931в: 396], Ф.Ф. Фортунатов без оговорок назван младограмматиком, а, скажем, А.Х. Востоков или Н.В. Крущевский проигнорированы. Это соответствовало духу времени, а до эпохи, когда на русскую науку стало у нас обращаться главное внимание, Розалия Осиповна не дожила. Впрочем, в самом конце жизни она уже критиковала В. Томсена за игнорирование русских ученых [Шор 1938: 5].

Такой постановкой задачи («изложить новейшие научные достижения западноевропейской научной мысли») Шор сразу обрекала себя на определенную вторичность, на роль пересказчика чужих идей, в доступной форме применяемых к новому материалу, прежде всего, русского языка. Но постоянная ее склонность к полемике и критичность проявляется и здесь. Она резко отзывается о «несостоятельной» «ходячей морфологической классификации языков» [Шор 1926: 14–15] (впрочем, в этом месте книги видно влияние Э. Сепира). А в социологии языка добавлены формулировки о классовом господстве и классовом сознании [Там же: 120, 121, 134 и др.], хотя их заметно меньше, чем в поздних работах того же автора.

Влияние Ф. де Соссюра заметно в книге не раз. Так, споря с идеей о слове как представлении, Шор принимает его знаковую теорию: «слово – не представление, а знак» [Там же: 80], как и идеи произвольности знака [Там же: 42 и др.]. У Ш. Балли используется идея о том, что в каждом языке имеются система выражения значений и система выражения эмоций [Там же: 82]. Многое взято у того и другого, как и у А. Мейе, и в связи с социальной ролью языка. Именно Шор отнесла всех этих ученых, а также Ж. Вандрисса (видимо, попавшего в ее поле зрения после 1926 г.) к «социологической школе языкознания». Это понятие надолго утвердилось в советской науке, сохранившись даже в хрестоматии В.А. Звегинцева [Звегинцев 1964: 412–415], который, правда, исключил из нее и рассматривал отдельно Соссюра и его последователя Балли, зато добавил Э. Бенвениста.

Однако Шор никогда не принимала самый нетрадиционный и вызывавший в те годы наибольшие возражения компонент учения Соссюра – разделение на синхронию и диахронию при приоритете первой над второй. Об этом она писала, в частности, в рецензии на книгу В.Н. Волошинова [Шор 1929: 153]. Там же она указывала: идеи Соссюра, в отличие от «в корне чуждых» идей К. Фосслера, после «коренной перестройки» могут быть пригодны для построения марксистской лингвистики; в связи с этим она резко оценивала книгу Волошинова, имевшего как раз обратное мнение [Там же: 154].

Но все же книга [Шор 1926] даже по своей проблематике далеко не сводится к простому переложению идей «социологической школы». Большая ее часть посвящена проблеме, обычно вообще не рассматриваемой лингвистами, несмотря на свою важность. Книга, обращенная к широкому читателю, исследует стереотипы массового, «наивного» сознания в отношении языка, выявляет их причины и старается отучить от них. Например, рассматривается то, что «рефлектирующее над языковыми фактами наивное сознание» удивляется множеству языков и особенно тому, что «в различных языках для обозначения одной и той же вещи применяются совершенно различные звуковые комплексы» [Шор 1926: 6]. «Серьезная наука» редко замечает такие проблемы (впрочем, как раз Соссюр их обсуждал, говоря о произвольности знака), но они очень важны. И недаром современный лингвист назвал популярную книгу о языке «Почему языки такие разные?» [Плунгян 1999]. И Шор вкратце рассматривает, какими разными бывают языки, давая начатки знаний о типологии и приводя разнообразные примеры.

Другой вопрос связан с тем, что «сталкиваясь с проблемой многообразия человеческих языков, наивное сознание реагирует на нее, прежде всего, своеобразным протестом» (непривычное кажется «нечеловеческим», отсюда пародии на чужое произно-

шение, прозвища и пр.) [Шор 1926: 20]. На это накладываются замечаемые носителями изменения в языке, что «окончательно разрушает свойственное наивному сознанию представление о естественно-необходимом характере его родной речи» [Там же: 33]. И несостоятельность такого представления показана на разных примерах: говорится о социальном, а не естественном характере владения языком, о различии между природными звуками (таковыми кажутся и звуки чужой речи) и звуками, включенными коллективом в систему (вот здесь сказано о фонемах).

Еще один предрассудок: «примитивному сознанию слово представляется тождественным с обозначаемым им предметом» [Шор 1926: 63], что проявляется в магии слов, табу и пр. «Но в основе этого наивного представления лежит проблема менее ясная – проблема о тождестве **значения**, как существующего в коллективном смысле слова, и **названия**, как указания на предмет» [Там же: 67]. И далее рассматриваются проблемы семасиологической и номинативной функций, в том числе случаи их несовпадения. Кроме того, «наивное языковое сознание» сохраняется, приобретая новые свойства, и при элементарном образовании: лингвистически не образованному грамотному человеку «основной единицей речи обычно представляется графическое слово» [Там же: 56], хотя в связной речи это не так, на что указывают народные этимологии и каламбуры. Один из примеров Шор хочется привести: строку «Интернационала» *Воспрянет род людской* кто-то (ребенок?) воспринял как: *Воз пряни[ков]* в рот людской [Там же: 57]. Последнее, против чего предостерегает Розалия Осиповна, – свойственное даже некоторым лингвистам отождествление значения слова с его этимологией или внутренней формой в смысле А.А. Потебни: «Внутренняя форма слова так же мало связана с его значением, как и с его внешней формой» [Там же: 93]; «Установление этимологической связи двух слов отнюдь не раскрывает их значение, но делает это значение “образным”, наглядным» [Там же: 95].

Анализ точно подмеченных свойств «наивного сознания» играет у Шор двоякую роль. Во-первых, оно дает возможность на, казалось бы, совсем простом уровне рассмотреть серьезные и сложные проблемы языка. Во-вторых, это имело тогда и имеет сейчас и самостоятельное значение. В 20-е гг. шло активное распространение литературного языка и книжной культуры в массы, часто сохранявшие «наивное сознание», в том числе языковое, что могло порождать те или иные коллизии. А сейчас, конечно, человек со средним или высшим образованием уже не будет называть любого, кто не говорит на его языке, *немцем* или подобно цитируемому Шор негру Джиму из «Приключений Гекльберри Финна» думать, что в мире есть лишь один его родной язык. Но и люди, прекрасно образованные в других областях знаний, могут проявлять те или иные черты «наивного сознания». Это хорошо проявилось при обсуждении предлагавшихся реформ русской орфографии в 60-х гг., и в совсем недавнее время, когда выступления многих уважаемых людей, в том числе писателей, показали, что поднятые Шор вопросы еще долго будут актуальными.

Последняя часть книги [Шор 1926: 100–147] непосредственно посвящена теме, заявленной в ее названии. В то время социолингвистика как особая дисциплина еще не существовала, а в нашей стране Шор наряду с Е.Д. Поливановым выступала в роли первопроходца. Рассмотрено на ряде примеров, как социальная дифференциация отражается в языковой дифференции; описываются социальные диалекты, включая тайные языки, и их соотношение с «общим языком»; обращается внимание, что таким образом в языке выражается классовое или групповое самосознание. Шор избегала заявлений марристов о всеобщей классности языка, говорится лишь о выражении классовой борьбы в экспрессивной окраске слова (в том числе звуковой) и об обусловленных «классовым сознанием» мерах по регулированию языка (в зависимости от ситуации это может быть поощрением или искоренением заимствований и пр.). Рассмотрены разные формы существования языка: территориальные диалекты, койне, но также и «общие языки», отрицавшиеся марристами. Особо указано, что социальное взаимодействие между группами ведет к языковой унификации, а отсутствие такого взаимодействия – к дифференциации [Шор 1926: 133]. Специально обращено внимание на редко тогда

упоминавшиеся теоретиками языка «торговые жаргоны» и пиджины [Там же: 134]. В то же время Шор признает (что делали не только марристы) существование смешанных языков, к которым относит английский и современный персидский [Там же: 134–135]. Постоянно автор книги старается объяснить те или иные явления языка изменениями в обществе, причем роль экономических факторов (в частности, экономического господства) считает более важной, чем роль политики [Там же: 134]. При общей разумности подхода иногда объяснения выглядят излишне прямолинейными. Процесс распада языков Шор однозначно связывает с экономическим регрессом: распад латыни и образование романских языков она объясняет регрессом после падения Римской империи [Там же: 138].

Влияния марризма (как, впрочем, и полемики с ним) в книге нет, источники влияния совсем другие. В целом же книга вполне разумна и хорошо написана; хотя современная социолингвистика далеко ушла вперед, книга выглядит не такой уж устаревшей, в 2009 г. она переиздана. А в 20-е гг., безусловно, она выделялась. Впоследствии В.А. Звегинцев в кратком очерке советского языкознания 20–30-х гг., ссылаясь на эту книгу, писал: «Положения социологической школы нашли отражение в деятельности Р.О. Шор» [Звегинцев 1960: 226]. Эта школа отделена им и от традиционной науки тех лет (куда, впрочем, причислен даже Е.Д. Поливанов), и от марризма.

Но скоро Розалии Осиповне пришлось каяться за свою книгу. Она писала, что ошибочно пыталась «материалистически переработать Ф. Соссюра», дополняя его А. Мейе, вводила экономический фактор, но сохранила основные дефекты соссюровской концепции, в результате «нечеткость социологических понятий и недиалектичность всей концепции» [Шор 1931а: 27].

Такая смена вех прошла несколько этапов и была обусловлена как усилением борьбы за марксистскую лингвистику в стране, так и установлением между 1926 и 1931 гг. господства марризма. В книге [Шор 1926] при использовании иногда марксистской терминологии задача построения марксистской лингвистики еще не ставилась. Уже в рецензии на В.Н. Волошинова [Шор 1929] она обсуждается, но пока еще считается возможным использовать, пусть после «перестройки», идеи Соссюра. К 1931 г. так вопрос уже не стоял.

Изменение климата в советской лингвистике хорошо видно из сравнения двух публикаций, где Розалия Осиповна высказываеться о книге В.Н. Волошинова «Марксизм и философия языка» [Шор 1929; 1931б]. Суть отношения к книге одна и та же: Шор ни там, ни там не принимает концепцию Волошинова. Но в первой публикации она дает чисто научный анализ с явной симпатией к Соссюру, а спустя два года оценки резче и идеологизированнее.

«Новое учение о языке» Н.Я. Марра стало активно внедряться во все области языкознания лишь в 1928–1929 гг., когда оно было при поддержке ряда видных деятелей партии (М.Н. Покровский, А.В. Луначарский) объявлено «марксизмом в языкознании». При этом в Ленинграде, где жил Марр, оно и тогда, и даже позже было влиятельнее, чем в Москве, где была заметна оппозиция ему. И одной из первых в Москве под влияние марризма (никогда, впрочем, не ставшее полным) подпала (наряду с Н.Ф. Яковлевым и Л.И. Жирковым) Р.О. Шор. Если в книге 1926 г. нет Марра, то уже в следующем году в статье [Шор 1927] о «новом учении» говорится, да и сама статья опубликована в марристском издании. А П.С. Кузнецов, упоминая о резкой враждебности марризму М.Н. Петерсона и А.М. Селищева, пишет: «Р.О. Шор, напротив, во многом тогда склонялась к Марру» [Кузнецов 2003: 186–187]; далее он еще раз повторяет эту фразу [Там же: 189]. В «поливановской дискуссии» 1929 г. она выступила на стороне противников Е.Д. Поливанова, то есть за Марра. В следующей дискуссии 1931 г. между марристами и «Языкофронтом» она до конца не солидаризировалась ни с одной из сторон, но в целом также была за Марра.

Вряд ли такое поведение следует объяснять, как это часто делают в подобных случаях, только страхом и влиянием проработок. В Москве Шор, как отмечает П.С. Кузнецов, стала «склоняться к Марру» сразу, еще до его полной победы, когда еще возможно было

открытое выражение разных мнений о «новом учении». Уже в начале 30-х гг. крайние марристы иногда задевали и ее (Шор отнесена к «контрабандистам» в числе многих других в погромном сборнике [Против 1932], выпущенном молодыми ленинградскими марристами во главе с Ф.П. Филиным), но это происходило все-таки позже. Представляется, что «новое учение» ей действительно было интересно, как бы это ни казалось странным с современной точки зрения, и она здесь была не одинока. Но все же она была слишком образованна и эрудированна, чтобы отвергнуть ради него всю мировую науку. В борьбе научных партий она была за Марра, но и не вместе с ним.

У Розалии Осиповны было много качеств, ценных для ученого: работоспособность, эрудиция, умение интересно писать и четко формулировать свои мысли. Ей не хватало самостоятельности во взглядах. И часто она увлекалась теми учениями, которые были в данные годы популярны (хотя испытание временем они выдерживали потом по-разному). Так было с Соссюром, от влияния которого она полностью не освободилась, хотя в 30-е гг. стала к нему много критичнее. И так было с Марром. Впрочем, у обоих она не приняла самые смелые и порывавшие с традицией идеи: у Соссюра отказ от историзма, у Марра отвержение компаративистики. В результате ученые, четко придерживавшиеся определенных взглядов, упрекали ее в эклектизме. Вот, например, позднейшая характеристика А.А. Реформатского: Шор «была по природе эклектична, заигрывала с марксизмом» [Реформатский 1970: 25]. Он же указывал, что фонологи Московской школы не могли по этой причине найти с ней научное взаимопонимание (хотя она им много помогала, давая им работу и активно привлекая для серии «Языковеды Запада»).

Разделяя со многими языковедами интерес к Марру, Шор, с блеском воевавшая с «наивным сознанием», не замечала или не хотела замечать, что именно им во многом определялись замысловатые построения именитого академика. «Новое учение» на деле оказывалось регрессом, возвращением к наивным представлениям, давно оставленным наукой; в частности многие построения Марра основывались на придуманных им народных этимологиях (мы рассматриваем этот вопрос в особой статье [Алпатов 2009]). Эта сторона «нового учения», очень сильная у самого Марра, впрочем, затушевывалась и сглаживалась его более академичными последователями вроде И.И. Мещанинова, а также и самой Р.О. Шор.

В 1931 году вышли в свет две важнейшие работы Р.О. Шор: ее вторая книга по лингвистике [Шор 1931а] и самая объемистая энциклопедическая статья [Шор 1931в]. Их имеет смысл рассмотреть суммарно, поскольку они близки по тематике (очерк истории мирового языкознания) и даже имеют текстуальные совпадения, хотя не совсем совпадают по объекту изучения. Первая работа при экскурсах в прошлое делает акцент на современности, вторая в силу жанра энциклопедического компендиума касается всего периода от начала Нового времени до 20-х гг. XX в. (античная и средневековая наука не вызывала у Шор интереса). Кроме того, энциклопедический очерк сосредоточен на «буржуазной лингвистике» (учение Марра изложено в том же томе в статьях других авторов), а в книге речь идет и о «марксистской науке».

Книга [Шор 1931а], вышедшая с предисловием А.В. Луначарского, стояла в ряду публикаций, ставивших целью создание нового, марксистского языкознания. Об этом тогда или немного раньше писали Н.Я. Марр и его последователи, Е.Д. Поливанов, В.Н. Волошинов, Г.К. Данилов, И.И. Презент и др. Люди во всех отношениях разные, и «марксистская лингвистика» у всех получалась разной. Особенность подхода Шор естественна для человека с большой эрудицией и меньшей научной самостоятельностью: она критически разбирает «буржуазную науку», выделяя в ней наследие, которое можно использовать (такового за исключением фактического материала остается немного), дает столь же критический обзор существующей «марксистской лингвистики», но гораздо в меньшей степени предлагает собственные идеи и методы.

Оба очерка развития «буржуазной науки» показывают обширные познания автора, фактически точны, содержат немало интересных оценок и замечаний, но жестко подчиняются принятой тогда в советской (не только лингвистической) историографии схеме, согласно которой мировая наука XVI–XIX вв. повторяла в своем развитии судь-

бу формировавшего ее класса – буржуазии. Пока буржуазия была восходящим, прогрессивным для своего времени классом, наука шла вперед, достигнув высшей точки к началу XIX в., а дальше, как и породивший ее класс, стала клониться к упадку (что не исключало прогресса в решении каких-то частных вопросов). Так тогда подходила к истории лингвистики не одна Шор, см., например [Абаев 2006: 18]. Эта схема, с одной стороны, стимулировала изучение науки, в том числе науки о языке XVII, XVIII и первой половины XIX вв., для которой оставляла возможности достаточно объективного анализа. Но, с другой стороны, как любая схема, она была слишком жесткой, а оценки современной западной науки оказывались крайне резкими.

Еще один перекос: такой подход требовал акцентировать роль ученых, которых можно было с тем или иным основанием считать материалистами. Тут, правда, оценки могли быть разными. Е. Д. Поливанов считал: «Со времен Шлейхера лингвистику можно считать уже материалистической» [Поливанов 1991: 537]. Но Шор применяла обычные для того времени критерии разграничения материализма и идеализма. В результате «буржуазный материализм» обнаруживался, прежде всего, у мыслителей XVIII в., в частности, у Ж.-Ж. Руссо [Шор 1931в: 395; 1931а: 9], а позже элементы материализма, «осмеянные и отброшенные» господствующей наукой, обнаруживаются у немногих занимавших маргинальное положение языковедов, в том числе у М. Мюллера [Шор 1931а: 9]. Все остальные направления рассматривались как идеалистические, впрочем, особо выделялся позитивизм, игнорировавший «основной вопрос философии» о материи и духе. «Общий путь развития буржуазной научной мысли» Шор определяет как «движение от материализма к идеализму» [Там же: 9], а всех современных ученых, кроме отчасти О. Есперсена, не отказавшегося совсем от натуралистического подхода, называет «чистыми идеалистами» [Там же: 12].

Приходилось учитывать и особые обстоятельства. За год до публикации данных работ И.В. Сталин резко отозвался о социал-дарвинизме, связав его с «социал-фашизмом». Но в области языкознания социал-дарвинизм проявлялся, прежде всего, у А. Шлейхера. Поэтому оценки именно этого ученого особенно резки: «Как всякое перенесение дарвинизма в область общественных наук лингвистический натурализм Шлейхера является объективно-реакционным учением, широко используемым идеологами империализма» [Шор 1931в: 399]. И вопреки словам о «широком использовании» несколькими строками ниже: «Натурализм Шлейхера... оказался мало устойчивым» [Там же: 399]. Но не стоит судить об очерках на основе лишь таких пристрастий времени, в них присутствует серьезное содержание.

«Восходящий» период развития «буржуазной» науки Р.О. Шор возводит к временам, когда «начало колониальной экспансии, географические открытия и торговые путешествия создают необходимые предпосылки для широкого ознакомления европейской научной мысли с новыми языковыми коллективами, с языками иных типов, чем известный с древности узкий круг языков европейских» [Там же: 393]. В то же время наука о языке во многом еще до начала XIX в. не была самостоятельной научной дисциплиной, так как не отделилась от филологии. Особо отмечены философские концепции языка XVIII в., в связи с чем дается нестандартная оценка места В. фон Гумбольдта в языкознании: «последний крупный представитель философии языка, стоящий у начальной грани 19 в.» [Шор 1931в: 295]. То есть этот мыслитель связывается не столько со своими современниками и последователями, как это обычно делается, сколько с предшественниками. Любопытна и идея о том, что философия языка, свойственная XVII–XVIII вв., после Гумбольдта была «отвергнута как ненаучная» «натуралистическим компаративизмом 19 в.» и возродилась лишь в начале XX в. [Шор 1931а: 393]. Тем самым Х. Штейнтал и другие гумбольдтианцы выводятся за пределы традиции Гумбольдта.

Сравнительно-историческое языкознание рассматривается Шор более всего с точки зрения его теоретических основ, действительно составляющих, как это указывали и до нее, его самое слабое место, а конкретной методике реконструкцийделено мало внимания. Указано, что прогрессивная для начала XIX в. идея сравнения языков первоначально (Гумбольдтом и особенно Ф. Шлегелем) рассматривалась в широком

культурном окружении, что проявилось в пусть неверной, но глобальной идее стадий, но, уже начиная с Ф. Боппа, об этом забыли, перенеся внимание на частности [Шор 1931а: 13]. Когда языки мира делятся на неизменные по своим пределам семьи, взаимодействующие лишь через процесс заимствования, не учитываемый при сравнениях языков, то «мир представляется готовым, законченным, раз навсегда данным» [Там же: 13]. В результате «полное искажение исторического процесса в языке», «сужение всего поля исследования», «господство звука вне смысла, помимо смысла» [Там же: 14]. Справедливо указано, что в компаративистике и исторической лингвистике в целом, особенно в эпоху младограмматизма, при интенсивной разработке фонетических сопоставлений морфология является лишь «приложением» фонетики, а синтаксис и семасиология разработаны слабо [Шор 1931в: 404, 406]. Данна критика двух постулатов компаративистики: «о замкнутом и изолированном развитии нескольких происшедших из одного общего праязыка языков» (то есть постулата родословного древа) и постулата фонетического закона [Там же: 402–403]. Действительно, если, как это делали и делают многие компаративисты (в наиболее крайнем варианте А. Шлейхера), придавать этим постулатам не чисто методическое, а онтологическое значение, они очень уязвимы для критики, в которой Шор была не одинока. Она сама указывает, что положения компаративистики уже критиковались с начала XX в. и эстетическим идеализмом К. Фосслера, и «экlecticической социологией» (имеется в виду Соссюра) [Шор 1931а: 14].

Вывод Шор: в сравнительно-историческом языкознании если и есть что-то приемлемое, то это техника, но не методология сопоставлений [Там же: 15]. Это не соответствовало взглядам Марра, который требовал отвергнуть все. Впрочем, в 40-е гг. сходные идеи стали высказывать и ученые, формально принадлежавшие к марристскому лагерю, например, А.В. Десницкая.

Говоря о лингвистике XIX в., Розалия Осиповна видит в ней регресс по сравнению с предшествующим веком (к которому, напомним, она отнесла и Гумбольдта): «Индивидуализм в восприятии языкового явления, свойственное философскому эклектизму хватанье за отдельный конкретный факт и боязнь широких философских обобщений, ползучий эмпиризм, откуда – крайнее сужение разрабатываемой области, – таковы характерные черты лингвистической науки 19 в. Интересно проследить, как в процессе ее развития исчезают те зачатки социально-исторической концепции языка, которые ужс намечены были революционной просветительской мыслью 18 в.» [Шор 1931в: 404].

Если В. Гумбольдт и даже Я. Гримм еще связывали историю языка с историей его носителей, то далее наука о языке все более замыкалась в себе. Крайним проявлением такого замыкания Р.О. Шор считает идеи Ф. де Соссюра о разделении на внутреннюю и внешнюю лингвистику [Шор 1931в: 413; 1931а: 20]. Ранее Шор не отвергала этот компонент учения Соссюра (в отличие от приоритета синхронии), теперь же она называет его «шагом назад» и критикует резче, даже чем по-прежнему ею не принимаемое разграничение синхронии и диахронии. Несколько лучше с данной точки зрения она оценивает те направления науки второй половины XIX в., которые так или иначе увязывали историю языка с историей культуры и/или общества (А. Мейс, Х. Шухардт, Ф. Боас, лингвистическая география), но и они плохи тем, что расходятся с историческим материализмом.

Говоря о методологических основах науки о языке XIX в., Р.О. Шор подчеркивает две, по ее мнению, основные черты. Первая – усиление индивидуализма. Его еще не было у Гумбольдта (что подмечено верно), но уже в этнической психологии Х. Штейнталя и М. Лацаруса «дух народа» живет лишь в индивидах, в «индивидуальном духе» [Шор 1931а: 10; 1931в: 405]. Далее индивидуализм усиливается у В. Вундта, младограмматиков и достигает максимума в школе Фосслера (всегда оценивавшейся Шор крайне отрицательно) и возрожденной в начале XX в. у Э. Кассирера и др. философии языка.

Другая черта – движение от натурализма и биологизма, основанного Ф. Бонном, достигшего максимального развития у А. Шлейхера и иногда приобретавшего черты материализма (М. Мюллер), к психологизму и психофизиологизму, опять-таки индиви-

дуальному, особенно у младограмматиков. Такое развитие также рассматривается как регресс.

В итоге достижения науки о языке за XIX в. в основном сведены к двум результатам. Во-первых, «работа собирательно-описательная значительно продвинулась вперед» [Шор 1931в: 405] и в сборе фактов живых языков, и в дешифровке древних письменностей. Во-вторых, «в области индоевропейских языков соотношения между фонетическими (и отчасти морфологическими) системами отдельных языков и отдельных стадий развития того же языка установлены были с такою точностью, что порой оказывалось достаточно запомнить несколько так назыв. “фонетических законов”, чтобы свободно переводить звуковую форму одной эпохи языка в другую, одного диалекта в другой» [Там же: 405]. Это то наследство, от которого нельзя отказываться. Но методология всей этой науки для нас неприемлема.

Из ученых последнего времени по-прежнему наибольшее внимание уделено Ф. де Соссюру, но теперь его теория (впрочем, как оказывается, не во всем) резко критикуется. Неприемлемыми признаются не только синхрония и диахрония и внутренняя и внешняя лингвистика, но и «сведение социального к коллективно-психологическому», отрыв понятия языка от «реальной общественной базы», превращение личности в «некий пассивный аппарат, по традиции регистрирующий только то, что ему передает коллектив», наконец, «дробление» лингвистики на множество не связанных друг с другом дисциплин [Шор 1931а: 19–20, 42, 50–51; 1931в: 411–413].

Почти все эти замечания могут быть сведены к двум: недостаточно последовательному социализму и расчленению единого объекта науки на обособленные части. Последний упрек выделяет существенную сторону концепции Соссюра, потом нашедшую продолжение сдва ли не во всех направлениях структурализма: преобладание анализа над синтезом, разделение лингвистики на отдельные дисциплины, дающее возможность сузить, но и при этом углубить объект исследования, например, сосредоточившись на синхронном изучении языка. Этим концепция Соссюра отличалась, например, от отчасти близкой к ней концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ. А превращение говорящего в «пассивный аппарат» не принимали у Соссюра не только Шор, но и, казалось бы, абсолютно далекий от нее В.Н. Волошинов, а позже Н. Хомский. За штампами тех лет скрываются претензии, во всяком случае, «по делу».

Но, хотя Шор пишет: «Старые построения Гумбольдта для нас, пожалуй, интереснее, чем беспомощное топтание Соссюра между открытыми им противопоставлениями» [Шор 1931а: 43], Соссюр – один из немногих «буржуазных» ученых, работавших позже В. Гумбольдта и Я. Гримма, оценка которого у Р.О. Шор не однозначна. Даже сказано о его «ряде ошибочных выводов, снижающих ценность его системы» [Шор 1931в: 412]. Стало быть, ценность в ней есть. Определенная похвала содержится и в упоминании связи его через У.Д. Уитни с «социальными теориями языка 18 в.», оцениваемыми выше всего [Там же: 411]. Согласно Шор, «бесспорная заслуга системы теоретической лингвистики, выдвинутой де Соссюром, в том, что она полагает предел представлению о языке как о психофизиологическом процессе, протекающем в пределах индивидуального сознания. Де Соссюр признает, что в многообразном явлении речи можно выделить и момент индивидуально психологический..., и момент физиологический..., и даже момент чисто физический (звукание); но он указывает, что отличие осмыслинной речи от бессмыслилного крика заключается именно в том, что в ней процессы эти направлены на осуществление некоторой социальной цели – на создание словесного знака» [Шор 1931в: 411]. То есть два важнейших компонента учения Соссюра – противопоставление языка и речи и знаковую природу языка – Шор по-прежнему принимает. И далее сказано, что школа Соссюра и Мейе «права в своем утверждении примата коллектива над индивидом, объективности и принудительности для него социального явления языка» [Там же: 412; ср. также Шор 1931а: 33]. В наши дни на Западе Соссюра как раз за это иногда критикуют, видя в его идеях отрицание либерализма и свободы.

Итак, если не «перестройка» учения Соссюра, то хотя бы учет его идей. И, что важнее всего, как раз тогда Розалия Осиповна добилась русского издания «Курса».

Шор перечисляет «популяризаторов» этого учения: Ш. Балли и А. Сеше, а у нас М.Н. Петерсон, Г.О. Винокур, отчасти Л.А. Булаховский и Я.В. Лоя, включает она в список и себя (видимо, уже в прошлом) [Шор 1931а: 18]. Этим лингвистам и ученым старой школы вроде Д.Н. Ушакова и А.И. Томсона противопоставлены сторонники марксистской лингвистики.

Как и другие лингвисты данного направления (кроме марристов, полагавших, что их учитель уже все открыл), Шор не считала поставленную задачу решенной: «Лингвистика представляет собой один из наиболее забытых, один из наименее благополучных участков на идеологическом фронте» [Там же: 7], ситуация в лингвистике хуже, чем, например, в литературоведении. И «никакого единства, никакой одной господствующей системы мы в современном языкознании не находим» [Там же: 8].

Идеи К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Лафарга присутствуют в книге как данность, которой надо следовать, но их оказывалось недостаточно для создания лингвистики в целом. В книге дается обзор имевшихся в СССР работ по марксистскому языкознанию. Шор скептически относится к попыткам применить для этого теорию условных рефлексов И.П. Павлова (А.А. Богданов, И.И. Презент, С.М. Доброгаев), считает эклектикой и попыткой «примирить марксизм со старыми системами языкоznания» (Бодуэн де Куртенэ) идеи Е.Д. Поливанова, находит эклектику и у Г.К. Данилова, по-прежнему резко оценивает В.Н. Волошинова («quasi-марксизм»), здесь же дана и самокритика, о которой упоминалось выше [Шор 1931а: 24–27, 34]. «Наиболее серьезным и оригинальным», как было уже положено в 1931 г., признается «новое учение о языке» Н.Я. Марра [Там же: 27]. Особо как его положительная сторона подчеркнута опора на материал игнорируемых старой наукой бесписьменных языков. Однако в очерке нет и полного принятия марризма: у Марра есть «пережитки» «естественнонаучного материализма», Марр не всегда учитывает высказывания классиков марксизма о языке и др. [Там же: 29]. А многие компоненты учения Марра вроде четырех элементов Шор обходит.

В разделе, посвященном изложению позитивных взглядов [Там же: 30–52], также силен историографический компонент. За его вычетом остаются лишь общие положения, где речь в основном идет либо о необходимости применить в языкоznании те или иные компоненты марксистского учения, в том числе диалектику, которая уже присутствовала у лучших «буржуазных лингвистов», особенно у В. фон Гумбольдта, либо о развитии и выдвижении на первый план семантики. Завершается книга обсуждением вопроса о плановом воздействии на язык и культурном строительстве, в связи с чем снова критикуется Соссюр, отрицавший возможность сознательного вмешательства в язык [Там же: 50–51]. Все это также соответствовало традициям тех лет.

В целом Шор, как и другим ученым, включая Е.Д. Поливанова, не удалось решить задачу построения марксистской теории языка, которая, по-видимому, была неосуществимой. Показательно, что в 1950 г. от нее фактически отказался И.В. Сталин, призвавший вместо этого следовать традициям русской дореволюционной науки. Но поиски в этой области не были бесплодными, стимулируя изучение ряда важных проблем, в том числе социального функционирования языка. И здесь вклад в науку внесла и Шор.

Следует сказать и об энциклопедической статье «Язык» [А.Б., И.М., Р.Ш. 1931], где речь идет не о конкретных языках, а о свойствах и развитии языка вообще. Но она написана тремя авторами, обозначенными как А.Б., И.М., Р.Ш., из которых два последних легко расшифровываются как И.И. Мещанинов и Р.О. Шор, а первый неясен (может быть, А.А. Богданов); авторство по разделам не разграничено. Большая часть статьи посвящена происхождению языка и его развитию в первобытные и древние эпохи в соответствии с идеями Марра и написана, видимо, другими авторами. Бесспорна принадлежность Шор лишь краткого заключительного раздела о современных языках; его тема – социальное функционирование языка в капиталистическом и социалистическом обществах, а подход соотносится с книгой «Язык и общество»; вопросы структуры языка не затрагиваются.

Публикации Шор последних лет жизни также в основном имели историографический характер [Шор 1937; 1938]. В целом они исходят из тех же постулатов, что преж-

ние очерки. Так, в предисловии к книге Ж. Вандриеса она характеризуется как ценная богатством материала и «тонким и глубоким» анализом фактов [Там же: 6–7], интересная рядом идей, включая «тонкую, хотя и не идущую до конца, критику сравнительно-исторического метода» [Там же: 11], но методологически беспомощная. Например, Вандриес правильно критикует «поспешные обобщения» в стадиальных концепциях XIX в., но снимает проблему вообще и не может установить связь между грамматическим строем языка и стадиями развития мышления [Там же: 8–9]. Напомним, что как раз на это время в СССР пришелся пик исследований по стадиальной типологии (И.И. Мещанинов и его школа), опять-таки Шор отстаивает популярное тогда лингвистическое направление. Положительную сторону рассматриваемой книги Шор видит в обращении к социальным проблемам языка (этим, видимо, и был обусловлен выбор ее для перевода), но здесь она критикует автора более всего: он видит лишь социальные группы и не выделяет среди них классы; в связи с этим она отрицает используемое Вандриесом понятие престижа языка – «вымыщенное понятие», прикрывающее угнетение и насильственную ассимиляцию [Шор 1937: 10]. И такое критическое замечание: «По существу Вандриес исходит из представления одного общества, общества, современного ему – буржуазного» [Там же: 10]. Взгляды Вандриеса сами по себе охарактеризованы в этой фразе точно, но как в наши дни оценивать такую точку зрения?

Последняя крупная прижизненная публикация Розалии Осиповны – очерк, приложенный к книге В. Томсена [Шор 1938], – повторяет многие оценки очерка [Шор 1931в], но несколько подробнее его, особенно в отношении лингвистики XVI–XVIII вв. Об этой лингвистике («донаучной», как считали Томсен и другие ученые, исходившие из сравнительно-исторического метода) Шор подробно рассказывала и в курсах, читавшихся ею в вузах Москвы и Ленинграда. Интерес к ней выделял ее из советских лингвистов той эпохи и не всегда находил отклик у слушателей. И.М. Дьяконов спустя много лет писал о ее курсе истории лингвистических учений в МИФЛИ в 1936/37 гг.: «Я никогда не мог заинтересоваться описаниями старых философий и лингвистических концепций, давно потерявших актуальность и даже смысл. Я слушал ее вполуха» [Дьяконов 1995: 397].

Отметим еще одну работу тех лет – написанные в соавторстве комментарии к русскому изданию лингвистической работы Ф. Энгельса «Францкий диалект» [Шор, Чемоданов 1935]. Издание появилось в годы, когда официально «марксизмом в языкоznании» считался марризм. Однако следов марризма в комментариях нет, и комментаторы исходят из существования языкового родства и языковых семей, так же как и сам Энгельс, взгляды которого на этот счет марристы замалчивали.

Если исходить из печатных работ, то можно подумать, что Шор в 30-е гг. занималась в основном историей языкоznания. Но это не так, и многие стороны ее деятельности не находили адекватного выражения в печати. Например, вот что пишет ее дочь: Шор «ценила просвещение, верила в просвещение, была просветителем, поэтому она охотно участвовала в составлении алфавитов для бесписьменных народов» [Шор 2006: 243]. Известно ее активное участие в многочисленных совещаниях и дискуссиях на эту тему, но в печати это отражено мало. А.А. Реформатский вспоминал, что она часто выступала на лингвистических дискуссиях в Московском городском педагогическом институте (при множестве мест службы там она как раз не работала), в том числе по фонеме в 1935 г. [Реформатский 1970: 25], но опять-таки эти выступления не отразились в печати. И ведущую роль в ее деятельности играло преподавание. А читала она в нескольких вузах разные курсы, в основном общелингвистические. И в том числе она вела (по крайней мере, в МИФЛИ) курс сравнительно-исторического языкоznания, как бы она иногда ни задевала его методологические основы в публикациях.

В мае 1991 г. в Институте языкоznания АН СССР выступал с воспоминаниями один из последних учеников Розалии Осиповны по МИФЛИ доктор филологических наук Э.А. Макаев (к сожалению, они, кажется, остались неопубликованными). И он говорил о том, как уже во второй половине 30-х гг. ему, в то время студенту, захотелось научиться компаративистике, тогда полулегальной, и ему сказали, что в Москве такие

знания можно получить только у Шор. Он связался с ней и занимался с ней вплоть до ее болезни, за что на всю жизнь был ей благодарен. Уже этот факт показывает безосновательность ее причисления к марристам.

Интересы Шор не исчерпывались лингвистикой. Любопытно, что, по свидетельству ее брата, в юности она первоначально хотела специализироваться по литературоведению, но в ИМГУ место было лишь на кафедре языкоznания [Шор 2006: 216]. Из ее письма тех лет, опубликованного дочерью, следует, что она увлекалась формальной школой, идеями О.М. Брика и В.Б. Шкловского. Публикации по литературе у нее впоследствии были. В том же «урожайном» для нее 1931 г. она в соавторстве издала книги о Г. Гейне [Шиллер, Шор 1931] и о Ч. Диккенсе [Луначарский, Шор 1931]. Под ее редакцией и с ее участием была подготовлена ценнейшая хрестоматия по западной средневековой литературе [Шор 1936], позже переиздававшаяся. Наконец, ей принадлежит перевод двух индийских литературных памятников «Панчтантра» [Шор 1930] и «Двадцать пять рассказов Веталы» [Шор 1939], вторая книга вышла посмертно. Добавим, что, по свидетельству П.С. Кузнецова, по сравнению с М.Н. Петерсоном она, преподавая санскрит, «меньше занималась сравнительной грамматикой и больше уделяла внимания филологическим толкованиям» [Кузнецов 2003: 177], что для Кузнецова, чистого лингвиста по интересам, казалось скорее недостатком. И не было ли в ее критике замыкания языковедения в себе (свойственного столь разным лингвистам как младограмматики и Соссюру) и отражения сохранявшейся в глубине души одновременной тяги и к лингвистике, и к литературоведению и филологии?

Бурная деятельность внезапно была окончена. В конце сентября 1938 г. во время командировки в Ленинград проявились симптомы болезни, видимо, уже запущенной. Осенью был поставлен диагноз – рак, и сделана операция, давшая лишь временный результат. Как раз в эти месяцы Шор единственный раз баллотировалась в члены-корреспонденты Академии наук, но по языкоznанию выбрали не ее, а одного из ее учеников Д.Н. Ушакова. С начала нового года состояние больной стало резко ухудшаться, и 22 марта 1939 г. Розалия Осиповна Шор скончалась на 45-м году жизни.

Смерть ученого еще не означает окончания его деятельности. До начала войны выходили тома БСЭ с ее статьями (например, «Предложение»). А самая объемистая ее книга вышла посмертно, правда, в соавторстве. Розалия Осиповна не успела осуществить мечту: издать свои общелингвистические курсы. Это сделал Н.С. Чемоданов, взявший за основу не правленую стенограмму курса введения в языкоznание Шор в МИФЛИ в 1937/1938 учебном году (то есть последнего полностью прочитанного ею курса) и дополнивший его по черновикам и публикациям, главным образом, энциклопедическим. Некоторые разделы Чемоданов вынужден был писать сам, и книга имеет двух авторов. В предисловии сказано, что соавтор писал весь раздел фонетики и части разделов о грамматике и происхождении языка [Шор, Чемоданов 1945: 3] (для более точного разграничения авторства мы не имеем данных). Рукопись была готова к весне 1941 г., но из-за войны книга вышла только в год Победы. В советское время это был первый учебник введения в языкоznание, студентам до 1945 г. приходилось готовиться к экзаменам по конспектам лекций. Существовали учебники дореволюционных лет (И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.И. Томсона, Д.Н. Ушакова), но они были мало доступны и во многом устарели.

Учебник по структуре соответствует привычным для нас эталонам таких изданий: теоретическое введение, фонетика, лексика, грамматика, генетическая и морфологическая классификация языков, история языка, письмо и, наконец, «очерк истории языковедения». Многое в нем, включая примеры, восходит к уже давней тогда книге [Шор 1926], особенно в главе о лексике. А начинается учебник с тезиса, также связанного с проблематикой той книги: знание иностранных языков необходимо для языковеда, освобождая его от «наивного представления, тяготеющего над человеком, знающим только один свой родной язык, будто формы родного языка являются единственными нормальными формами выражения языков» [Шор, Чемоданов 1945: 5]. Языковед, знающий только родной язык, – ситуация немыслимая для предреволюционных лет и не очень

частая сейчас, но для 30–40-х гг. указание было, видимо, актуальным. Впрочем, представления, против которых предостерегают авторы учебника, могут возникать даже у полиглota, если он знает лишь генетически и типологически близкие языки.

В учебнике используются многие идеи, выработанные в лингвистике XX в.: вводится понятие фонемы, а в основу грамматической части кладется разграничение деривационных и реляционных значений у Э. Сепира (впрочем, не упомянутого) [Шор, Чемоданов 1945: 101–103]. Его же идеи (уже с упоминанием имени) даны и в разделе о морфологической классификации языков [Там же: 198]. Принимаются некоторые положения Ф. де Соссюра, например, о языке как системе знаков [Там же: 9], хотя полемика с ним постоянно возникает и здесь. Впрочем, многое в учебнике следует и традициям науки XIX в.

Особо остановимся на отражении в учебнике идей Н.Я. Марра, во многом типичном для второй половины 30-х гг. и 40-х гг., когда его продолжали считать «великим ученым» и «основоположником марксистской лингвистики», но его ненаучную фантастику без какой-либо полемики с ней исключали из научного обихода; см. [Алпатов 1991: 112–142].

В большей части книги его идеи присутствуют мало, хотя имя постоянно упоминается. Чаще всего те или иные его положения и цитаты из его работ достаточно механически добавлены к основному тексту. Так, во вводной части появляется цитата из Марра о кинетической речи [Шор, Чемоданов 1945: 8], а также формулировка о языке как «специфической общественной надстройке» [Там же: 23]; последнее положение высказывал не только Марр, но в то время оно прочно ассоциировалось с ним. В грамматической части время от времени приводятся цитаты из Марра: о форме и идеологии [Там же: 108], о происхождении аффиксов из самостоятельных слов [Там же: 110], а в конце главы имеется чисто марристский по идеям раздел «Происхождение частей речи» [Там же: 158–160]. Там же описывается историческое развитие предложений по И.И. Мещанинову [Там же: 146–150]. Но даже в довольно пространном разделе о происхождении языка теория Марра изложена на равных правах с теориями XVIII–XIX вв. [Там же: 199–208].

Более всего влияние марризма и общий эклектизм концепции чувствуется в разделе о генетической классификации языков. Отрицание Марром родства языков и прайзыков нельзя было обойти, как ряд других компонентов его учения: эти идеи были слишком хорошо известны. В соответствии с Марром отрицается теория прайзыка [Шор, Чемоданов 1945: 188–190]. И далее: «Метод сравнительного сопоставления “родственных” языков... не в состоянии вскрыть закономерности доисторического существования языков, так как самая схема языкового развития представлена неверно, односторонне» [Там же: 191]: объясняются явления, унаследованные от прежних состояний, но не инновации. И все-таки генеалогическая классификация языков (представленная в учебнике в обычном своем виде на то время) имеет познавательную и практическую ценность, так как «она выявляет структурные сближения и расхождения между отдельными языками, и показывает, как изменяется старое наследие в языке» [Там же: 191]. И хотя «мифический прайзык» не нужен, его реконструкция «полезна для установления параллельных явлений в языках», несмотря на то, что «является гипотетической и лишена всякого исторического основания» [Там же: 192]. Это уже не столько Н.Я. Марр, сколько (в несколько более крайнем варианте) А. Мейе, считавший, что реальность – не в прайзыке, а в устанавливаемой лингвистами системе соответствий между известными языками. Точнее, это контаминация идей двух именитых в то время в СССР ученых: прайзык одновременно назван мифом (это Марр) и гипотезой (это Мейе), что не одно и то же. А суть концепции Марра, согласно которой языки только сходятся, но не расходятся, обойдена; ее Шор, безусловно, не принимала.

В учебнике упомянуты «гибридные языки» (имеются в виду пиджины), показывающие, «как условна та генеалогическая классификация, которой мы пользуемся» [Шор, Чемоданов 1945: 226], но не сказано о том, что, согласно Марру, гибридны вообще все языки. И, например, про романские языки сказано, как в «буржуазной лингвистике»,

что они ведут начало от народной латыни [Там же: 163], хотя, согласно Марру, они – результат скрещения латыни с галльским, баскским и другими «яфетическими» языками Европы.

Таким образом, авторы учебника (по-видимому, в данном случае Шор) сочетают элементы марризма с критикой компаративистики в духе А. Шлейхера со стороны менее ортодоксальных «буржуазных» ученых, особенно А. Мейе. Марризм при этом сглаживался, а наиболее явно абсурдные его положения вроде всеобщего скрещения обходились. Все это приводило к трудностям. Например, все-таки использовался термин «индоевропейские языки», и надо было определить, что это такое. Генетическое определение все еще считалось одиозным из-за Марра, определение самим Марром этих языков как стадии, через которую проходят все языки мира, Шор не решилась повторить, попытку типологического их определения у Н.С. Трубецкого авторы, очевидно, не знали, и индоевропейские языки определены как «географическое понятие» [Шор, Чемоданов 1945: 162], хотя уже взгляд на карту это не подтверждает.

Эклектика чувствуется и в разделе об истории языкоznания [Там же: 256–277]. Он во многом повторяет прежние очерки Шор, но есть некоторые изменения; не знаем, принадлежат ли они Шор или внесены позже соавтором. Во-первых, в духе менявшегося времени заметно больше места удалено русским ученым: появляются не упоминавшиеся Шор ранее А.Х. Востоков и А.А. Шахматов, а роль А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова усиlena. Во-вторых, сглажены оценки ученых XIX в., например, А. Шлейхера, тогда как критика «буржуазных идеалистов» близкого времени Ф. де Соссюра и А. Мейе сохранена в большей степени. В-третьих, любопытное добавление (его вероятнее, чем два первых, можно приписать самой Шор): появляется Л. Блумфилд, оценки которого неожиданно оказываются довольно высокими: материалист, хотя и механистический [Шор, Чемоданов 1945: 275]. Во всем этом очерке вовсе нет марризма, исключая его конец, где сказано, что единственный выход из кризиса, в котором находится западная наука, предложил Н.Я. Марр, и дается изложение (очень краткое и приглаженное) его учения [Там же: 276–277].

Учебник сразу получил широкую известность. Академик Ю.С. Степанов вспоминал на заседании памяти Шор в 1994 г. в Институте языкоznания РАН, как еще школьником долго мечтал прочесть в библиотеке эту книгу и с каким удовольствием ее читал. Но ее век оказался недолгим. Если 1945 г. с точки зрения лингвистических баталий был спокойным, то через два года ситуация изменилась, и учебник вместе с авторами, одного из которых уже давно не было в живых, стал одной из первых мишней. В декабре 1947 г., в самом начале последнего похода марристов на своих противников, маррист Г.П. Сердюченко нашел в учебнике «низкопоклонство» и «раболепие» перед Западом, в том числе «некритическое повторение» «старой версии» о заслугах Ф. Боппа, В. фон Гумбольдта и прочих немцев при «намеренном игнорировании» истинного создателя языкоznания М.В. Ломоносова [ЛГ, 17.12.1947]. Учебник попал в опалу.

Но, как теперь выясняется, в это время работы Шор оказались востребованы неожиданным образом. Уже не раз обсуждался, в том числе автором данной статьи [Алпатов 1991: 185], вопрос об источниках работ И.В. Сталина по языкоznанию, но ранее не обращали внимания на один естественный источник, указанный в недавней публикации историка Б.С. Илизарова, основанной на архивных данных. Эта статья содержит много неточностей и натяжек. Достаточно сказать, что Шор названа, «конечно же, представительницей школы Марра» [Илизаров 2003: 130], хотя она просто не могла быть ученицей Марра уже потому, что в ее студенческие и аспирантские годы он не преподавал в Москве, а про ее непростые взаимоотношения со школой Марра сказано выше. Однако анализ подготовительных материалов вождя показывает: он опирался на статьи Шор в БСЭ, особенно [Шор 1931в].

После 1950 г. учебник Р.О. Шор и Н.С. Чемоданова не мог в полной мере использоваться уже из-за имевшихся в нем восхвалений Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова (его ответственного редактора). Требовалась переработка книги, которая не произошла. А тем временем ее место в преподавании занял учебник А.А. Реформатского, сходный

по тематике, но более современный и очень ярко написанный, хотя некоторые вопросы (например, история языкоznания) у Р.О. Шор и Н.С. Чемоданова изложены лучше. Впрочем, иногда, особенно в провинции, «Шор и Чемоданова» использовали и позже, например, в работах М.М. Бахтина по лингвистике, написанных в Саранске в 50-е – начале 60-х гг., чувствуется знание этой книги, упоминаемой в черновиках Бахтина и ставшей источником информации, например, по «бихевиористской лингвистике» Л. Блумфилда [Аллатов 2005: 313].

Имя Р.О. Шор, как и многих других отечественных лингвистов, мало известно за рубежом, но нам известны два отклика. Е.Н. Шор пишет: «Сохранилась рецензия А. Мейе на ее книгу “Язык и общество” – в конце рецензии он выражает удивление тем, что автор – “une dame”» [Шор 2006: 241]. Мы, к сожалению, не располагаем текстом этой рецензии. А в 1977–1978 гг. в Москве побывал японский лингвист С. Окабэ, занимавшийся темой «Соссюров в СССР»; он работал в библиотеках, встречался с московскими лингвистами и искал людей, знавших Шор. Ему удалось, в частности, установить, что единственная рецензия на первое русское издание «Курса» Соссюра принадлежала Г.К. Данилову и появилась в газете «За коммунистическое просвещение» 24–26.09.1934. Затем он издал статью [Okabe 1979], где, в частности, дается высокая оценка деятельности и работ Шор, особенно учебника 1945 г. Он передает слова о Розалии Осиповне одного из своих московских собеседников, вспомнившего античное изречение: «Любимцы богов умирают молодыми».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- А.Б., И.М., Р.Ш. 1931 – А.Б., И.М., Р.Ш. Язык // Большая советская энциклопедия. Т. 65. М., 1931.
- Абаев 2006 – В.И. Абаев. О «фонетическом законе» // В.И. Абаев. Статьи по теории и истории языкоznания. М., 2006 (первое издание в 1933).
- Аллатов 1991 – В.М. Аллатов. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991 (2-е изд. М., 2004).
- Аллатов 2005 – В.М. Аллатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Аллатов 2009 – В.М. Аллатов. Н.Я. Марр и народные этимологии // Вопросы филологии. 2009. № 1.
- Баранкова 1999 – Г.С. Баранкова. К истории московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка // Язык, культура, гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999.
- Вандриес 1937 – Ж. Вандриес. Язык. М., 1937.
- Волошинов 1995 – В.[Н.] Волошинов. Марксизм и философия языка // В.[Н.] Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук. СПб., 1995 (первое издание в 1929).
- Дьяконов 1995 – И.М. Дьяконов. Книга воспоминаний. СПб., 1995.
- Звегинцев 1960 – В.А. Звегинцев. История языкоznания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. 2-е изд. Т. 2. М., 1960.
- Звегинцев 1964 – В.А. Звегинцев. История языкоznания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. 3-е изд. Т. 1. М., 1964.
- Илизаров 2003 – Б.С. Илизаров. Почетный академик Сталин против академика Марра. К истории дискуссии по вопросам языкоznания в 1950 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 4.
- Кузнецов 2003 – П.С. Кузнецов. Воспоминания // Московский лингвистический журнал, № 7/1. М., 2003.
- ЛГ – Литературная газета, М.
- Луначарский, Шор 1931 – А.[В.] Луначарский, Р.[О.] Шор. Диккенс. М., 1931.
- Мейе 1938 – А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

- Петерсон 1943 – *М.Н. Петерсон*. Доклад на заседании кафедры русского языка МГПИ 26 ноября 1943 г. // Архив РАН. Ф. 696. Оп. 1. Д. 58. Автограф.
- Пешков 1998 – *И.В. Пешков*. Новый органон // М.М. Бахтин. Тетралогия. М., 1998.
- Плунгян 1999 – *В.[А.] Плунгян*. Почему языки такие разные? М., 1999.
- Поливанов 1991 – *Е.Д. Поливанов*. Стенограмма 4 февраля 1929 г. «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» // Е.Д. Поливанов. Труды по восточному и общему языкознанию. М., 1991 (первое издание в 1929).
- Против 1932 – Против буржуазной контрабанды в языкознании. Л., 1932.
- Реформатский 1970 – *А.А. Реформатский*. Из истории отечественной фонологии. М., 1970.
- Сепир 1934 – *Э. Сепир*. Язык. М., 1934.
- Соссюр 1933 – *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики. М., 1933.
- Томсен 1938 – *В. Томсен*. История языковедения до конца XIX века. М., 1938.
- Шиллер, Шор 1931 – *Ф. Шиллер, Р. Шор*. Генрих Гейне. М., 1931.
- Шор 1926 – *Р. Шор*. Язык и общество. М., 1926 (два издания). 3-е изд. М., 2009.
- Шор 1927 – *Р.О. Шор*. Кризис современной лингвистики // Яфетический сборник. Вып. V. Л., 1927.
- Шор 1929 – *Р.О. Шор*. [Рец.] *В.[Н.] Волошинов*. Марксизм и философия языка // Русский язык в советской школе. 1929. № 3.
- Шор 1930 – Панчантантра. Индийские рассказы / Пер. с древнеиндийского, предисл. и примеч. Р.О. Шор. М., 1930.
- Шор 1931а – *Р.О. Шор*. На путях к марксистской лингвистике. М.; Л., 1931.
- Шор 1931б – *Р.О. Шор*. Неотложная задача (К построению марксистской философии языка) // Русский язык в советской школе. 1931. № 1.
- Шор 1931в – *Р.О. Шор*. Языковедение // Большая советская энциклопедия. Т. 65. М., 1931.
- Шор 1936 – Литература средних веков [IX–XV вв.] / Сост. проф. Р.О. Шор. М., 1936. (2-е изд. М., 1938)
- Шор 1937 – *Р.О. Шор*. Предисловие // *Ж. Вандриес*. Язык. М., 1937.
- Шор 1938 – *Р.О. Шор*. Краткий очерк истории лингвистических учений с эпохи Возрождения до конца XIX в. // В. Томсен. История языковедения до конца XIX века. М., 1938.
- Шор 1939 – Двадцать пять рассказов Веталы / Пер. с санскрита, ст. и comment. Р.О. Шор. М., 1939.
- Шор 2006 – *Е.Н. Шор*. Стоило ли родиться... М., 2006.
- Шор, Чемоданов 1935 – *Р.О. Шор, Н.С. Чемоданов* (при участии *В.М. Жирмунского*). Комментарии // *Ф. Энгельс*. Францкий диалект. М., 1935.
- Шор, Чемоданов 1945 – *Р.О. Шор, Н.С. Чемоданов*. Введение в языкознание. М., 1945.
- Okabe 1979 – *Okabe Shoichi*. Saussure in the Soviet Union (Translators and commentators) // Jinbun-kagaku-ronshuu. Shinshuu-daigaku-jinbungakubu. №13. Matsumoto, 1979.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. 280 с.

Новая книга А.А. Зализняка посвящена исследованию вопроса, который до сих пор не подвергался пристальному рассмотрению ни в рамках русистики или славистики, ни тем более в работах теоретического направления: распределению «ваккернагелевских» энклитик в древнерусском языке. Значение этой работы троеко. Во-первых, это первый опыт синтетического описания системы энклитик, имеющий огромную самостоятельную ценность для русистики, и в первую очередь для изучения древнерусских текстов (пример такого использования можно найти в работах самого А.А. Зализняка – ср. разбор свидетельств системы энклитик для датирования «Слова о полку Игореве» [Зализняк 2007]). Во-вторых, она предоставляет значительный материал для сравнительного и сравнительно-исторического языкознания: как отмечает сам автор (с. 4–5), система древнерусских энклитик может быть сопоставлена с аналогичными системами в живых славянских и древних индоевропейских языках (добавим к этому список и другие живые языки, такие как вальбери, кашири или ретороманский). В-третьих, рецензируемая книга предоставляет значительный эмпирический материал для уточнения теоретических положений, применимых к соответствующим феноменам.

Забегая вперед, необходимо сразу отметить, что описание системы древнерусских энклитик в рецензируемой работе делается с абсолютно нейтральных теоретических позиций. Автор не вводит ни одного нового теоретического конструкта (см., однако, ниже о его понимании клаузы) и не обсуждает теоретического статуса вводимых им категорий (в первую очередь категории ритмико-синтаксического барьера). Это ни в коей мере не является недостатком работы: напротив, такое решение позволяет добиться максимальной эксплицитности описания, не вдаваясь в обсуждение теоретиче-

ских задач, которых автор перед собой, в сущности, и не ставит.

Книга состоит из Введения, пяти глав и Заключения. Во Введении обсуждаются основные сведения и теоретические конструкты, принимаемые в дальнейшем изложении в качестве аксиом. Многие из них уже знакомы читателям по иным работам А.А. Зализняка, в частности [Зализняк 1985]: без обсуждения основ древнерусской акцентологической системы невозможно понять устройство системы энклитик, которые в первом приближении стоят «после первого ударного слова»: *аще бо бы ся искорениль*.

Важное место во Введении занимает обсуждение понятия клаузы, на котором стоит остановиться подробнее. А.А. Зализняк использует определение, в целом сходное с данным в [Тестелец 2001]: клаузой считается любая группа, вершиной которой является глагол, связка или аналогичный ей грамматический элемент. При этом делается ряд оговорок: так, согласно определению Я.Г. Тестельца, клаузой является любое сложное предложение, но А.А. Зализняк таким пониманием не пользуется. В его понимании сложное предложение целиком составляет одну клаузу только в том случае, когда, подчиненное простое предложение «вклиниено» в главное (с. 13): так, весь отрезок [*а что есмь придобыль золота, [что ми дать Богъ], и коробочку золотую*] представляет собой одну клаузу (при этом подчеркнутый отрезок также является самостоятельной клаузой, т. е. речь идет о вложении). При этом в сложном предложении [*како приде ся грамота*], [*тако пришли ми чоловѣкъ на жерепу*] только простые предложения составляют отдельные клаузы. С другой стороны, единими клаузами считаются и конструкции с подчиненным инфинитивом, которые, строго говоря, могут рассматриваться как две клаузы.

В сущности, те поправки, которые А.А. Зализняк вносит в понятие клаузы, связаны с тем, что определение этой категории происходит не на основании априорных теоретических положений, а индуктивно: если оказывается, что для правильного описания древнерусских энклитик некоторые единицы, которые являются клаузами согласно априорному определению, не нужны, эти единицы исключаются из числа клауз в релевантном понимании. Здесь следует отметить, что как таковое понятие клаузы для описания расстановки энклитик, в сущности, не нужно: первичным понятием здесь является не сама клауза, а ее граница, относительно которой определяется положение энклитик. В этом смысле определение Я.Г. Тестельца, для которого важнейшим является иерархический аспект, действительно оказывается не вполне подходящим: для целей рассматриваемой работы более важную роль играют размеченные определенными границами речевые отрезки. Понятие клаузы вводится постольку, поскольку оказывается, что релевантные для расстановки энклитик границы во многом совпадают с границами клауз «иерархических». В этом смысле подход А.А. Зализняка оказывается близок ряду течений в рамках так называемой «просодической фонологии»: теоретическому подходу, согласно которому расстановка границ фонологических составляющих (например, фонологической фразы) определяется границами составляющих синтаксических, но не изоморфна им (ср., к примеру, [Clements 1978; Chen 1987] и особенно [Neeleman 2005]).

Глава I («Основные закономерности расположения энклитик») посвящена реализации в древнерусском языке закона Ваккернагеля. Основной закономерностью размещения рассматриваемого в книге класса энклитик является то, что они входят в первую тактовую группу в составе клаузы (где под тактовой группой в общем случае понимается словоформа и относящиеся к ней клитики разных типов). При этом вводится также понятие рангов энклитик: ранг энклитики определяет ее место относительно прочих, так что энклитика более высокого ранга в составе первой тактовой группы клаузы всегда предшествует энклитике более низкого ранга, притом что энклитики одного ранга в одной клаузе несовместимы (крайне уместным представляется сравнение этой ситуации с морфемной структурой слова (с. 30)). Кроме того, в главе вводится и обосновывается важное уточнение к закону Ваккернагеля, связанное с понятием ритмико-синтаксического барьера, и выявляются ограничения на расстановку таких барьеров. Сущность ритмико-синтаксического барьера заключается в том, что ваккернагелевские энклитики могут входить в состав не

только первой тактовой группы всей клаузы, но и первой тактовой группы после такого барьера: *доколъ со Всеволодомъ и Давыдомъ // любо ся оладимъ* [...].

Существенную роль в дальнейшем анализе играют также понятия сильных и слабых энклитик. Статус энклитики как сильной или слабой определяется в зависимости от ее ранга и связан с возможностью размещения данной энклитики в месте, отличном от «главной» позиции для энклитик в рамках данной клаузы: сильные энклитики всегда или почти всегда стоят на каноническом месте в рамках клаузы, слабые сравнительно легко могут занимать другие позиции. Разделение между сильными и слабыми энклитиками также существенно в том смысле, что при наличии двух блоков энклитик в одной клаузе (что возможно, конечно, только при наличии барьера) разделение на блоки проходит в точности по границе между сильными и слабыми энклитиками. Кроме того, статус энклитики как сильной или слабой связан с тем, действуют ли на данную энклитику различные типы барьеров. А.А. Зализняк выделяет три типа барьеров: обязательные (строго требуемые определенными синтаксическими структурами), полуобязательные (также возникающие в определенных синтаксических условиях, но существенные только для расстановки слабых энклитик) и факультативные (связанные в первую очередь с дискурсивными свойствами высказывания). В этой главе также перечисляются подчиняющиеся закону Ваккернагеля энклитики и их ранги, а также проводится классификация различных клауз. Важное место в книге занимают вводимые в этой же главе коэффициенты препозиции (отношение числа случаев, где некоторая энклитика предшествует сказуемому, к числу случаев, где общие правила не требуют размещения энклитики после сказуемого) и неавтоматической постпозиции (отношение к этому же числу случаев, когда энклитика действительно следует за сказуемым в нарушение общих правил) (с. 66). Проще говоря, эта мера показывает, насколько конкретная энклитика нарушает общие правила древнерусского языка, и позволяет проследить процесс распада системы энклитик и появления нового правила, требующего размещения энклитик (в первую очередь рефлексивной *ся*) непосредственно после подчиняющего их слова. Завершается глава замечаниями о способах формирования тактовых групп.

Остальные главы рецензируемой книги являются, по сути, развернутую иллюстрацию принципов, представленных в Главе I.

Глава 2 («Народное и книжное в древнерусских памятниках») посвящена различию в поведении энклитик, обнаруживаемому в

памятниках древнерусского языка, причем внимание автора сосредоточено на различиях в распределении энклитик, обусловленных не только хронологией, но и жанром памятника (а точнее – отдельных фрагментов каждого памятника). В главе продемонстрирована необходимость различения книжных и народных памятников. А.А. Зализняк проводит подробный разбор расстановки энклитик в двух типах памятников, относящихся к одному временному срезу, на примере Жития Феодосия (книжный тип) и ранних берестяных грамот и Киев-Д (фрагменты, передающие прямую речь, в Киевской летописи по Ипатьевскому списку). Эти тексты обнаруживают важные различия в расстановке энклитик, в первую очередь слабых: в Феод. слабые энклитики гораздо хуже следуют правилам расстановки энклитик, определяемым просодической структурой высказывания. А.А. Зализняк объясняет эти различия тем, что слабые энклитики в книжном произношении (если не в реальном, то в том идеальном его образе, на который ориентировались переписчики книжного текста) являлись полноударными словами, что, естественно, отменяет действие требований закона Ваккернагеля и других правил. Это объяснение представляется нам достаточно правдоподобным, однако, строго говоря, нельзя исключать и такого положения дел, при котором ударность соответствующих единиц определяется лишь на весьма абстрактном уровне: хорошо известно, что фонологическая ударность либо безударность словоформ в древнерусском языке не всегда прямо коррелирует с наличием фонетического выделения одного из слогов (достаточно вспомнить о существовании энклиноменов). Это значит, в свою очередь, что и поведение соответствующих слабых энклитик как фонологически ударных либо безударных единиц (соответственно словоформ или энклитик) не обязательно должно быть связано с наличием фонетического ударения, которое А.А. Зализняк здесь предполагает необходимым для объяснения наблюдаемых эффектов. Иными словами, «неправильное» поведение слабых энклитик может быть связано с их фонетическими свойствами, но эта связь не является логически необходимой. Возможно, речь идет о действительном грамматическом различии двух регистров древнерусского письменного языка, возникшем иным, не «социолингвистическим» способом. Причины такого различия, однако, неясны (А.А. Зализняк отмечает, что живые южнославянские языки в этом аспекте, по всей видимости, были близки русскому), и объяснение А.А. Зализняка остается, видимо, наиболее правдоподобным.

Глава 3 («Эволюция энклитических и полноударных местоимений (кроме *ся*)») посвящена диахронии энклитических местоимений (типа *мя*, *тя*, *ны*) в сравнении с полноударными формами (типа *мене*, *тебе*, *насъ*). А.А. Зализняк перечисляет факторы, управляющие выбором энклитических либо полноударных местоимений в реконструируемом додревнерусском периоде и прослеживает эволюцию этих правил до современного состояния (в котором, как известно, энклитические местоимения, кроме *ся*, во все исчезли). Приводимые в этой главе данные показывают экспансию полноударных форм, в первую очередь в двойственном и множественном числе, в раннедревнерусский период. В позднедревнерусский период эта экспансия также шла весьма активно, но отражение этого находит только в памятниках некнижной речи (в первую очередь берестяных грамотах), где набор энклитических местоимений сокращается до 1-го и 2-го лица единственного числа, притом что и их частотность резко сокращается; в книжных текстах с XV века энклитические местоимения сохраняются хорошо. Здесь нельзя не принять объяснение А.А. Зализняка, согласно которому их употребление становится грамматическим маркером, обязательным для книжного стиля. Глава завершается кратким обсуждением вопроса о клитическом употреблении бывших полноударных форм типа *его*, *ему* (ср. болг. *го*, *му*).

В главе 4 рассматривается эволюция энклитики *ся*, которая, в отличие от других объектных местоимений-энклитик, не исчезла, а грамматикализовалась в качестве морфемы. Для всех прочих энклитик сдвиг вправо был возможен лишь при наличии барьера, то есть в строго определенных синтаксических и/или дискурсивных условиях: в результате они могли оказываться в постпозиции неначального глагола в сравнительно небольшом числе случаев, и такое положение не смогло закрепиться в качестве обязательного. Кроме того, *ся*, в отличие от других местоименных энклитик, не могло быть полностью заменено полноударным *себе*, так как последнее имело целый ряд функций, не свойственных полноударной форме (как, в сущности, и в современном русском языке).

В этой главе показано, как в похожих условиях сформировалось особое поведение *-ся*. Внимание автора обращено, во-первых, на жанровые различия (книжная либо некнижная ориентация текста), во-вторых, – на условия, способствующие разрушению закона Ваккернагеля и закреплению постпозиции *ся*. Оказывается, что наиболее существенными грамматическими факторами стали употребление неличных глагольных форм (что А.А. Зализняк

связывает с их низкой степенью предикативности, ослабляющей применимость закона Ваккернагеля) и тип клаузы (ее начальное слово, форма вершинного глагола и осложненность клаузы). В главе прослежена эволюция постпозиции *ся* в памятниках разного типа и времени в разных типах клауз. Оказывается, что в народных памятниках наблюдается постепенная эволюция *ся* от обычной слабой ваккернагелевской энклитики до морфемы, хорошо коррелирующая с хронологией. В то же время уже в самых ранних книжных памятниках *ся* почти никогда не выступает в препозиции к именительному глаголу, то есть, по сути, близка своим поведением к современной русской морфеме *-ся*. Это явление А.А. Зализняк связывает с влиянием старославянского языка.

Глава 5 («Эволюция связок») прослеживает развитие последнего класса слабых энклитик, которые в современном русском языке практически полностью исчезли. В этой главе рассматривается вопрос просодического статуса связок (в связи с необходимостью исключить из рассмотрения их полноударные формы) и прослеживается конкуренция связок и победивших в современном языке бессвязочных конструкций. Обнаруженные различия в просодическом статусе, связанные с книжностью текста (как и в прочих случаях, ваккернагелевское поведение энклитик оказывается характерным в первую очередь для некнижного регистра), А.А. Зализняк также связывает с фонетическими особенностями некнижного произношения (что, как мы отвечали выше, не является логически необходимым).

Кроме того, в этой главе прослеживается процесс утраты связок: выделяются правила их употребления в древнерусском языке в различных контекстах и показано появление нового правила, заключающегося в снятии ограничений на употребление местоимений и соответственном вытеснении связок. Такое «дополнительное распределение» А.А. Зализняк объясняет функциональным сходством конструкций со связками и местоимениями и действующим в живом (но не в книжном) языке избеганием дублирования информации (возможно либо *еси дать*, либо *ты дать*, но не избыточно *ты еси дать*).

В Заключении подводится итог исследований, представленных в первых главах книги, и вновь обрисовывается картина развития энклитик от почти чистого «ваккернагелевского» состояния раннедревнерусского живого языка до почти полной их утраты в современном языке при сохранении совершенно особой картины в книжных памятниках, связанной с традицией торжественного чтения вслух книжных текстов.

Значение рецензируемой работы для русской и славянской филологии трудно переоценить: в книге содержится огромный объем ранее, по сути, неизвестных данных о русском синтаксисе, которые несомненно важны и в общеславянском контексте. Остается надеяться, что подобные исследования будут проведены и для других славянских языков, позволив обрисовать картину поведения ваккернагелевских энклитик в славянском мире и предоставив значительный материал для сравнения с другими древними индоевропейскими языками.

В заключение рецензии мы попытаемся обрисовать значение работы А.А. Зализняка в контексте современной теоретической лингвистики. Изучение феноменов, связанных со второй позицией в предложении, было традиционно сосредоточено вокруг двух типов явлений: ваккернагелевских клитик и языков типа германских с расположением глагола на втором месте по крайней мере в некоторых типах клауз ([Циммерлинг 2002; Anderson 2005] с библиографией). Нам представляется весьма поучительным сравнение того, как описывают системы «ваккернагелевских» клитик (или «клитик второй позиции») А.А. Зализняк и С. Андерсон, который в гл. 6 своей монографии приводит подробное описание тагальских клитик.

Многие элементы этих описаний весьма похожи. Так, система рангов А.А. Зализняка устроена, в сущности, так же, как сформулированы С. Андерсоном в рамках теории оптимальности ограничения на размещение конкретных клитик. Однако здесь нам хотелось бы обратить внимание на важное различие этих двух работ, которое связано с различиями в подходах их авторов. А.А. Зализняк формулирует описательные обобщения на основе имеющихся данных; перед С. Андерсоном же стоит задача объяснить данные на основе сделанных ранее теоретических допущений. В связи с этим ему необходимо всякий раз принимать решения относительно теоретического статуса сделанных им эмпирических наблюдений. Так, он замечает, что в тагальском языке могут занимать позицию после первого слова, следующего за дискурсивно выделенной составляющей, – в сущности, это и есть ритмико-синтаксический барьер. Однако система теоретических допущений требует не останавливаться на этой констатации, а определить тип составляющей, вторую позицию в которой занимают клитики. Из-за этого С. Андерсон вынужден вводить дифференциацию ограничений на размещение клитик в различных типах составляющих (в его системе это узлы CP и IP).

Не исключено, что более подробное рассмотрение тагальских конструкций с различной просодической структурой, не ограничивающиеся двумя типами, которые принял во внимание С. Андерсон, помогло бы обнаружить более тонкие различия, которые не сводятся к (никак не объясняемому) различию двух конкретных типов узлов, но позволяют вывести это различие из понятия о достаточно общей категории синтаксических единиц, которые как бы «обнуляют счетчик» позиций для расстановки энклитик (как уже говорилось выше, ритмико-синтаксические барьеры А.А. Зализняка обладают сходством скорее с просодическими граничными символами, чем со скобочной записью иерархической синтаксической структуры; заметим в скобках, что как раз границы IP и CP с высокой вероятностью приводят к появлению таких просодических границ). Широкий эмпирический охват работы А.А. Зализняка в сочетании с теоретической нейтральностью позволяет делать обладающие хорошей предсказательной силой обобщения, не зависящие от конкретных представлений о синтаксической и просодической типологии и теории. В этом заключается огромная ценность рецензируемой работы: остается надеяться, что теоретические обобщения относительно феноменов «второй позиции» (и не только) в будущем возможно будет строить на основе столь же тщательно и корректно собранных и обработанных данных

реального языкового употребления – конечно, со всеми оговорками филологического и социолингвистического характера, касающимися работы, как в данном случае, с древними языками*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зализняк 1985 – А.А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
Зализняк 2007 – А.А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 2-е изд. М., 2007.
Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Циммерлинг 2002 – А.В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.
Anderson 2005 – St.R. Anderson. Aspects of the theory of clitics. Oxford, 2005.
Chen 1987 – M.Y. Chen. The syntax of Xiamen tone sandhi // Phonology yearbook. 4. 1987.
Clements 1978 – G.N. Clements. Tone and syntax in Ewe // Donna Jo Napoli (ed.). Elements of tone, stress, and intonation. Washington, 1978.
Neeleman 2005 – Ad. Neeleman. Soft mutation at the interface // H. Broekhuis et al. (eds.). Organizing Grammar; Linguistic Studies in Honor of Henk van Riemsdijk. Berlin, 2005.

П.В. Иосад

В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка.
М.: Наталис, 2008. В 2-х книгах. Кн. 1. 560 с.; Кн. 2. 448 с.

Двухтомная грамматика современного японского языка, являющаяся результатом тесного сотрудничества коллектива из трех авторов, безусловно, должна быть признана событием в отечественной японистике – не в последнюю очередь потому, что других отечественных работ сравнимого объема, масштаба и научного уровня, насколько нам известно, просто не существует. Учитывая постоянно увеличивающийся интерес к японскому языку, этот факт не может не удивлять.

Отечественная японистика исправно выпускает учебники японского языка [Нечаева 2001; Лаврентьев 2002; Головнин 1999], которые в подаче материала ориентированы сугубо на практические цели обучения языку. Регулярно появляются и теоретические работы или практические пособия по частным вопросам (например, по ономатопеотике [Подшибякина 2003], пунктуации [Данилов и др. 2004] или научно-технической лексике [Кутафьева 2005]). Тем не менее, в плане крупных теоретических работ отечественным филологам и лингвистам

приходилось довольствоваться переводной работой 1958–1959 гг. [Киэда 2002], заслуживающей всяческого внимания, но отражающей точку зрения только традиционной японской лингвистики. К ней примыкает небольшой справочник [Лаврентьев 2005], который, впрочем, не претендует на системное описание грамматики. Между тем, типологический подход, в основном принятый в монографии, дает возможность по-новому взглянуть на многие старые теоретические проблемы.

«Теоретическая грамматика японского языка» призвана заполнить эту лакуну и преследует иные цели, чем учебник. Книга представляет собой весьма удачную попытку представить в системном виде грамматику языка, в основном морфологию и синтаксис, и предложить некоторый компромисс между различными традиция-

* Работа над рецензией выполнена в Университете Тромсё, Норвегия (Universitetet i Tromsø), в Центре углубленных исследований по теоретической лингвистике (CASTL).

ми описания. Японский язык авторы постоянно помещают в типологический контекст и принимают решение в пользу того или иного способа описания, сообразуясь с типологическими данными. Это делает работу незаменимым справочным пособием для типологических исследований. Из этих же соображений авторы отказываются от использования японской письменности при передаче примеров. Все примеры представлены в единообразной латинской транскрипции и снабжены глоссами.

Радует и разнообразие источников. Примеры почерпнуты не только из типологических работ и грамматик, но и из литературных произведений (в том числе таких классиков японской литературы, как Кавабата Ясунари, Нацуме Сосеки, Акутагава Рюноске), газет (Акахата, Йомиори Симбун и т. д.), а также аудиозаписей живой речи.

Грамматика снабжена как тематическим, так и именным указателем, присутствует список сокращений, используемых при глоссировании, и список сокращенных наименований источников. Полное содержание, как первой, так и второй книги, дублируется в обоих томах. К сожалению, список источников находится лишь в конце второго тома, что несколько затрудняет читателю обращение к нему в процессе чтения тома 1.

Издание состоит из вводного раздела и трех больших частей: «Морфология» (составляющая целиком Книгу 1), а также входящие в Книгу 2 «Синтаксис простого предложения» и «Полипредикативные конструкции». Каждая из частей написана в основном (за небольшими исключениями, оговоренными во введении) одним автором: соответственно, В.М. Алпатовым, П.М. Аркадьевым и В.И. Подлесской. В вводный раздел входит предисловие, введение и первая глава, в которой излагаются базовые сведения по фонологии и морфонологии японского языка.

Во введении обсуждаются, во-первых, вопросы, касающиеся структуры изложения и устройства книги, информация о самих авторах и указание на авторство тех или иных разделов. Во-вторых, введение предоставляет читателю необходимую информацию о генетической и ареальной характеристике языка и вкратце обсуждает связанные с этим теории, обрисовывает японскую лингвистическую традицию и историю европейских исследований японского, включает и такой характерный для японских грамматик раздел, как обсуждение лексических классов слов и заимствований. В-третьих, дается краткое упоминание тех проблем, которым, к сожалению, не нашлось отдельного места в книге – таких, например, как диалекты японского языка, вопрос о япон-

ской письменности, различия в мужской и женской речи. Заметим, впрочем, что именно эти проблемы являются предметом достаточно обстоятельного разбора в недавно вышедшей отдельной книге [Алпатов 2008].

В Главе 1, вынесенной за рамки первой части, излагаются, как уже было сказано, базовые сведения по фонологии и морфонологии. В частности, приводится таблица фонем японского языка, вводится важное для японского языка понятие моры. Подробно обсуждается такой немаловажный вопрос, как выбор транскрипции и его обоснование. Из трех возможных методов записи (принятая в отечественной японистике кириллическая поливановская транскрипция, хепберновская и японская государственная латиница) авторский коллектив вполне закономерно делает выбор в пользу самой неудачной с фонологической и фонетической точки зрения, но самой распространенной хепберновской. К сожалению, обсуждение диалектов и региональных вариантов японского языка не входит в круг рассмотрения авторов, а, как известно, именно на диалекты приходится основная вариативность в акцентуации японского языка.

Оставшуюся часть первого тома занимает Часть I, наиболее обширная из трех частей книги. Она охватывает главы со второй по восьмую, неравнозначные по размеру, и посвящена морфологии японского языка, то есть рассматривает грамматические явления на уровне слова.

Задумана и исполнена она с логической точкой зрения очень изящно и стройно. Открывается морфологическая часть вполне традиционно – обсуждением вопроса о частях речи (Глава 2), которых автор (В.М. Алпатов) выделяет четырнадцать: 1) имена, 2) непредикативные прилагательные, 3) наречия, 4) примененные, 5) обособленные, 6) глаголы, 7) предикативные прилагательные, 8) связки, 9) вспомогательные глаголы, 10) частицы, 11) послелоги, 12) союзы, 13) субстантиваторы, 14) коммуникативные форманты.

В традиционно построенной грамматике мы могли бы далее ожидать поэтапное описание выделенных единиц от общего к частному (часть речи, затем их разновидности и средства выражения, функции и т. д.). По такому пути идет, например, грамматика [Кизэда 2002]. Здесь же описание строится скорее индуктивно. В центре внимания автора находятся в большей степени аффиксы, их сочетаемость и взаимодействие, чем та или иная категория. Уже само разбиение на главы несколько условно. С формальной точки зрения, оно выглядит следующим образом: именное словоизменение (имя) – Глава 3, глагольное словоизменение (глагол и предикативное прилагательное) –

Глава 4, синтаксические служебные элементы (послелоги, частицы, союзы, связки, субстантиваторы, коммуникативные частицы) – Глава 5, местоимения – Глава 6, прочие части речи (исследовательские прилагательные, именные, наречия, обособленные) – Глава 7. Последняя глава несколько выпадает из частеречной тематики и посвящена словообразованию. На деле, даже разбиение на части речи в значительной мере условно. Так, например, личные местоимения подробно описаны в первой части, а с неопределенными и вопросительными читатель встречается только во второй – в составе Главы 13 («Конструкции с неопределенными местоимениями»). Аналогичным образом, деепричастия подробно охарактеризованы в разделе «Полипредикативные конструкции» (Часть 3), в то время как в соответствующей морфологической части они лишь присутствуют в таблице в виде набора окончаний без каких-либо комментариев.

Структура «от частного к общему», свойственная первой части, диктует и связанные с избранной манерой изложения достоинства и недостатки.

С типологической точки зрения, кумулятивное выражение тех или иных категорий или сочетаемость показателей разных категорий в рамках одной словоформы являются значимыми. При таком подходе категории заключительных аффиксов (отвечающие за выражение важного для японского языка понятия синтаксической позиции) оказываются вместе и различные синтетические формы рассматриваются совместно. Отдельно рассматриваются аналитические формы с особым вниманием к используемым ими вспомогательным глаголам. Такое инвертированное устройство грамматики позволяет подробно обсудить теоретические проблемы, связанные с каждой конкретной формой, упомянуть альтернативные подходы к их решению. Книга также изобилует ссылками на более специальную литературу по тому или иному вопросу, что несомненно для типологического исследователя. Грамматика приглашает читателя задуматься над фактами языка, что является ее несомненным достоинством.

С другой стороны, поскольку синтетические и аналитические формы распределены по разным главам, единая грамматическая категория оказывается разбросана по разным разделам грамматики. Привычные разделы «Наклонение», «Время» оказываются подразделами описания заключительных аффиксов – «окончаний». Как неизбежно следствие, у читателя не может сложиться цельное, системное представление об устройстве и функционировании той или иной категории.

Образовать конкретную форму и реально использовать ее на основе знаний, полученных из грамматики, также представляется затруднительным. Так, например, в разделе 5.2.1.5 «Вспомогательные глаголы imperative» вперемешку даны вспомогательные глаголы, присоединяющиеся к разным деепричастным основам. Сочетаемость задана списком во вводных замечаниях в начале раздела, но использовать этот список в практических целях не очень удобно. Но, по-видимому, авторы и не ставили перед собой такой задачи.

Перейдем теперь к более подробному обсуждению содержания глав.

Скромная по размеру Глава 3 посвящена словоизменению имени и подробно описывает единственный факт словоизменения, зарегистрированный для японского имени: способность присоединять генитивный префикс *o-/go-*. Особо отмечаются его негенитивные употребления в значении неэтикетной, или собственной, вежливости (говорящий подчеркивает собственную воспитанность и благожелательность, а не уважение к собеседнику).

Глава 4 продолжает тему словоизменения, но в глаголе. Глава начинается с обсуждения проблематичного применительно к японскому языку вопроса морфемного членения. Японская лингвистическая традиция, а вслед за ней и русская традиция описания японского языка не проводят морфемную границу посередине слова. С учетом закона открытого слога, функционирующего в японском, и самой силабической природы японского алфавита это понятно и удобно для многих практических целей. Авторы отказываются от этой системы членения в пользу другой, типологически и теоретически более обоснованной. Упоминаются и два принципа, положенных в основу описания:

1) различие синтетических и аналитических форм;

2) синтаксическая позиция, в соответствии с которой все словоформы делятся на предикативные, определительные и обстоятельственные.

На практике это отражается все в том же принципе восхождения от частного к общему и от более грамматичного к менее грамматичному.

За вводными замечаниями следует обсуждение семантических классов глаголов. Выделяются следующие противопоставления: 1) активные ~ стативные; 2) контролируемые ~ неконтролируемые; 3) моментальные ~ длительные; 4) предельные ~ непредельные. Этот, безусловно, нужный и полезный раздел мог бы несколько выиграть за счет расширения числа примеров, которые облегчили бы восприятие

материала. Так, например, дважды приводится утверждение о том, что деепричастные формы на *-te* от длительных глаголов «могут указывать на любую временную соотнесенность двух событий, в том числе на их одновременность» (с. 81, затем схожее на с. 83) со ссылкой на работу [Endoo 1982], к которой, возможно, не все читатели смогут обратиться. К сожалению, пример на это крайне интересное явление, так и не приводится.

Выделяются четыре наклонения (изъявительное, предположительное, повелительное 1-го лица и повелительное 2-го лица). Верный принципу восхождения от частного к общему, автор в первую очередь рассматривает все синтетические формы наклонений, аналитические же рассматриваются позже, в разделе вспомогательных служебных слов. В числе синтетических форм выделен и синтетический императив, самостоятельный статус которого неоднократно подвергался сомнению. Как справедливо отмечено в работе, японские дети осваивают сначала синтетическую форму и лишь позднее более длинную аналитическую. Убедительны аргументы в пользу рассмотрения ее отдельно, а не как эллиптического варианта императива аналитического.

Особо хочется отметить раздел, посвященный категориям времени, в котором обсуждается вопрос об абсолютном и относительном характере японских временных форм. И те, и другие тенденции убедительно продемонстрированы на отрывках из текстов. Формы настоящего-будущего времени в нарративе могут иметь относительный характер, выражая значение одновременности. В каждом разделе обсуждается синтаксическая позиция, которую может занимать данная форма, сочетаемость данного аффикса с другими и соотнесенность аффикса с семантическим классом.

Глава 5 посвящена синтаксическим служебным элементам. Как и по всей книге, проводится разделение между приименными и приглагольными элементами. В состав приименных служебных элементов включены послелоги, показатели имен лиц, множественности, ограничительные частицы и союзы. Для послелогов и показателей имен лиц упомянуто и значимое отсутствие показателя. Каждая отдельная статья изобилует примерами, часто присутствуют статистические данные об употреблении, а также комментарии о принадлежности к тому или иному стилю.

Раздел о «показателях имен лиц» можно было бы, как нам кажется, несколько расширить. Во-первых, утверждается, что показатели «присоединяются к существительным, обозначающим людей» (с. 240). Это в общих чертах верно, но не включает ряд более част-

ных, вполне литературных употреблений. Так, например, японские бизнесмены традиционно присоединяют показатель имен лиц к названиям фирм (*Mitsubishi-san*, *Kawajii-san* – в разговоре, *Mitsubishi-sama e* – в начале официального письма, если неизвестен конкретный адресат). Аналогичным образом, показатель *-san* может присоединяться к наименованиям некоторых заведений (*hon'ya-san* – книжный магазин). Во-вторых, невозможность присоединения к личным местоимениям и именам родства, возможно, заслуживает чуть более обширного комментария.

Прекрасно выполнены статьи по глагольным служебным элементам. Подробно описана система личных местоимений (Глава 6), местоимения типа *anatasama*, *antasam*, *otasesan* трактуются как единый блок, в котором не выделяется соответствующий показатель имени лица (*san*, *sama*).

Второй том, посвященный синтаксису японского языка, делится, как уже было сказано, на две части: «Синтаксис простого предложения» (Часть 2) и «Полипредикативные конструкции» (Часть 3).

Часть 2 выполнена в совершенно ином стиле. Если первая часть напоминает скорее справочное пособие, то вторая часть совмещает в себе черты учебника и научной статьи. Автор во многом опирается на принципы, сформулированные в работе [Тестелец 2001]; практически все термины объясняются (в том числе и на материале русского языка) и иллюстрируются примерами, что должно облегчить восприятие раздела читателю со слабой лингвистической подготовкой.

К сожалению, основная часть примеров этого раздела заимствована из разнообразных грамматик, а примеры из художественной литературы или газет практически отсутствуют. Главы написаны интересно и подробно, но, по-видимому, не претендуют на полноту охвата материала, а сосредотачиваются на интересных или хорошо описанных в предшествующих исследованиях явлениях.

Вступительная глава второй части (Глава 9) дает типологическую характеристику японскому языку с точки зрения строя, зависимостного маркирования, направления ветвления. Вводятся такие важные для японского языка понятия, как эллипсис и топик.

Глава 10 посвящена членам предложения в японском языке. Вводится понятие подлежащего как ИГ, обладающей максимумом признаков грамматического приоритета. Исчислены такие признаки для японского языка, как показатель *ga*, контроль гоноратива, контроль референции возвратного местоимения *jibun*, контроль ряда наречий, пассивизация, эллипсис, подъем,

указанны возможные конфликты этих признаков. Хорошо проработана формальная база для канонического определения частей речи в японском предложении, предложена иерархия членов предложения (подлежащее – прямое дополнение – непрямое дополнение – прочие). В этой же главе рассматривается топик, его грамматические свойства и функции в японском языке. Топик стандартно занимает начальную позицию в предложении, однако японский язык позволяет и «мини-топики» внутри предложения, относящиеся лишь к ИГ, слева от которой они находятся. Не забыты и конструкции с неканоническим оформлением членов предложения.

В Главе 11 рассматриваются порядок слов и структура предложения. Как известно, в японском языке нет жестких правил для расположения членов предложения, тем не менее определенные ограничения существуют. В главе кратко обсуждаются эти ограничения. Получает освещение и известная проблема японских плавающих квантификаторов.

Подробно разбирается грамматическая анафора (Глава 12) на примере описания дистантного анафора *jibun*, локального *jibun-jishin* и прonomинала *kare* (*kanojo*, *karera*). К сожалению, список рассматриваемых местоимений несколько ограничен и в теоретической грамматике языка хотелось бы видеть более подробный разбор и других местоимений. В связи с местоимением *jibun*, возможно, следовало бы упомянуть несколько устаревшее местоимение *onore*, ранеевыполнявшее его функции и не совсем исчезнувшее из употребления. За пределами литературного языка в сходной функции может выступать грубое местоимение второго лица *tete*. Несмотря на то, что формально оно не входит в область рассмотрения теоретической грамматики литературного языка, сопоставление этих различных анафорических средств могло бы быть интересно читателю и, безусловно, обогатило бы раздел. Аналогичным образом, за рамками грамматики остался вежливый эквивалент *kare* – ряд *anohito* / *sonohito* / *konohito*, как и в принципе весь ряд указательных местоимений. Между тем, они выполняют в японском языке разнообразные функции, вплоть до субSTITУции личных местоимений в вежливой речи (*kochira* – *sochira*).

Неопределенные местоимения в общих чертах рассматриваются в Главе 13, но и тут грамматика ограничивается некоторыми базовыми и наиболее интересными моментами. Неполнота охвата в некоторой степени компенсируется ссылками на литературу, которыми исправно снабжена каждая глава раздела.

Заключительная и, пожалуй, самая примечательная глава второй части (Глава 14) помогает

читателю составить представление о залоге и актантных деривациях в японском языке.

Часть 3 соответствует уровню сложного предложения. В отличие от русского языка, в рамках японского противопоставление сложного и осложненного оборотом предложения не оправдано, в связи с чем употребляется термин «полипредикативные конструкции».

В Главе 16 проводится классификация предикативных конструкций по типу связи. Разграничение сочинения и подчинения осуществляется за счет обращения к набору признаков, соответствие или несоответствие которым определяет положение конструкции на шкале координативности. Далее автор последовательно рассматривает конструкции в порядке удаления от прототипического сочинения. Граница между сочинением и подчинением проводится на случае конструкций с типологически редкими репрезентативными деепричастиями (*-tari*), совмещающими в себе сочинительные и подчинительные свойства.

Собственно подчинительные конструкции разбиты на три главы в соответствии с типом синтаксической функции подчиненной предикатии: предикатные обстоятельства (Глава 17), предикатные определения или относительные предложения (Глава 18), предикатные актанты (Глава 19).

В целом, книга, безусловно, удалась и представляет интерес как для типологов, так и для изучающих язык. Авторы представили на редкость добросовестное и профессиональное описание различных аспектов японского языка в типологически обоснованных терминах. Как и положено теоретической грамматике, книга изобилует ссылками на лингвистические работы, выражающие различные точки зрения и локализует проблемные с теоретической точки зрения области. В предисловии в качестве одной из целей авторы называют желание научить читателя «думать о японском языке». Цель эта была блестяще достигнута.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллатов 2008 – В.М. Аллатов. Япония: Язык и культура. М., 2008.
- Головнин 1999 – И.В. Головнин. Японский язык для начинающих. М., 1999.
- Данилов и др. 2004 – А.Ю. Данилов, Н.А. Сыромятников. Японский язык. Пунктуация. Знаки повтора. Вспомогательные пометы. М., 2004.
- Киэда 2002 – М. Киэда. Грамматика японского языка. М., 2002.
- Кутафьева 2005 – Н.В. Кутафьева. Японский язык. Особенности научно-технического стиля. М., 2005.

Лаврентьев 2002 – Б.П. Лаврентьев. Самоучитель японского языка. М., 2002.
Лаврентьев 2005 – Б.П. Лаврентьев. Практическая грамматика японского языка. М., 2005.
Нечаева 2001 – Л.Т. Нечаева. Японский язык для начинающих. М., 2001.
Подшибякина 2003 – А.А. Подшибякина. Оно-

матопоэтическая лексика в японском языке. М., 2003.
Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
Endoo 1982 – Н. Endoo. Setsuzoku joshi «te» no yoohoo to imi // Onsei, gengo no kenkyuu. V. 2. Tokyo, 1982.

Е.А. Черниговская

И.Г. Добродомов, И.А. Пильщиков. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М.: Языки славянских культур, 2008, 312 с. (Philologica russica et speculativa; T. VI).

В очередной книге серии «Philologica russica et speculativa» представлен 21 очерк, посвященный анализу смысла и истоков особых пушкинских словоупотреблений, называемых по традиции «темными местами». Их уникальный характер авторами показывается и по необходимости доказывается: как известно, язык первой трети XIX столетия – это язык другой эпохи, поэтому пушкинская простота таит в себе немало многозначительных мелочей, в которые надо внимательно взглянуться, чтобы понять не только отличие, но и самое наличие «темных мест». Так что на самом деле авторы демонстрируют не только технику описания расхождений с современным языком, но и технику обнаружения того, во что именно надо всматриваться. И именно в этом проявляется, как кажется, наиболее значительная отличительная особенность продемонстрированной в книге филологической стратегии, строгой и вместе с тем узнаваемой по индивидуально-авторским обертонам.

Особенно непросто увидеть подобные неявные неясности в тексте классическом, и настолько закомментированном специалистами, что, кажется, ничего не осталось неразгаданным, и читательское восприятие которого закоснело под гипнозом школьной программы и примелькалось настолько, что, как пишут авторы, «нам иногда неизвестно даже буквальное значение слов, давно знакомых нам из книг» (с. 8). Это столкновение определений «давно знакомый нам» и «неизвестный нам» здесь не выглядит нарочитым, ибо оно кратко определяет сквозной мотив всей книги. В сущности, эта антитеза в формулировке может быть воспринята и как сознательное отнесение к термину «остранение».

Каждый из очерков, возвращающий свежесть и странность восприятия терпеливому читателю, озаглавлен либо привычной пушкинской строкой (13 очерков), либо более короткой, порой и однословной цитатой. Первые пять-семь строф главы первой «Евгения Онегина», да и другие места из «Онегина» довольно часто заучиваются школьниками наизусть. Таким об-

разом, притворно понятный и нередко затверженный заголовок очерка противопоставляется его тексту как комментарию, разоблачающему его глубинный сокровенный смысл, невидимый нам и очевидный и существенный для Пушкина и его современников-читателей.

Последовательность очерков в точном соответствии с расположением комментируемых цитат в тексте «Евгения Онегина» также указывает на жанровое родство очерков с комментариями к произведению. Однако филологическая герменевтика, представленная в виде ряда филиграных образцов в этой книге, и прикладное комментированиес, в основном школьного уровня, при всей несомненности их родства и параллельной нацеленности на прояснение неочевидных для читателя мест в тексте, пересекаются разве что только где-то за горизонтом.

И дело не только в коренном отличии подходов: при комментировании обычно растолковывается неясное слово, а в рассматриваемой книге расследуется, откуда взялся вроде бы в целом ясный контекст или наименование. Дело, главным образом, в инструментарии, позволяющей касаться «малых... величин».

Понятно, что преодоление непонимания и уточнение достигнутого уровня понимания – это вечная борьба с забвением. Так что возвращение к авторскому восприятию текста не лишается смысла из-за того, что остается уделом небольшого круга читателей.

Одним из инструментов возвращения к подлинному смыслу поэтического словоупотребления является анализ словарей прошлого и настоящего. Кроме того, изучение вариативности оформления текста, пушкинской «текстологии и орфографии» (с. 10) также поставлено на службу растолкования.

Если от линейного расположения очерков перейти к тематическому, то становятся более явными принципы их отбора для книги.

Во-первых, это образы античности и истоки их усвоения и осмысления в поэзии Пушкина: строкой «Всевышней волею Зевеса» задается указание на «ироикомические истоки» романа в стихах (с. 11 и сл.); неявные синонимичные

названия красавицы «Армида. Цирцея. Филида» расследованы по черновым вариантам (с. 84 и сл.); «Озарена лучем Дианы» – так говорили про Луну, что неправильно, но поэтично (с. 150 и сл.); «Немолчный шопот Нериды» уводит нас в Пушкинский Крым (с. 181 и сл.); а также толкуемое в связи с гречизмом планета и его переводами «У ночи много звезд прелестных» (с. 170 и сл.) и в связи со словом скандал и проч. рассматриваемое выражение «Соблазнительная честь» (с. 187 и сл.).

С этим блоком тесно связаны толкования упоминаний имен античных деятелей искусств и поэзии, поэтической терминологии: «Потолковать об Ювенале» (с. 43 и сл.); «Виргилий & al.» (с. 133 и сл.); «Эпикурейцы-мудрецы» (с. 156 и сл.); «Его цевницы первый стон» (с. 100 и сл.); «Текут элегии рекой» (с. 118 и сл.). Помимо простой денотативной идентификации (как для слова цевница) здесь представлена еще и реконструкция того, как воспринимались и оценивались Пушкиным упомянутые деятели древности, что для него значили их имена.

Можно выделить особую тему рассмотрения дендиизма как явления заимствованного и его атрибутов: «Как Dandy Лондонский одет» (с. 19 и сл.); «Ученый малый, но педант» (с. 28 и сл.); «Rost-beef и beef-steaks» (с. 64 и сл.); а также взятый из вариантов текста и быстро демократизированный «Винегрет / vinaigrette» (с. 72 и сл.). Племяннику-дэнди противопоставлен всем образом жизни дядя, который «В окно смотрел и мух давил» (с. 91 и сл.).

Тема конного транспорта оказывается по-настоящему чуждой современному массовому читателю и также отчаянно нуждается в герменевтическом сопровождении: «“Поди! поди!” раздался крик» (с. 50 и сл.); «Ямщик сидит на облучке» (с. 125 и сл.); «Форрейтор бородатый» (с. 160 и сл.) – все три эссе воссоздают эту забытую сторону повседневного быта прошлого.

Исследование итальянского эпиграфа к шестой главе «Una gente a cui l'morir non dole» (с. 142 и сл.) открывает массу осколков, содержательная ценность которых возрастает по мере их компоновки в единое целое. При этом демонстрируется, каким образом ничтожные показания контекста могут привести к источнику цитирования и помочь нам понять, как формировались и чем ограничивались представления Пушкина об итальянской поэзии.

«Корсар в отставке, Морали» из редко дочитываемого «Путешествия Онегина» (с. 207 и сл.) завершает представление. Приближаясь к читателю, он так и остается фигурой не до конца разгаданной. Вряд ли удастся исчерпать это нарочито туманное описание, но хочется добавить, что «сын Египетской земли» по-грес-

чески – это, весьма вероятно, γύφτος ‘цыган’ < ‘египтянин’. Это тем более любопытно, что на возможной родине корсара Морали в Морее (с. 213), т.е. Западном Пелопоннесе, находился и Малый Египет, из которого, как предполагается, еще в начале XV в. первые группы византийских цыган устремились в Европу [Soulis 1961: 16].

Рассмотрим вслед за авторами один из очерков, чтобы ближе познакомиться с используемым методом. Сегодня читательский взгляд, как правило, не задерживается на свободном словосочетании *прелестные звезды*:

«У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве» (7, LII, 1–2).

Но исследователи неоднократно обращали на него внимание. М.И. Шапир указал на источник – сравнение красавиц со звездами в «Искусстве любви» Овидия (I, 59): *...quot caelum stellas, tot habet tua Rota puellas* = «... сколько на небе звезд, столько в твоем Риме молоденьких женщин». Такой параллелизм образов говорит о весьма вероятной пресмытвенности.

Более широкий контекст у Пушкина содержит сравнение первой красавицы с луной, окруженной звездами, и этот образ, как показывают авторы, имеет переклички с поэзией и прозой русских предшественников Пушкина. Но и пушкинская строфа вскоре также начинает отражаться в новых поэтических произведениях, например, у Е.А. Баратынского. Восстановление такого ряда связей позволяет взглянуть на сравнение красавиц со звездами, Луной как на развитие традиционного поэтического образа, восприятие которого в свете предложенного комментария становится еще более сложным, обогащающимся за счет открытых параллелей.

Наряду с этим обнаруживается и своеобразие определения *прелестные* при звездах: «Прежде всего, оно воспринимается как относящееся не только и не столько к звездам, сколько к красавицам, которые сравниваются со звездами». Кроме того, в этот период особенно значимым было столкновение двух значений прилагательного *прелестный*: нового значения «1) очаровательный, чудный, прекрасный» и прежнего, восходящего к церковной литературе, значения «2) обольстительный, связанный с обольщением, соблазнами». При этом авторы показывают, что церковная и архаическая традиция, в нейтральном виде присутствуя, не является лишь пассивным фоном для нового словоупотребления: ею обусловлено и употребление самого словосочетания *прелестные звезды*. Последнее восходит к греческим обозначениям небесных тел и подкреплено новозаветными контекстами. «Иначе говоря, выражение *прелестные звезды* в LII строфе

7-й главы пушкинского “романа в стихах” может трактоваться и как свободное субстантивно-адъективное сочетание, в котором сохраняются самостоятельные лексические значения обоих компонентов (‘прелестные’ + ‘звезды’), и как фразеологическое сращение с одним из двух неразложимых значений – ‘планеты’ (‘блуждающие звезды’) или ‘метеоры’ (‘падающие звезды’)).

Даже из этого схематичного пересказа видно, что учет незначительных показаний контекста и цитатных перекличек позволяет наряду с поверхностным и лишь в целом верным пониманием поэтического образа (обычным для массового восприятия) предложить и углубленную интерпретацию, обоснованную с учетом исторических связей и убедительно реконструирующую подлинный авторский замысел, далеко не всегда очевидный для современного читателя. После прочтения книги возникает ощущение, что показан лишь небольшой фрагмент добытого материала, что вполне созвучно жанру очерков.

Книга пополняет современную герменевтическую линию отечественной пушкинистики,

недавно обогатившуюся и работами редактора рецензируемого издания А.Б. Пеньковского [Пеньковский 2005].

Прекрасные указатели (слов, форм и выражений, произведений и писем Пушкина, имен собственных) делают пользование книгой именно в специальных филологических целях не только оперативным, но и комфортным. В отношении качества служебного аппарата, как и в отношении оформления, книга заслуживает высочайшую оценку. Остается только пожелать, чтобы такой пример стал образцом для подражания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Пеньковский 2005 – А.Б. Пеньковский. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005 (*Philologica russica et speculativa*. Т. IV).
Soulis 1961 – C.S. Soulis. The Gypsies in the Byzantine Empire and the Balkans // Dumbarton Oak Papers. № 15. Washington, 1961.

В.В. Шаповал